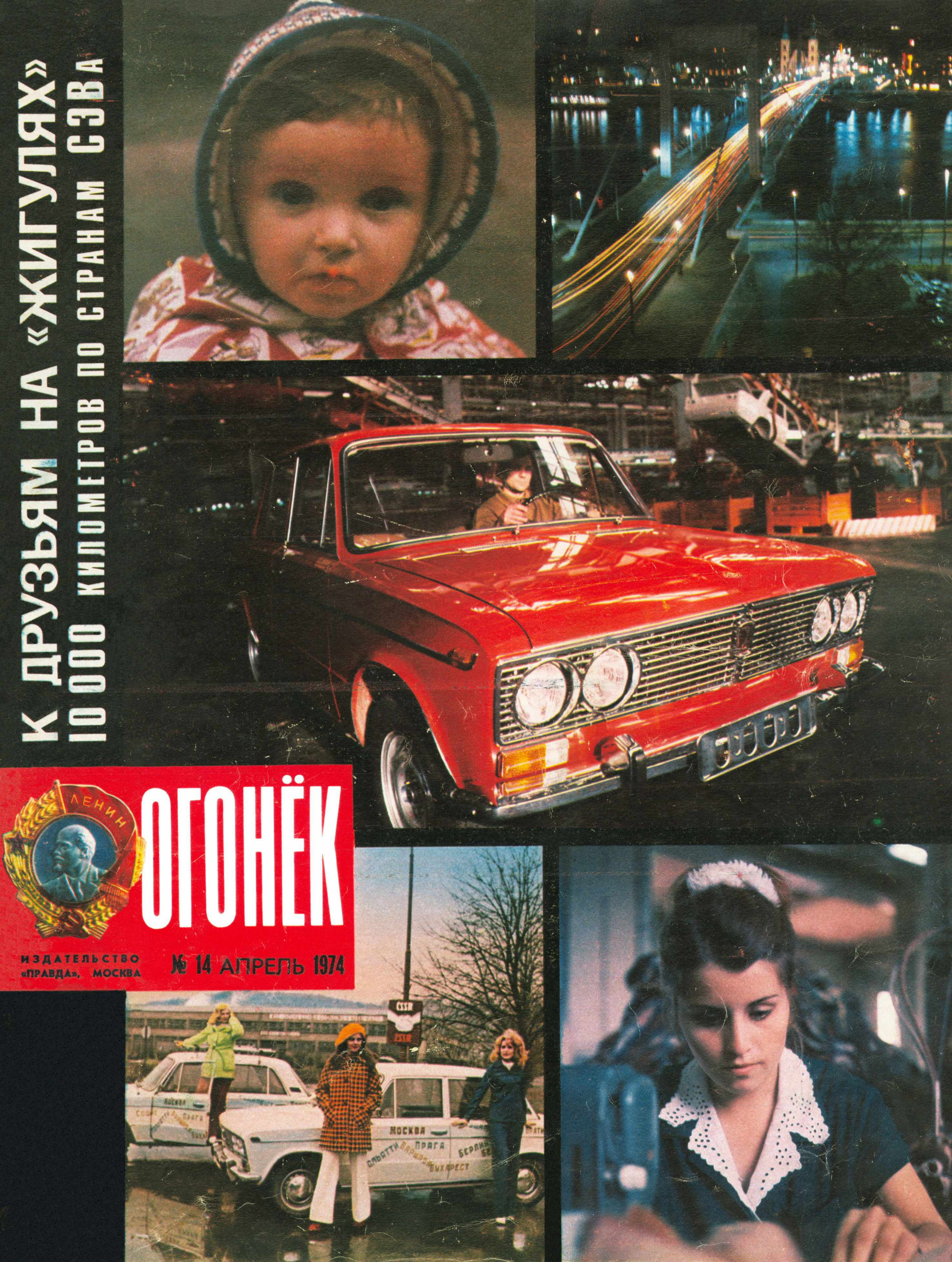

К ДРУЗЬЯМ НА «ЖИГУЛЯХ»
10 000 КИЛОМЕТРОВ ПО СТРАНАМ СЭВА
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 14 АПРЕЛЬ 1974
CSSR
МОСКВА
ПРАГА
БУХАРЕСТ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 14 (2439)

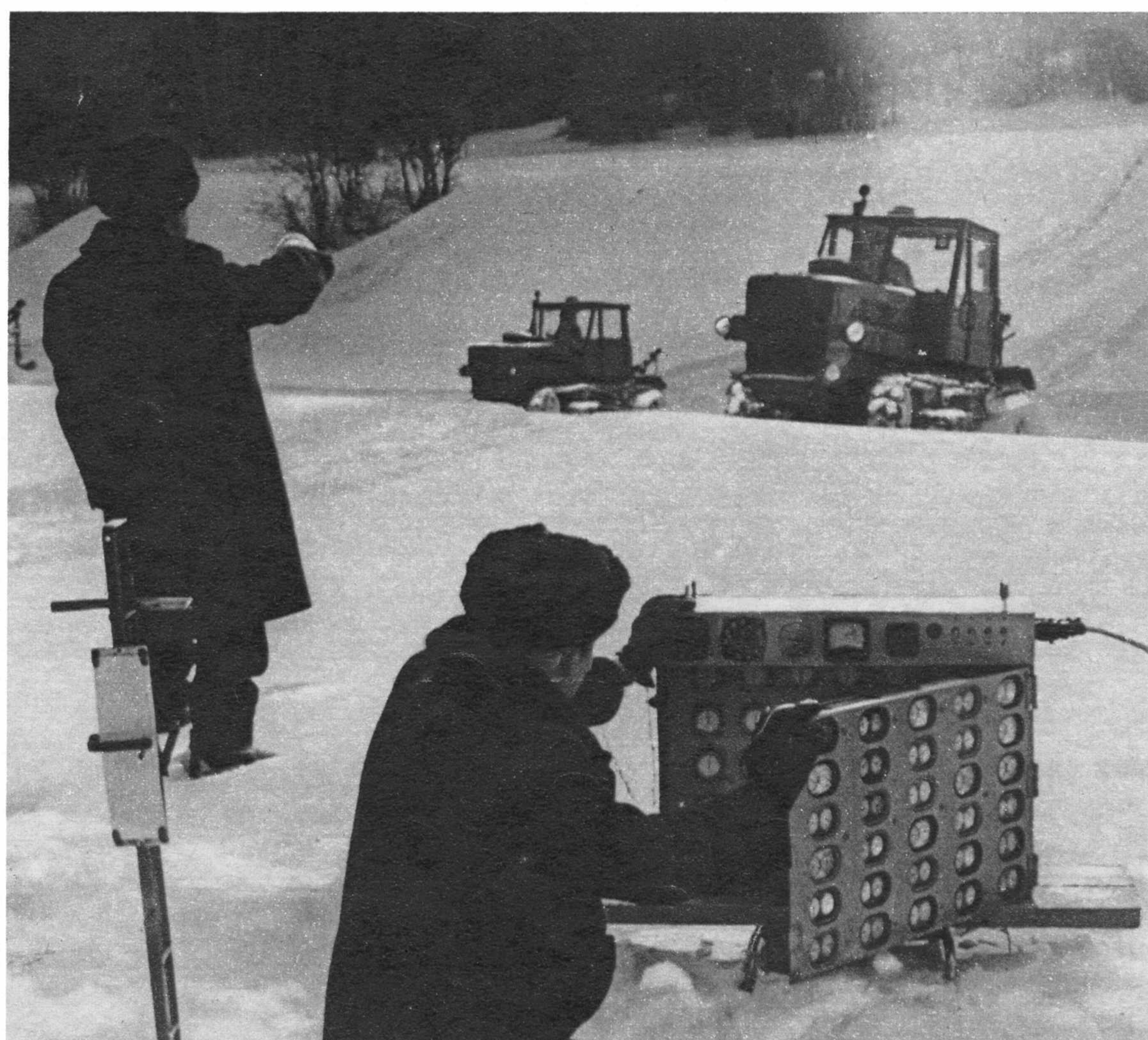
1 АПРЕЛЯ 1974

ТРАКТОР Н

Директор станции доктор технических наук Сергей Петрович Козырев.

Полевые испытания гусеничных тракторов по пересеченной местности.

На старте полигона новые тракторы Т-150 К.

А ПОЛИГОНЕ

Б. СМИРНОВ,
фото
Э. ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

«Нам... нужно все больше и больше машин для сельского хозяйства. Но — не просто машин. Нам нужна новая и новейшая техника, которая соответствовала бы требованиям крупного специализированного производства, позволяла внедрять прогрессивную технологию. Мало сказать, что тут жизнь торопит нас, она неумолимо подгоняет, не давая ни часу передышки».

Из речи товарища Л. И. Брежнева на торжественном заседании в Алма-Ате, посвященном 20-летию освоения целины

Инженер Сурен Зоробян во время испытаний.

БЕСЕДА Л. И. БРЕЖНЕВА С Т. БРАТТЕЛИ

19 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял находившегося в Советском Союзе с официальным визитом председателя Норвежской рабочей партии, Премьер-Министра Норвегии Трюгве Браттели.

Между Л. И. Брежневым и Т. Браттели состоялась дружественная беседа, в ходе которой были затронуты вопросы дальнейшего развития добрососедских советско-норвежских отношений, а также сотрудничества двух стран в решении актуальных международных проблем в интересах европейской безопасности и общего оздоровления международной обстановки.

На снимке: во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

Автобус ушел, растворился в стылом тумане подмосковного леса. И теперь в наступившей тишине явственно слышался высокий звук — это пели на больших оборотах мощные тракторные двигатели.

Мы находились километрах в семнадцати от города Чехова, на испытательной станции НАТИ — тракторного научно-исследовательского института.

— Пришлось специально выбрать место попустынней, поглуше, чтобы не беспокоить никого постоянным шумом,— рассказывает директор станции доктор технических наук С. П. Козырев.— Да и природу подмосковную старались сберечь... А шумим мы много,— признался он,— сами посудите, приходится испытывать различные тракторные узлы и системы на долговечность. Обычно трактор живет шесть тысяч мото-часов, потом его надо капитально ремонтировать. Но мы не можем терять столько времени для полной проверки в рабочих условиях вновь созданных узлов и агрегатов и потому, если можно так выразиться, ускоренно разрушаем здесь тракторы, сокращаем их жизнь в 30—50 раз. Зато потом уже точно знаем, на что способна та или иная испытанная нами новинка, можно ли рекомендовать ее промышленности.

— А как вам удается столь резко сократить жизнь трактора?

— Ну, методов ускоренных испытаний много. Впрочем, вы можете их увидеть...

У въезда на станцию нас встречают водруженные на постамент три стареньких трактора давно забытых моделей. Когда-то, в двадцатые годы, они казались чудом техники и поражали людей так же, как поразили нас сейчас самые современные чудо-тракторы: огромные, широченные колеса, богатырской мощи двигатели, комфортабельные кабины... Был здесь и красавец К-701, выпуск которого ленинградский Кировский завод начнет в ближайшее время, и новейший харьковский трактор Т-150 К, и многие другие модели.

Одна из машин движется каким-то странным образом: резко берет с места и тут же тормозит, еще рывок — и опять остановка... Наконец трактор затихает окончательно, из кабины выбирается испытатель и устало приваливается к горячему, кажется, еще дрожащему тракторному «боку».

— Самое трудное для машины — разгон и остановка. Вот и

К ЦЕНТРУ ТЕРРИТОРИИ СССР...

На карте мира появился еще один символ. * Определен географический центр территории Советского Союза. * Координаты центра рассчитаны с помощью ЭВМ. * Здесь будет поставлен обелиск, посвященный братству народов нашей многонациональной Родины.

Их не так уж много — замечательных географических символов планеты Земля. Эти символы незримы, большинство из них существует лишь на географической карте: Северный полюс, экватор, тропики Рака и Козерога, Полярный круг, границы континентов... И все же человечество навсегда запомнило их местонахождение на поверхности планеты.

В конце XIX и начале XX века были определены еще две исключительные по своей значимости географические точки планеты: центр Европы и центр Азии. Оба они оказались расположенными на территории нашей страны: центр Европы находится в районе города Рахова в Закарпатье, а центр Азии — в столице Тувинской АССР, городе Кызыле.

Мне довелось побывать в обоих этих центрах. Много лет назад там были установлены географические обелиски, привлекающие многочисленные экскурсии туристов. Здесь никто не остается равнодушным! Память воскрешает имена знаменитых первопроходцев и исследователей наших земель — Арсеньева, Беллинсгаузена, Беринга, Головнина, Дежнева, Крузенштерна, Лазарева, Макарова, Невельского, Обручева, Пржевальского, Седова, Шмидта...

И вот рождается еще одна географическая точка-символ — центр территории Союза Советских Социалистических Республик. Своим открытием она обязана успехам географической науки и вычислительной техники. Коллектив научных работников и одновременно опытных путешественников-спортсменов — заместитель главного редактора журнала «Турист» Н. М. Тарасов, В. Т. Козулицын, автор этих строк — под руководством доктора технических наук, кандидата в мастера спорта СССР по туризму Петра Алексеевича Бакута—разработал метод математического расчета «центра тяжести» географической модели территории нашей страны. По мнению Географического общества СССР, предложенный метод расчета позволяет с достаточно высокой точностью определить координаты центра территории СССР.

Где же оказалась эта точка? Ответ был получен от электронно-вычислительной машины. Данные ею координаты были подтверждены и зафиксированы Научно-редакционной картосоставительской частью Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР.

Разверните ваши географические карты, товарищи! С учетом эллипсоидности планеты, сложного контура границ СССР, в том числе морских границ, географический центр нашей Родины оказался в Тюменской области, в междуречье Оби и Енисея, в верховьях реки Таз. Это место удалено от населенных пунктов и относительно труднодоступно. Бескрайняя тайга покрыла огромный водораздел, с которого на восток, запад, север, юг стекают десятки ручьев и рек. Центр территории СССР находится в краю несметных богатств, вокруг него океан нефти и газа.

Летом нынешнего года туда прибудет комплексная экспедиция. Она доставит оригинальную по своей форме конструкцию обелиска. На его титановой поверхности начертаны слова: «ЦЕНТР ТЕРРИТОРИИ СССР. БРАТСТВУ НАРОДОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПОСВЯЩАЕТСЯ».

Воздвигнув обелиск, экспедиция продолжит путешествие на север, к Ледовитому океану, по верховьям реки Таз, той самой, на берегах которой в семнадцатом веке был поставлен торговый град Мангазея.

А обелиск останется наедине с природой. Но ненадолго. Здесь будут проходить общесоюзные слеты, посвященные дружбе народов нашей многонациональной Родины. Здесь будут встречаться любители путешествий — представители всех национальностей Советского Союза. Длина дороги к этой символической точке одинакова как с Кольского полуострова, так и из Приморского края, как с Украины, так и с Чукотки.

По заданию Географического общества СССР и нескольких научно-исследовательских институтов наша экспедиция выполнит широкое краеведческое обследование района географического центра. Для последующих туристских экспедиций и походов будет собрана, обработана и опубликована ценная информация о крае, климате, ландшафте, фауне и флоре, о характере рек — это для водных путешествий.

Мы не сомневаемся, что найдутся тысячи энтузиастов, у которых возникнет желание побывать в центре территории страны, прикоснуться своими руками к обелиску, напоминающему по форме парус, наполненный «ветром странствий».

Комиссар экспедиции,
член Географического общества СССР
Валентин ГУКОВ

Макет обелиска «Центр территории СССР» (авторы А. Жадан и А. Усачев). Материал — титан. Общая высота — 5,5 метра.

гоняем ее весь день в таком режиме, а потом инженеры проверяют, как реагирует на это трансмиссия,— объясняет испытатель Александр Зотов.

Огромный, диаметром в 130 метров бетонный трек. По нему, не останавливаясь, карусельной вереницей катятся тракторы. Круг десятый, двадцатый, сотый... В кабинах тракторов пусто — ими управляют на расстоянии. Каждый трактор на «веревочке» автоматики.

— Управление осуществляется по заданной программе, вот с этого командного пункта,— объясняет заведующий лабораторией автоматики и телемеханики НАТИ кандидат технических наук Борис Ефимович Поликер.— Здесь мы испытываем только сельскохозяйственные колесные тракторы конструкции нашего института и новые модели заводов страны. Трек этот начал действовать совсем недавно, а скоро построим еще один — для гусеничных машин. Потом будет у нас еще и полигон, где тракторам придется месить густую грязь глубиной в несколько десятков сантиметров...

Испытательная станция будет расти. Появятся новые гаражи, лаборатории, цех для испытаний машин в условиях шестидесятиградусного мороза и шестидесятиградусной жары, в искусственной влажности и в искусственном пыльном буране...

И нужно все это для того, чтобы подмосковный полигон стал той «инстанцией», которая сможет с полной уверенностью и авторитетом давать путевки в жизнь многочисленному тракторному семейству. А семейство это пополняется год от года. На поля страны выходят новые машины.

«...Еще недавно мощность 95—100 лошадиных сил считалась более чем приличной для трактора. Сейчас наша промышленность в Ленинграде на Кировском заводе выпускает трактор мощностью 220 лошадиных сил и начала осваивать для села трактор К-701 мощностью 300 лошадиных сил. А специалисты утверждают, что в ближайшем будущем потребуется пахотный трактор еще большей мощности».

Эти слова Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, сказанные им в Алма-Ате, на торжественном заседании, посвященном 20-летию освоения целины, ко многому обязывают и тех, кто создает новые тракторы, и тех, кто их испытывает.

БЕССЛАВНЫЙ ФИНИШ ТОРИ

Николай ПАСТУХОВ

Что показали недавние досрочные выборы в Англии? На этот вопрос стремятся сегодня дать ответ многие обозреватели. Примечательно, что, несмотря на пестроту их политических оттенков, все они сходятся в одном: тори, потеряв в палате общин 26 мандатов, ощутили горечь бесславного финиша. Консерваторы были вынуждены покинуть свои правительственные кресла на лондонской Даунинг-стрит, 10. «Провал азартной игры Хита», «Страна отвергает политику Хита» — таково единодушное мнение английских обозревателей. Их заокеанские коллеги менее страстно, но также весьма выразительно констатировали: «Эдвард Хит серьезно просчитался».

Через две недели после выборов консерваторы, еще не остывшие от политических страстей, решили пойти снова в бой. На этот раз уже в парламенте нового состава во время дебатов по тронной речи королевы, в которой излагалась программа лейбористского правительства. Они внесли поправку, требующую сохранить политику «замораживания зарплаты», введенную в свое время Хитом, политику, которая, как известно, всколыхнула всех трудящихся Англии. Пиком рабочего движения явилась невиданная в послевоенной Великобритании забастовка шахтеров, потребовавших радикального увеличения заработной платы. Лейбористы, как только они пришли к власти, удовлетворили все требования шахтеров, проявив тем самым политический реализм.

Однако консерваторы, располагающие сейчас в палате общин 296 мандатами, рассчитывая на поддержку либералов — 14 мандатов, хотели сбросить новое лейбористское правительство, которое имеет 301 парламентское место. Расчет был чисто арифметический, но далекий от трезвой оценки создавшейся в стране обстановки. Новый премьер-министр Гарольд Вильсон пригрозил тори, что в случае их неугомонности он назначит новые всеобщие выборы. Это заявление вызвало смятение в рядах консерваторов.

Лондонские газеты в эти дни были полны материалами, свидетельствующими о растущем недовольстве лидером партии Хитом среди консерваторов — депутатов парламента. Как сообщили газеты, 40 парламентских заднескамеечников-тори заявили, что они не поддержат руководство партии во время голосования по предложенной им поправке. Они мотивировали это тем, что акция лидеров тори в случае неудачи дискредитировала бы партию, а в случае удачи — ускорила бы нежеланные выборы. «Руководящая роль Хита (в партии консерваторов.— **Н. П.**), которая еще неделю назад была бесспорной, сейчас подвергается суровой критике»,— писал политический обозреватель газеты «Дейли телеграф». По мнению газеты «Сан», «тори-заднескамеечники преисполнены решимости избавиться от Хита». В итоге Хит снял свою поправку. Срок жизни нового правительства был продлен.

Надо прямо сказать, что лейбористам досталось крайне неблагоприятное наследство. Инфляция, экономический кризис, непомерно раздутые военные расходы, баснословно возросшие цены на предметы первой необходимости, обострившиеся противоречия между трудом и капиталом, неблагоприятный платежный баланс, экономические трения со странами «Общего рынка» — вот далеко не полный перечень проблем, которые надо решать лейбористам, имеющим неустойчивые позиции в парламенте. «Вопрос стоит только так,— указывает газета английских коммунистов «Морнинг стар»,— будет ли бремя кризиса взвалено на плечи трудящихся или за него заставят расплачиваться капиталистов».

Первые шаги нового правительства свидетельствуют о том, что оно хочет на умеренных условиях идти по пути выполнения своих предвыборных обещаний. Лейбористы вернули в забои 250 тысяч шахтеров, повысив заработок, заморозили квартирную плату, намереваются повысить пенсии и субсидии на питание, возвратили трудящихся к нормальной рабочей неделе. Бюджет, который будет представлен на рассмотрение парламента в конце марта, покажет, насколько серьезно лейбористы собираются выполнить записанное в их манифесте обещание сократить военные расходы на несколько сотен миллионов фунтов стерлингов в год.

Что касается внешнеполитической программы лейбористского правительства, то она была изложена 19 марта министром иностранных дел Каллагэном в палате общин. Он заявил, что Англия намерена обсудить новые условия ее членства в «Общем рынке», выступает за прочный мир на Ближнем Востоке в соответствии с резолюцией Совета Безопасности № 242. «Мы употребим,— заявил Каллагэн,— свое влияние, чтобы довести до успешного завершения совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, второй этап которого проходит сейчас в Женеве». Касаясь англо-советских отношений, министр иностранных дел сказал, что «правительство будет изыскивать возможности строить более надежные и более продуктивные отношения с Советским Союзом».

Вместе с тем выступление Каллагэна в парламенте, как отмечают английские обозреватели, содержит лишь общие контуры внешнеполитической программы нового лейбористского правительства. Реальную суть этой программы покажут практические дела.

Положение, создавшееся в Англии после выборов, таит в себе массу неожиданностей. Перед страной стоят серьезнейшие проблемы, решение которых может произойти только в условиях социального прогресса и ограничения власти крупного капитала.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

«ТАКАЯ ЭТО СТРАНА»

Могучие портальные краны и тихая деревушка у таежной реки, академик-астрофизик и эвенкийский охотник, чуткие руки хирурга, делающего операцию на сердце, и руки рыбака, тянущего сеть, сложные электронно-вычислительные машины и нарты, бегущие по белому простору. Все это фотографии — миг, запечатленный навечно.

Я хожу по выставочному залу Дома советской науки и культуры в Праге и не перестаю радоваться необычайно светлому чувству, охватившему меня тут. Выставка фотографий чехословацких журналистов Йозефа и Мартина Машиных, только что открывшаяся в Праге, называется очень просто и в то же время емко — «Такая это страна». Журналисты рассказывают о Советском Союзе языком фотографии, не просто фиксируя то или иное событие, того или иного человека, но раздумывая над запечатленным, заставляют зрителя внимательно вглядываться в происходящее и как бы проникать в глубь его.

Серия портретов советских людей — от всемирно известных академиков, поэтов, артистов до весело улыбающегося узбекского дехканина или дальневосточного рыбака — это то главное, что заставляет зрителя подолгу задерживаться в выставочном зале. Удивительно красив, умен, силен, жизнелюбив и внимателен ко всему окружающему этот собирательный образ советского человека, представленный искусством фотожурналистов. Он, этот образ, снова и снова приводит на выставку сотни и сотни пражан, и все новые и новые добрые отзывы появляются в книге посетителей.

— За один час я посетил весь Советский Союз,— сказал мне рабочий завода «Авто-Прага» Франтишек Рудольф.— Я увидел много, очень много и думаю, что эта выставка — еще одна страница великой дружбы чехословацкого народа и народов Советского Союза.

Выставка только что открылась, но уже привлекла к себе большое внимание. Чехословацкий союз журналистов намерен экспонировать ее во многих городах республики.

Ю. СБИТНЕВ

Прага.
По телефону.

УЛЫБКА

Сцена в кабинете Президента.

Фото А. Варламовой.

ХРОНИКА ОДНОГО ДНЯ

...После того как спектакль закончился, никто из театра не ушел.

Сначала публика аплодировала актерам. Потом актеры аплодировали публике. Какая-то раскрасневшаяся юная зрительница, стремглав бросившись к сцене, взволнованно прокричала: «Мы с тобой, Чили!» Голос ее, звенящий от волнения, сорвался, и она скрылась, убежала так же внезапно, как появилась, видимо, смущенная до чрезвычайности своим порывом... И тогда все снова принялись аплодировать — еще дружней и громче.

Премьера «Хроника одного дня», которую старейший русский драматический театр — Воронежский имени Алексея Кольцова — посвятил событиям в Чили, рассказывает о мужестве и стойкости Сальвадора Альенде и его соратников-революционеров, о величии непокоренного чилийского народа... И, забегая вперед, хочется сразу сказать: решающей причиной успеха создателей пьесы Э. Пашнева и Г. Дроздова, художницы Н. Гапоновой и всего постановочного коллектива явилось, по-моему, то, что они сумели ощутить жизнь героев Чили, воспринять и почувствовать силу их подвига, величие их борьбы...

Несмотря на фрагментарность, прерывность, порой неполноту эпизодов, воспроизводящих минута за минутой тот самый день, о котором повествует театр, в спектакле чувствуется стремление увековечить облик Альенде и его сподвижников. И эта цель театром достигнута.

Вдова Альенде как бы ведет нас через все то, чему суждено было произойти одиннадцатого сентября 1973 года, отмечая движение времени, кратко комментируя смысл трагических событий.

Актрису Р. Кириллову в роли Вдовы надо по достоинству назвать первой среди исполнителей. Она играет просто, но образ напряжен, масштабен, дышит большим внутренним волнением. Героиня ни разу не дает своему отчаянию, горю прорваться наружу. Однако духовное ее состояние прочитывается во взгляде, голосе, немногих жестах.

Впрочем, такая же благородная, строгая манера, психологическая насыщенность исполнения отличают и актерскую работу В. Седова в труднейшей роли Президента. Седов — Альенде проживает на сцене путь духовного прозрения...

Убедительны образы тех, кто шел с Альенде до конца: Товарищ министр — Ю. Платонов, Врач — В. Глинкин, Секретарь — А. Гладнев, Карабинер — И. Чижманов, юноша Маркос — И. Краснопольский...

Думается, постановка воронежцев, безусловно, не стала бы тем, чем она стала — зажигательным, яростным народным антифашистским действом,— если бы эпизоды во дворце не перемежались массовыми сценами. Решенные главным режиссером театра Г. Дроздовым непринужденно, динамично, пожалуй, по принципу «синеблузников», допускающему известную раскованность и даже импровизационность поведения массовки, почти все эти сцены пришлись спектаклю как нельзя более «впору». Яркую, звонкую контактность их с публикой усиливает замечательный образ Певца, зверски замученного хунтой, но не сдавшегося народного героя... Роль эта блистательно сыграна Ю. Кочерговым. Песни его (как и музыка Г. Ставонина) не стали вставными номерами. Они здесь поистине живой элемент в сложной ткани спектакля, еще одна мощная сила творческого воздействия на зрителя.

Билеты на «Хронику» здесь раскуплены уже на многие спектакли вперед, и каждое представление становится яркой демонстрацией любви к героическому чилийскому народу.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Воронеж.

ПОБЕДЫ

Читатели «Огонька» видели эту фотографию — она была опубликована в журнале в 1969 году. На ней изображена южновьетнамская студентка Во Тхи Тханг.

В 1968 году Тханг, которая вела патриотическую работу, была схвачена сайгонской полицией. Над ней устроили судилище. Когда огласили приговор — двадцать лет каторжных работ,— девушка повернулась к судьям спиной и улыбнулась. Улыбка Тханг, пойманная объективом фотоаппарата, обошла чуть ли не весь мир. В ней была уверенность в своей правоте, бесстрашие перед тиранами, вера в окончательную победу.

В феврале — марте 1974 года сайгонская администрация под давлением общественности была вынуждена передать группу военных и гражданских лиц, находящихся в заключении, властям Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам, как этого требует парижское соглашение 1973 года. Передача проходила в городе Локнинь, на территории, контролируемой ВРП РЮВ. В списках людей, подлежащих освобождению, стояло имя Во Тхи Тханг. Шесть лет Тханг провела в сайгонских застенках, пройдя все круги сайгонского тюремного ада. Она была в мрачной тюрьме Тхудыок, за решетками Танхиеп, на острове Кондао, прославившегося режимом «тигровых клеток». Пытки не сломили ее. И когда Тханг выходила из помещения, где находились заключенные, ее лицо освещала улыбка победы.

«Благодаря борьбе моих соотечественников я освобождена из тюрьмы. Хочу снова быть в рядах борцов, вместе с моими товарищами»,— сказала она журналистам.

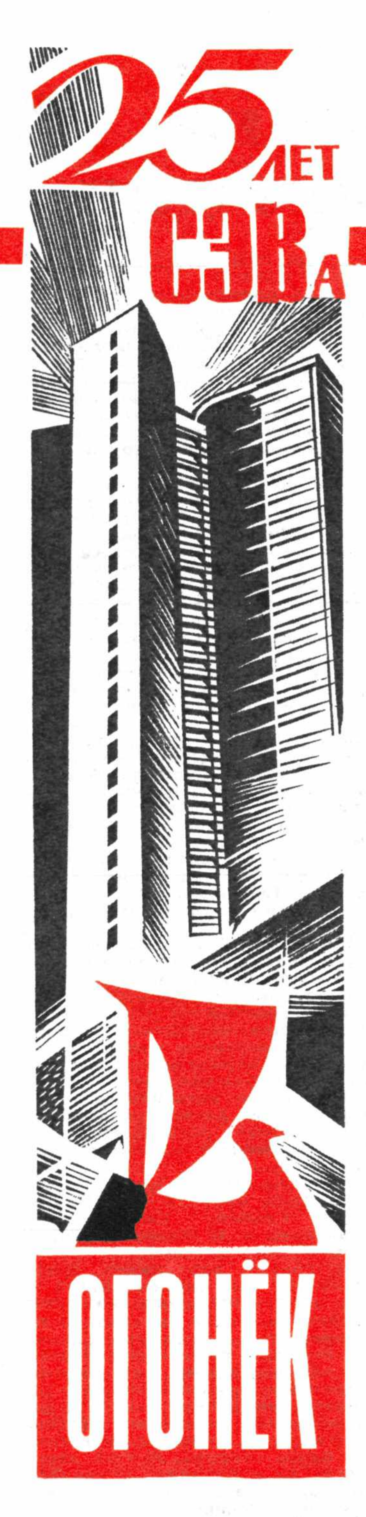
Тханг на свободе. Но борьба еще не окончена. В тюрьмах сайгонского режима томятся 200 тысяч человек. Власти Тхиеу преследуют патриотов, силой оружия продолжают «умиротворять» население, затевают новые военные провокации против освобожденных районов. Сейчас Во Тхи Тханг вместе с теми, кто борется за демократию и свободу, за подлинное осуществление прав народа Южного Вьетнама.

А. СЕРБИН

Ханой.
По телефону.

К ДРУЗЬЯМ НА «ЖИГУЛ

Н. ЦВЕТКОВА,
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,
Ю. КРИВОНОСОВ,
Ю. ЛУШИН,
специальные корреспонденты «Огонька»

ПРЕДИСЛОВИЕ К РЕПОРТАЖАМ

Не было ни речей, ни аплодисментов. Никто не размахивал клетчатым флагом, не стрелял из стартового пистолета, не вел обратный отсчет секунд и не командовал: «Пуск!» Мы присели перед дальней дорогой на мокрый гранит парапета, мгновение помолчали и начали прощаться с друзьями. И тогда прозвучали слова: «Вперед и прямо, как говорят на ВАЗе!» Машины скользнули по виражу пандуса, выскочили на Калининский мост, и здание СЭВа, от которого мы начали наше путешествие, осталось позади.

Нет, совсем не случайно старт был взят от здания Совета Экономической Взаимопомощи. Путешествие «Огонька» было задумано в связи с двадцатипятилетием этой первой международной экономической организации социалистического типа. С каждым годом растет авторитет социалистического содружества, его многообразное влияние на современный мир, и это подтверждает правоту ленинского вывода о том, что «...главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой».

Четверть века жизни СЭВа показала всему миру, что согласованная экономическая политика входящих в него стран обеспечивает не простое сложение, а умножение их сил. За минувшие годы эти страны увеличили объем промышленного производства более чем в 12 раз!

«Огонек» решил рассказать своим читателям о том, как сегодня осуществляется социалистическая экономическая интеграция между братскими странами.

...Наш выбор остановился на автомобиле «Жигули», который, образно говоря, рождается на «Большом конвейере» СЭВа. К этой поездке мы начали готовиться несколько месяцев назад. Тогда путешествие, задуманное «Огоньком», казалось еще далеким. Но вот одна за другой стали поступать телеграммы: «Подтверждаем участие в экспедиции «Жигули». Предлагаем на пути из Чехословакии в Венгрию сделать совместный репортаж из города Пухова по пути в Братиславу, где производят шины для «Жигулей». Братислава. Журнал «Життьот»; «Согласны принять участие в подготовке серии совместных репортажей на тему: Большой конвейер СЭВа в действии. Предлагаем посетить завод в городе Ловече. Ждем вашу бригаду. София. «Огни Болгарии».

Потом все чаще стали раздаваться звонки из Праги, Варшавы, Будапешта, Берлина, Белграда, а разговоры становились все более продолжительными. Вместе с коллегами из братских журналов социалистических стран мы обсуждали в деталях планы и маршруты предстоящей экспедиции.

Решено, что в каждой стране к нам будут присоединяться по очереди друзья из журналов «Пшиязнь» в Варшаве, «Фрайе вельт» в Берлине, «Кветы» в Праге, «Життьот» в Братиславе, «Орсаг вилаг» в Будапеште, «Свет» в Белграде, «Огни Болгарии» в Софии и «Флакэра» в Бухаресте. Интернациональной журналистской бригаде предстояло подготовить серию репортажей о сотрудничестве наших стран.

Наконец раздался самый долгожданный звонок. На этот раз звонили с первого этажа к нам на пятый: «Вы ожидаете две машины из Тольятти? Так вот, мы уже тут, у подъезда!»

Генеральный директор объединения Волжского автозавода Виктор Николаевич Поляков выполнил просьбу «Огонька» — у подъезда нашей редакции действительно стояли две светлые машины марки «ВАЗ-2103», которые завод предоставил для этой поездки. В тот день наша выездная бригада увеличилась до шести человек. Вместе с нами в путешествие по социалистическим странам едут два вазовца: первую машину ведет начальник конструкторского бюро Геннадий Клячин, а вторую — водитель-испытатель Юрий Гирин.

Наши водители. О них стоит сказать особо. Их любовь к автомобилю безмерна. Она их объединяет, в остальном же они очень разные. Юрий Гирин большой, неторопливый в движениях и немногословный, а Геннадий Клячин невысок, горяч в споре. Наверное, в Италии, где он больше года проходил стажировку на заводе «Фиат», его принимали за итальянца. Медлительный Гирин совершенно не выносит медленной езды, и, кажется, это единственное, что способно вывести его из равновесия.

Гирин — донской казак, жил неподалеку от знаменитой станицы Вешенской. В детстве бегал по пыльной улице за всеми шоферами с криком:

— Дяденька, пронати!

Дядя Яша, лучший станичный шофер, посадил мальчонку в кабину. Это и решило его судьбу. После школы Юра поступил в техникум в Новочеркасске. Однажды прочел в газете про Волжский автозавод, биография которого тогда только начиналась, и не долго думая махнул в Тольятти. Приехал и остался, стал строить завод — возил бетон, железобетонные балки, оконные переплеты. И мечтал испытывать новые машины. Мечта его исполнилась.

Клячин был начальником конструкторского бюро Минского автозавода и уехал, чтобы своими руками строить ВАЗ. Удивителен этот магнетизм крупных строек! Человек знает, что там будет на первых порах трудно, очень трудно, но все-таки едет. У Гены в Минске были хорошая квартира, интересная работа, готовил диссертацию. А он все бросил и уехал в неизвестное. Не за длинным рублем — нет, зарплата осталась прежней. Тогда в чем же дело?

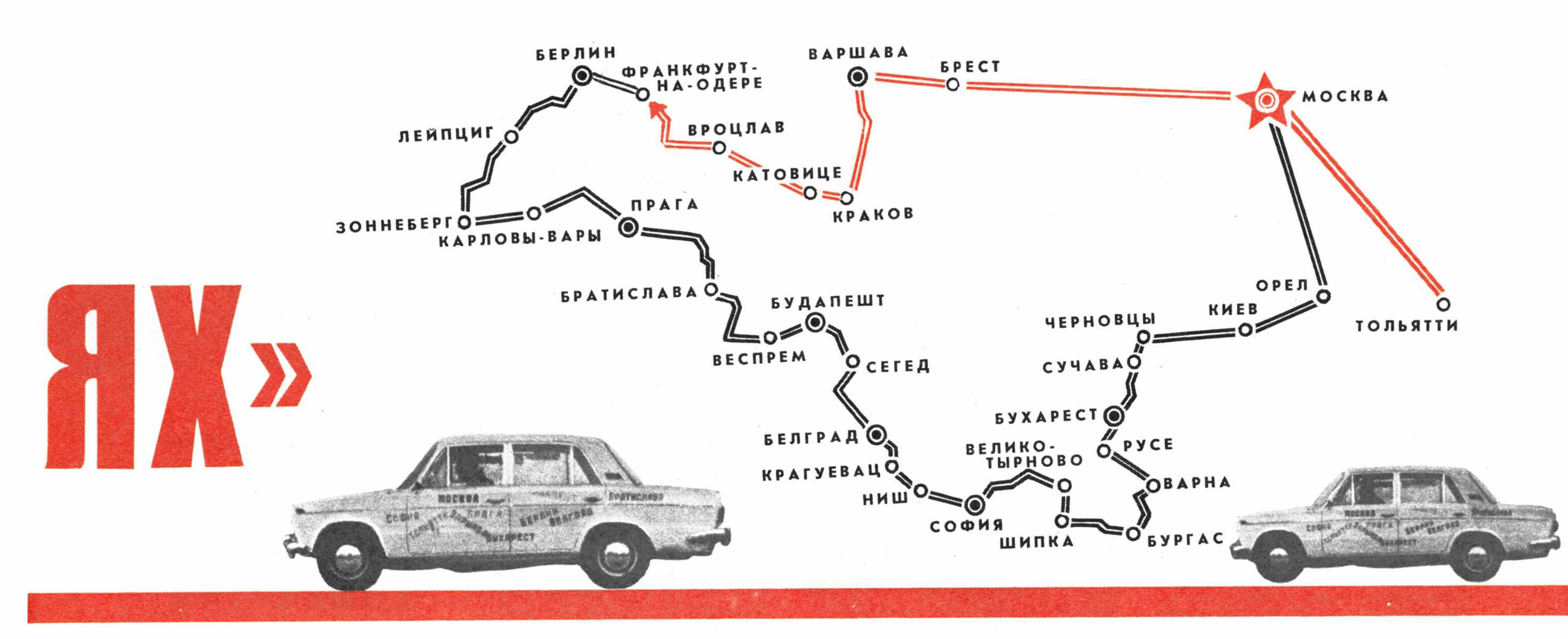
— На ВАЗе интереснее,— объясняет он.

А диссертация? Что же, Геннадий заканчивает ее уже на ВАЗе и даже начал писать учебник об автомобиле.

...Итак, мы едем к друзьям на «Жигулях»! Девчата-маляры с автобазы издательства «Правда» веселыми красками написали на капотах и багажниках: «БОЛЬШОЙ КОНВЕЙЕР СЭВа»,— а на боках обеих наших машин — маршрут путешествия, которое продлится целый месяц:

ТОЛЬЯТТИ — МОСКВА — ВАРШАВА — БЕРЛИН — ПРАГА — БРАТИСЛАВА — БУДАПЕШТ — БЕЛГРАД — СОФИЯ — БУХАРЕСТ — МОСКВА — ТОЛЬЯТТИ.

Вырвавшись на просторы Минского шоссе, мы пристегнулись ремнями и, окутанные облаком брызг — шел дождь со снегом,— помчались на запад, в сторону Бреста... Наш репортаж мы будем вести по очереди.

Новелла **ЦВЕТКОВА**

БУДЕТ ВТОРАЯ ПОЛЬША

— Вот это молодцы, приехали точно в срок!

— Как дорога? Как показали себя машины?

— Где вы их поставили? У нас во дворе? Вальдемар, нужно сделать срочно снимок. Подпись такая: «Экспедиция «Жигули» в Варшаве». Эльжбета, дорогая, организуй, пожалуйста, кофе для гостей...

Так нас встречали в польском журнале «Пшиязнь». Привычная редакционная обстановка. Кажется, будто и не уезжали из дома, тем более что все, кто нас обнимает, пожимает руки и усаживает в кресла, отлично говорят по-русски. Впрочем, что же тут удивительного! «Пшиязнь» — орган Общества польско-советской дружбы. «Опекуном» нашей группы стал Анджей Дзиковский, очень симпатичный, энергичный человек. Успех первой на нашем маршруте рабочей «стыковки» целиком в его руках. Мы обрадовались, узнав, что Анджей уже все подготовил: сегодня вечером — встреча в экономическом еженедельнике «Жиче господарче». Завтра с утра будем на заводе, где делают польские «Фиаты». По пути посмотрим детскую автошколу. Через день выезжаем в Силезию, в город Сосновец, на завод электротехнических изделий, который поставляет в Тольятти электрооборудование... Деловой разговор оборвался неожиданно: кто-то из нас неосторожно поинтересовался, есть ли у Дзиковского собственная машина. И тут выяснилось, что перед нами владелец новенького польского «Фиата». К тому же временно у него на руках «беспризорный» автомобиль приятеля, и он не совсем в порядке. Жертвами этого обстоятельства пали вазовцы.

— Вот вы мне объясните, ребята, почему, когда я переключаю скорость, у меня получается...

Вначале это было похоже на беседу мнительного больного с врачами-оптимистами. Но потом заочная консультация по поводу недомоганий машины-варшавянки незаметно перешла в интервью о прошлом, настоящем и будущем ее близкого родственника из Тольятти. И вот уже догадливые сотрудники «Пшиязни» включают магнитофон, вазовцы едва успевают отражать атаки польских журналистов. «Что лично вы больше всего цените в автомобилях?», «Какие испытания прошли «Жигули»?, «Как показала себя на дальних дорогах резина?», «Мы слышали, что скоро будут выпускать машины двадцати расцветок, это верно?», «Как ведут себя «Жигули» при температуре минус сорок градусов?»

Наконец, Анджей деловито перемотал кассету на магнитофоне.

— Спасибо большое! Я думаю, этот материал пойдет в один из ближайших номеров!

Вазовцы озадаченно переглянулись.

— Ну, если такое дело, может быть, стоит еще поговорить?

— Конечно, поговорим еще! — заверил «опекун» и, глянув на часы, предложил: — Поехали смотреть Варшаву! Кто из вас тут впервые?

Трое, как на школьном уроке, подняли руки.

— Отлично! Тогда начнем с Дворца культуры и науки,— решает Анджей.— Я на своей машине еду первым, вы старайтесь от меня не отставать. Иначе обязательно потеряетесь! Сейчас даже варшавяне не знают толком, как и куда можно проехать. Весь город перерыт — тут идет одна из самых больших наших строек.

...Вот он, самый высокий варшавский дом. Скоростной лифт поднимает нас под самую крышу. Здесь устроена обзорная площадка. Стоп! На пути к новой Варшаве нас встречает ее прошлое. Мы стоим у фотографий и смотрим на то, что было Варшавой в январе 1945 года. Пустыня, двадцать миллионов кубометров щебня. Погибла почти половина жителей. Но город продолжал сражаться. За героизм и мужество польскую столицу, как солдата, наградили самыми высокими боевыми орденами: Грюнвальдским крестом и крестом Виртути Милитари.

А теперь несколько шагов вперед, и перед нами залитая солнцем живая, деятельная, неповторимая Варшава! Город, восставший из пепла, у которого теперь две метрики-родословные. Первая, многовековая, восходит к легенде о любви балтийского рыбака Варса и рыбачки Савы, от имен которых и получила свое имя Варшава. Вторая метрика выдана в январе сорок пятого, когда было решено, что город, уничтоженный гитлеровцами, вновь будет столицей возрожденной Польши.

Рядом с нами панорамой Варшавы любуются дед и внук, мальчуган лет шести. Малыш сверху не узнает своего города.

— Что это?—тормошит он деда.

И тот неторопливо, любовно объясняет:

— Посмотри-ка хорошенько, Янек, это ведь Маршалковская улица. А там, видишь, Висла?

Помнишь, мы ехали по большому мосту? Я уже тебе рассказывал, как люди заново построили его.

— Кто построил?

— Все мы, поляки.

— И ты тоже?

— И я вместе со всеми!

Дед, конечно, помнит то время, когда на Западе, лицемерно вздыхая, кое-кто изрекал, что Варшаву восстановить невозможно, что надо перенести столицу на новое место и что минимум полсотни лет уйдет на то, чтобы построить все сначала. Польский народ решил, что Варшава будет жить, и совершил во имя великой любви к ней трудовой подвиг. Внук узнает об этом потом, когда пойдет в школу. Дед это подвигом не называет. Просто он, как и каждый поляк, не представлял себе, что могло быть иначе.

«Весь народ строит свою столицу!» Седой человек, что стоит рядом с нами, помнит, как лозунг партии стал делом каждого поляка. Ведь многое из того, что мы видим сейчас и чем гордятся варшавяне — красивые улицы и мосты, Старе Място, новые кварталы,— построено на средства, добровольно внесенные ими в фонд города. Мало того! Тысячи людей со всех концов Польши приезжа-

ли сюда в дни своего отпуска, чтобы посвятить его восстановлению Варшавы.

А теперь? Теперь столица живет новым лозунгом: «Построим вторую Польшу!». Что это означает? Как раз в канун нашего отъезда в «Огонек» пришла бандероль из Варшавы. В ней оказалась новая книга Януша Пшимановского, польского писателя, автора знаменитых «Четырех танкистов и собаки». В книгу, посвященную незабываемому 1944 году, когда была рождена народная Польша, писатель вложил несколько рукописных страничек. В них речь шла о новой, второй Польше, которую сегодня строит весь народ.

«...Мне кажется, что этому лозунгу, провозглашенному партией, суждено устоять перед разрушительной силой времени и войти в историю. Построим вторую Польшу... Значит ли это, что рядом с каждым домом мы хотим поставить другой, новый, рядом с заводом построить еще один, словом, увеличить вдвое наше богатство? Вскоре крупнейшие ученые нашей страны представят партийному и государственному руководству план развития на предстоящие 15—20 лет, а также прогноз до 2000 года... Разумеется, этот план не может основываться лишь на количественных показателях. «Вторая Польша» должна быть качественно иной по сравнению с первой. Начав строительство металлургического комбината в Катовицах, мы не собираемся повторять завод в Новой Гуте, который в какой-то мере уже морально устарел. Мы хотим создать предприятие, где будет меньше рабочих и служащих, но они будут иметь значительно более высокую квалификацию... Такое предприятие сможет давать больше продукции лучшего качества... Речь идет не о том, чтобы Польша, более экономно расходуя сырье, производила в два раза больше тракторов и комбайнов, но чтобы они коренным образом отличались от ранее производимых».

— А теперь по машинам,— снова командует Дзиковский,— едем туда, где рождается Варшава XXI века.

Пристроившись к веренице машин, медленно проезжаем центр города. Теперь это гигантская строительная площадка.

Варшава, Варшава, тебя сегодня не узнать! Бульдозеры и экскаваторы прочертили через твои улицы, площади и парки будущую скоростную Лазенковскую магистраль. Здесь, в Варшаве, ясно видишь ту главную задачу, которую предстоит решить новой, скоростной магистрали. Речь идет о генеральной реконструкции всей транспортной системы города. Будущая трасса пересечет в восьми местах крупные узлы движения в городе и обеспечит беспрепятственный проезд. А пока что мы ехали через центр со скоростью не больше двенадцати километров! Магистраль пройдет через Варшаву по подземному туннелю, эстакадам и виадукам, пересечет по новому мосту Вислу. К ней мы и едем вдоль будущей трассы. В глубоких траншеях урчат экскаваторы. Кое-где уже видны бетонные стены, которые скоро накроет крыша туннеля. У берегов реки поднялись опоры виадуков и эстакады.

— Наверное, через год уже можно будет увидеть это чудо дорожной инженерии завершенным? — спрашиваем у нашего коллеги из «Пшиязни».

— Ошибаетесь, друзья! Лазенковскую скоростную магистраль мы завершим гораздо раньше — к 22 июля 1974 года. Это — подарок нашей Варшаве к 30-летию народной Польши!

С МОТОЦИКЛА НА АВТОМОБИЛЬ

На встречу в журнале «Жиче господарче» мы все-таки опоздали! Оторвавшись от машины Анджея, мы потерялись и в третий раз объезжали по кругу незнакомую площадь. Молодой элегантный милиционер сначала с интересом наблюдал за странными маневрами двух белых «Жигулей», а потом, оставив свой пост, решительно двинулся нам навстречу. Мы замерли: сейчас будет штрафовать. «Интересно, сколько тут надо платить?» — мрачно поинтересовался «бухгалтер» нашей группы.

Страж порядка внимательно изучил надписи на машинах и широко улыбнулся:

— Панове участники ралли? Сконд панове? З Москвы?

Настало время испытывать одного из членов нашего экипажа, который по дороге в Варшаву утверждал, что родился на Маршалковской, и мы надеялись на него, как на переводчика. Выручила карта Варшавы, которой мы предусмотрительно обзавелись еще в Москве.

Но это дорожное приключение пошло на пользу дела. Главный редактор экономического еженедельника «Жиче господарче» Ян Гловчик теперь мог, не задерживаясь на транспортной проблеме Варшавы, перейти к главному — перспективам автомобилизации.

— В пятидесятые годы мы возводили прежде всего заводы грузовых машин для главных строек страны,— объяснял Гловчик.— Автолюбители долгие годы довольствовались мотоциклом. Но в последние несколько лет спрос на них резко упал. Уже не помогают ни сезонное снижение цен, ни удобная система продажи в кредит.

— В вашем журнале мы читали статью о том, что в Польше кончилась эра мотоцикла и началась эра легкового автомобиля.

— Именно так! И это закономерно — известно, что с повышением доходов населения растет спрос на легковые машины.

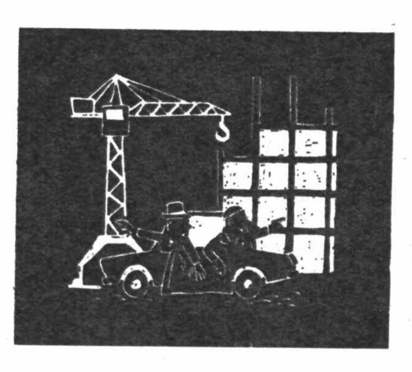
— На польских дорогах много машин из СССР, ЧССР, ГДР. Но, видимо, импорт уже недостаточен?

— Как и количество машин, которые мы производим сегодня сами!

На Варшавском заводе легковых автомобилей мы увидели фильм, запечатлевший знаменательный день — 6 ноября 1951 года, когда с заводского конвейера сошла «Варшава» под номером «0000001». Это был первый польский автомобиль, созданный на базе советской машины «Победа». Перед нами оживала история. Мы видели, как радовался сварщик Евгений Кинснер (теперь главный механик завода) и его товарищи, как радовались с ними советские специалисты, помогавшие пустить конвейер. И нам казалось, что мы тоже были на том празднике.

— Вот так рождалась польская автомобильная промышленность,— сказал директор.— Без «Победы» не было бы «Варшавы», а без «Варшавы» не было бы польского «Фиата».

— Польский «Фиат», который мы выпускаем с 1967 года,— большое достижение нашего автомобилестроения,— рассказывает корреспондент «Жиче господарче» Кароль Шварц.— Эта машина на 85 процентов состоит из деталей, сделанных в Польше. В 1971 году

Варшавский завод легковых автомобилей выпустил 58 тысяч польских «Фиатов», а в 1975 году их будет произведено сто тысяч. А всего по дорогам страны побежит миллион польских легковых машин. В 1988 году — уже два миллиона.

— В какой степени осуществление этих планов связано с кооперацией Польши с социалистическими странами?

— Без кооперации с Советским Союзом и югославским заводом «Црвена застава» в серийном производстве деталей эти планы невыполнимы! Польша в рамках СЭВа специализируется на выпуске машин для перевозки продуктов, фургонов, пожарных автомобилей, маленьких машин-холодильников «Ниса» и больших передвижных ремонтных мастерских. Наша страна уже отправила за границу свыше 250 тысяч таких автомашин. В рождении малолитражного польского «Фиата-126» население страны приняло самое непосредственное участие. Конструкторы учли пожелания отдельных семей, коллективов, рабочих собраний. У колыбели новой машины стояли хорошие «няньки» — два министерства: машиностроения и торговли. Чтобы быстрее дать людям новую машину, было предложено каждому, кто имеет средства на ее приобретение, оформить заказ и внести деньги на специальные книжки в сберкассах — частично или полностью, как это делается при покупке кооперативной квартиры. Хочешь раньше получить машину — вноси денег побольше, позже — взнос будет меньше!

А если кто-то раздумал покупать машину, тогда государство возвращает ему деньги с процентами. Люди ничего не теряют. 250 тысяч машин уже заказано на основе таких взносов.

РЕПОРТАЖ ВЕДЕТ **przyjaźń**

Вальдемар СОБЕЦКИЙ

Фото С. Чарногурского.

САГА О ДИНАСТИИ СТАНИШЕВСКИХ

Вацлава Станишевского по праву называют одним из владельцев автозавода на Жерани. Сорок лет назад он бегал в коротких штанишках там, где теперь возвышаются цеха и где были когда-то домишки рабочей окраины — Пелцовизны. Домик его отца стоял там, где сейчас шестой цех.

...И вот я в квартире Станишевских. До них здесь жили советские специалисты, которые помогали строить завод.

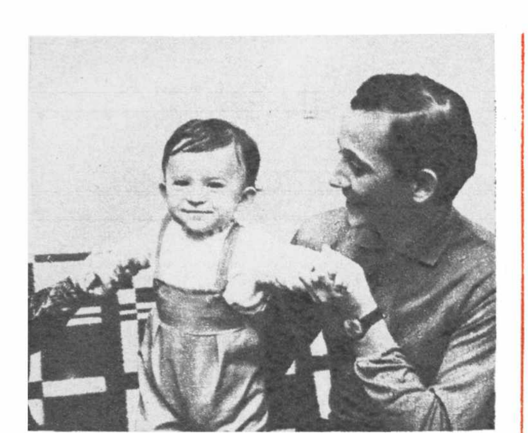
Глава семьи числился в заводской картотеке под номером «2820», самый младший сын, Влод-

Вацлав Станишевский.

зимеж, зарегистрирован уже 56538-м. Между этими двумя цифрами — целых двадцать лет жизни, вся история семьи Станишевских.

Начало. Это маленький домик отца-столяра, мечтавшего дать хорошую специальность единственному сыну Вацлаву. Ему удалось окончить автомобильно-летную школу. Но, несмотря на то, что моторы снились ему по ночам, механиком парень не стал. Для такого специалиста, как он, накануне войны работы не нашлось. Потом война. Концлагерь. Оттуда он совершил побег, пробирался по оккупированной фашистами территории и, наконец, оказался в Варшаве. Здесь он был в дни Варшавского восстания, и здесь, на Пелцовизне,

Кем ты станешь, Войтек!

застало его освобождение. Работал на восстановлении варшавских мостов, расчищал улицы от развалин.

— Потом меня направили в маленький городок Млаву, там я работал сначала инспектором по труду и социальному обеспечению, а потом в городской администрации. Однажды услышал необычную новость: в Варшаве создается автомобильный завод. И сразу ко мне вернулись детские мечты. Я уже твердо знал, что не хочу ничего иного — только это...

На первых порах создания завода к станкам становились молодые рабочие, главным образом парни, приехавшие из глухих деревень. Осваивать сложное оборудование их учили советские специалисты.

— Спустя несколько месяцев с конвейера сошли первые «Варшавы». Это был великий праздник не только для предприятия, но и для всей страны,— вспоминает Вацлав.

— Как выглядел тогда завод на Жерани?

— Представьте себе большую строительную площадку — действовали только два цеха. На стройке трудился и мой отец. Тогда завод был для нас всем — и работой и домом, не раз прямо в цехах шли концерты.

Два открытия принесли Вацлаву Станишевскому широкую известность и титул заслуженного мастера в области техники в 1967 году. Но это далеко не все. На личном счету Станишевского более 30 рационализаторских предложений. Наиболее ценным является патент № 25932, который был закуплен одной американской фирмой.

С заводом связана вся семья Станишевских. В 1962 году сюда пришла жена Вацлава Мария, ныне экономист. Потом сыновья: Рышард — инженер-технолог инструментального цеха, Богдан — техник-электрик и Влодзимеж — студент заводского филиала Варшавского политехнического института.

Случайно ли так получилось?

— Во всем отец виноват,— шутят сыновья.— Это он создал в доме атмосферу постоянного интереса к делам завода.

Умело направляя жизненный путь своих сыновей, Вацлав воспитывал их отличными специалистами.

— Я убежден,— говорит он,— только тот, кто долгое время работает на предприятии и видит в нем свой родной дом, может стать хорошим работником.

Скромный, малоразговорчивый токарь Варшавского завода легковых автомобилей становится членом Центрального Комитета ПОРП двух сроков полномочий. Дважды коллектив вручал ему мандат делегата съезда партии, в рядах которой он уже двадцать лет.

И тут сыновья стараются не отстать от отца. Рышард — член партийного бюро в своем отделе, а самый младший, Влодзимеж, уже трижды избирается членом бюро районной организации Союза социалистической молодежи.

...Дед строил завод, отец помнит первый автомобиль, сошедший с конвейера Жерани, а сыновья работают на современном предприятии — одном из гигантов польского машиностроения. Может быть, и маленький Войтек, сын Богдана — самый младший из поколения Станишевских,— тоже войдет в эту заводскую семью?

Новелла **ЦВЕТКОВА**

«СТОП, НА ДОРОГЕ ДЕТИ!»

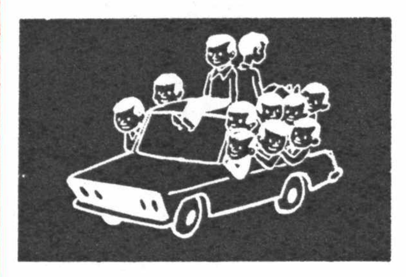
В этой главе речь пойдет об одном любопытном детском городке, который находится в варшавском районе Муранов.

...Мы приехали туда в неудачную пору: накрапывал дождик, было ветрено и сумрачно. Оставив машины у высокого забора из зеленой сетки-кольчужки, направились к одноэтажному домику неподалеку от входа. Неожиданно путь преградил красный свет. Мы остановились и тут только заметили, что все асфальтовые дорожки вокруг расчерчены аккуратными белыми линиями. На одних дорожках были нарисованы пешеходные переходы — «зебра», на других — повороты, «островки безопасности».

Первыми увиденное оценили «вазовцы»:

— Здорово у них все оборудовано! Тут тебе и наглядный урок по всем дорожным знакам и место, где можно маневрировать на машине...

«Огоньковцы» проявили оптимизма куда меньше.

— А где же ребятишки? Чего доброго, из-за такой погоды занятий не будет!

Но занятия состоялись, хотя начались они в тот день не совсем обычно. Анджей Дзиковский представил нас аудитории. Человек двадцать мальчиков и девочек от десяти лет и старше с нетерпением, свойственным своему возрасту, выслушали рассказ о том, кто мы такие и куда едем.

Зато Геннадия Клячина слушали уже внимательнее: вот это да — ведь он, оказывается, сам, своими руками строил громадный автозавод на Волге!

Вопрос к «докладчику» был один: «Можно нам проехаться в ваших «Жигулях»?» «Можно!» Первыми в машину забрались мальчишки. Они еще не достигли того возраста, когда все без исключения польские мужчины проявляют галантность по отношению к слабому полу. Пришлось вступиться за девочек, тем более что Яцек Янковский, инструктор этого детского городка, утверждал, что они отлично разбираются в правилах езды.

Несколько раз пробежали наши «Жигули» по дорожкам, прежде чем «аудитория» была полностью удовлетворена. Теперь можно было приступать к интервью... ну хотя бы вот с этими тремя пассажирами, которые, как мы заметили, ухитрились проехаться дважды.

— Как вас зовут, ребята? Сколько лет? Где живете?

— Я Марек Скрипач, мне тринадцать лет.

— А меня зовут Славек... Славек Влодарский, мне тоже тринадцать лет.

— Мне меньше — всего двенадцать. Зовут Войтек Мрозовский, а живем мы все на улице Стара, в доме четыре.

— Почему вы ходите сюда на занятия? Может быть, около вашего дома нет хорошего двора?

Все трое дружно бросились заступаться за свой двор. Оказывается, у них и двор отличный и ребята что надо! Так почему они все-таки раз в неделю обязательно приезжают сюда после школы?

— Мама подарила мне на день рождения велосипед,— говорит Войтек.— Разве же интересно кататься только во дворе!

— Почему только во дворе? А на улице разве не сумеешь?

И снова мальчишки втроем объясняют непонятливым иностранцам: в Варшаве ездить по улицам на велосипеде разрешается далеко не всем ребятам, у которых есть велосипед! Сначала нужно полтора месяца ходить на занятия в детский городок, изучать правила движения. Потом нужно сдать экзамены, и только тогда ты получишь «велосипедное удостоверение», где будет написано, что Войтек Мрозовский, который живет в доме четыре по улице Стара, имеет право водить велосипед...

Милиция бдительно следит за каждым юным велосипедистом, и без удостоверения проехать невозможно.

Инструктор распахнул двери гаража и вывел на мокрые от дождя дорожки электромобиль. Те, кто оказался поближе к нему, успели занять свободные места в машине, остальные сели на велосипеды. Занятия шли своим ходом. Мы стояли в сторонке и беседовали с директором Дома пионеров района Муранов. Евгений Годлевский, так звали директора, объяснил, что в Варшаве всего три таких учреждения, которые выполняют важную задачу — подготовить ребят к жизни в большом городе, насыщенном всевозможным транспортом. Мальчики с улицы Стара, которые дали нам интервью, не знали о том, что в эту школу приходят не только те, кто хочет получить «велосипедное удостоверение». Кстати, только за прошлый год их было выдано две тысячи! Главное, что через эти городки движения практически проходят все школьники и даже ребята из детских садов! Шесть недель по два часа в неделю — немного теории (в школе 14 инструкторов), побольше практики в виде занятной игры — вот и весь курс! Хотите знать, кто придумал эту умную, полезную игру с детьми? Школа вместе с милицией! Вот уже несколько лет по всей стране проходит массовая акция под названием «Стоп, на дороге дети!».

Юрий **ЛУШИН**

ЗАВОД ПЛЮС ЗАВОД

Мы въехали в Катовице, не успев удивиться размаху этого промышленного центра Силезии. Зато удивились утром. Город покорял масштабами, широтой улиц, размахом строительства. Мы ехали и ехали по нему, а он все не кончался. Через час или полтора выяснилось, что уже подъезжаем к Сосновцу.

— А где же граница между городами?

— Границы нет. Один город переходит в другой и тянется на десятки километров.

Почему Сосновец? Может быть, когда-то тут шумел сосновый лес, но сейчас не найти ни одной сосны, заводы, дома, опять заводы... Мы на одном из них, где выпускается осветительная арматура для «Жигулей».

Директор завода электротехнических изделий Анджей Казуба рассказал, что только в 1973 году завод поставил 350 тысяч комплектов осветительной арматуры, а поскольку потребности ВАЗа растут, производство будет расширяться.

Мы шагали по заводским цехам за директором. Внезапно он остановился возле немолодого человека и говорит:

— Знакомьтесь — Болеслав Талик, живая история и директор завода...

А. Казуба

— Что же, у вас два директора? — удивились мы.

— Нет, что вы,— смущается Талик,— я бывший директор, самый

первый после войны. Теперь я мастером инструментального участка работаю. В 45-м, когда Советская Армия освободила Польшу, кадров не хватало, и мне предложили: будешь техническим директором. Конечно, тогда завод был совсем не тот, что сейчас. Я ведь тут 45 лет работаю. Помню, до войны маленький был заводик, человек сто работало, находился он, конечно, в частных руках. Производили тогда разную металлическую галантерею, значки. Когда же пришла Советская Армия — я тогда уже был коммунистом — мы начали выпускать звездочки, знаете, которые военные носят на шапках. Оборудование было разбито, технических кадров не хватало, директор, то есть я, сам стоял у станка, потому что слесарей-инструментальщиков не было.

— А знаете,— вмешался сегодняшний директор завода,— Болеслав Талик награжден Золотым значком за заслуги перед Катовицким воеводством, Бронзовым крестом за участие в пуске нового завода.

— Когда же это было?

— В 1968 году, после заключения соглашения с СССР о сотрудничестве в области автомобильной промышленности.

— Какие перспективы у вашего предприятия?

Директор остановился, обвел широким жестом ряды цехов и сказал:

— Вот результат нашего сотрудничества — новый завод, выпускающий продукции на 404 миллиона злотых в год! Но заказы ВАЗа столь внушительны, что нам необходим уже второй такой же завод. И он будет построен в 1975 году рядом с этим. Тогда милости прошу в гости.

Мы пообещали, что непременно приедем.

Уже прощаясь, директор спросил:

— Куда теперь?

— В Берлин...

— А как вы собираетесь ехать? Я советую такой маршрут: от города Бржег переходите на автобан и дальше прямо. Карта у вас есть? Вот смотрите — это Е-22, международная европейская магистраль.

Юрий КРИВОНОСОВ

ПУТЬ К ГРАНИЦЕ

Ранние сумерки перешли в кромешную тьму. Автобан несся нам навстречу, великолепный в своей ширине, пустоте и безжизненности. Где-то далеко в стороне иногда мелькали одинокие огоньки. До границы оставались считанные километры...

Вот-вот, по нашим расчетам, должен был появиться КПП, но вместо него перед нами возник дорожный знак, известный всем автомобилистам,— тупик.

— Юра, как у тебя с бензином? — спокойно спросил Клячин.

— Уже минут десять, как горит красная лампа,— невозмутимо ответил Гирин.

Небо было затянуто плотными облаками. Близилась полночь. Мы стояли в глубине леса в полной тишине. И тут, на наше счастье, появился велосипедист. Молоденький парнишка из ближайшего села нас успокоил: всего в трех километрах отсюда находится село Нивица, там есть бензоколонка, а в семнадцати километрах от села, в Локнице,— пограничный пункт для переезда в ГДР.

Стоило нам свернуть с магистральной дороги, как мы оказались в лабиринте ночного леса, из которого долго выбирались, пока не уперлись в шлагбаум железнодорожного переезда. Из будки вышел старик в телогрейке и новенькой форменной фуражке.

— Куда паны едут?

Увы, «паны» теперь этого и сами толком не знали! Где-то в кромешной тьме потерялись и Нивица и Локница...

— То бардзо близко, вшистко в пожондку! — успокаивал нас польский железнодорожник.

— Все в порядке? Бензина нет у нас...

— То бардзо зле! — искренне огорчился за нас старик и добавил:

— Вот-вот должен пройти поезд.— Если б не то — я сам показал бы вам дорогу!

— Спасибо, дед. До свиданья!

— Довидзення...

И снова лес вокруг нас, немой и бесконечный. Может быть, придется где-нибудь здесь заночевать, и тут вдруг из-за деревьев мелькнул огонек, другой, третий. Нивица!

Последние метры до бензоколонки. Дотянем ли? Дотянули! Но радоваться было рано. Все село давным-давно спало, и колонка оказалась закрытой.

Рядом с нами встала старенькая легковая «шкода». Из нее вышел высокий человек в кожаной куртке и милицейской фуражке.

— Кто такие? Откуда? Что делаете в погранзоне ночью?

Мы объяснили и показали наши паспорта.

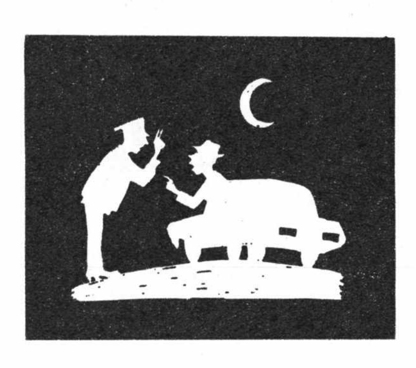
— Добже, хорошо! — сказал строгим голосом польский Анискин.— Поехали в Локницу, там есть за КПП, на немецкой стороне колонка. Хватит бензина?

— Вряд ли, но попробовать можно...

— Тогда поезжайте за мной!

Вот она перед нами, граница. По одну сторону ее стоят польские солдаты, по другую — их ровесники из Национальной народной армии ГДР. Социализм разрушил существовавшую прежде стену многовековой вражды между двумя государствами. Теперь это граница дружбы.

Было уже утро, когда пограничник шлепнул в наши паспорта печати и мы въехали в Германскую Демократическую Республику.

«ИЛ-62» на взлете.

В ГОС
У СОЗДА

«ИЛ

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. В. ИЛЬЮШИНА, СОВЕТСКОГО АВИАКОНСТРУКТОРА.

А. ГОЛИКОВ

Фото Г. МАКАРОВА.

В квартире дважды Героя Социалистического Труда академика Сергея Владимировича Ильюшина стоят маленькие модели прославленных «ИЛов» — и боевых и пассажирских. Сергей Владимирович, показывая мне их, шутит:

— Самолет — наш семейный герб. В этом доме все причастны к авиации: жена моя, Настасья Васильевна, много лет проработала в конструкторском бюро; старший сын, Володя,— Герой Советского Союза, Заслуженный летчик-испытатель, средний, Сережа,— авиационный инженер, офицер, а младший, Саша, учится в Московском авиационном институте.

ТЯХ ТЕЛЯ

ОВ»

На стене, под моделями самолетов,— полуметровая фотопанорама: сжатое поле со скирдами хлеба, на пригорке избы, дальше большое озеро, а на горизонте зубчатая стена леса. Спрашиваю: что это за пейзаж?

— Наш, вологодский. Деревня Дилялево,— отвечает Сергей Владимирович.— Здесь Ильюшины жили испокон века, и я тут родился. Изумительные места, не встречал красивее...

— Раньше в отпуск мы только

Генеральный конструктор, дважды Герой Социалистического Труда С. В. Ильюшин.

Великая Отечественная война. Атакуют «ИЛы».

в Дилялево и ездили,— вспоминает Настасья Васильевна,— редко удавалось его к морю, на курорт вытащить.

— Море, пальмы, кипарисы, оно, конечно, тоже неплохо,— улыбается Сергей Владимирович,— но через недельку-другую уже берет тоска по березке, в родные края тянет. Озеро там у нас, Кубенское. В длину — километров полста и в ширину — местами с десяток. Островков много. Охота чýдная! Построю бывало, на каком-нибудь из них шалашик да и поселюсь в нем с ружьем, удочками. После коловерти в конструкторском бюро да московской суеты был это для меня наилучший отдых. А иногда с собой брал и портативный проигрыватель с пластинками Шаляпина. Очень люблю его слушать. Детство вспоминаю... Было оно у меня нелегкое. Родители жили бедно. Работать пошел уже в девять лет, а в пятнадцать стал грузчиком. Помню, когда нанимался, артельщик осмотрел меня, пощупал руки, плечи и сказал: «Ростом не вышел, но в кости крепок». В поисках заработка я много поездил по России.

— А как вы пришли в авиацию?

— Заболел я ею, когда увидел в первый раз, как самолет летает. Было это в тысяча девятьсот десятом году. Работал я тогда в Петербурге, на красильной фабрике. Труд был тяжелый, грязный, платили мало. Случайно узнал, что набирают рабочих на Коломяжский ипподром. Говорили, будто его срочно переделывают в аэродром для празднования «авиационной недели» — аэропланы летать будут. Не раздумывая, взял я на фабрике расчет и через день уже ровнял летное поле. Мне посчастливилось участвовать в разгрузке аэропланов, помогать их собирать. До чего же хрупки и неуклюжи были эти создания — просто не верилось, что они поднимутся в воздух.

И вот начался праздник. Полеты мне показались просто каким-то чудом. Особенно полет Николая Евграфовича Попова, одного из первых русских летчиков. Помнится, он тогда поднялся на шестьсот метров и установил рекорд высоты. Народ кричал «ура!». Два военных оркестра играли гимн. Летчика качали, носили на руках.

Вечером, придя в общежитие, я долго не мог заснуть: так захотелось стать летчиком.

Мечта моя осуществилась в первую мировую войну. Меня призвали в армию и отправили в команду Комендантского аэродрома в Петрограде. Там я работал мотористом, обслуживал самолеты «Вуазен» и «Лебедь-12». Потом представилась возможность учиться летать. Летом семнадцатого года я сдал экзамен на летчика, а после гражданской войны окончил Академию имени Жуковского и нашел свое настоящее призвание — стал авиаконструктором.

— Вы посвятили этой работе много лет. Что вам доставляло в ней самую большую радость?

— Давайте сначала поговорим об огорчениях и тревогах, которых при создании новой машины всегда возникает немало. Это и различные неувязки в собственном КБ, и не всегда приятные объяснения с вышестоящим начальством, и волнения, связанные с ожиданием первого взлета. Но и потом, когда машина уже вышла на линию, каждая связанная с ней неприятность больно отзывается в сердце конструктора.

Теперь о радостях. Сам процесс творчества, исканий, порой очень мучительных, приносит в конечном счете огромное удовлетворение. Лично мне самую большую радость доставил самолет «ИЛ-2». Летчики-фронтовики на конференции по обмену боевым опытом горячо благодарили создателей штурмовика, очень хвалили самолет, а один даже утверждал, что «ИЛ-2» и на одном крыле добирается до своего аэродрома... Это, конечно, была шутка. Но доля истины в ней была: «ИЛ-2» оказался на редкость живучей машиной. Ну, а если говорить о пассажирских самолетах, то больше всего меня порадовали восторженные отзывы пассажиров о лайнере «ИЛ-62».

* * *

Опытное конструкторское бюро С. В. Ильюшина отмечает свое сорокалетие. Сейчас прославленным КБ руководит Генеральный конструктор, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Генрих Васильевич Новожилов.

— Я пришел сюда прямо с институтской скамьи, почти четверть века назад,— рассказывает Генрих Васильевич.— Многие годы работал под непосредственным руководством Сергея Владимировича Ильюшина, да и потом в сложных случаях часто обращался к нему за советом и консультацией.

Наш коллектив, воспитанный Сергеем Владимировичем, работает по традициям созданной им конструкторской школы. В 1973 году на базе серийного самолета «ИЛ-62» мы выпустили самолет «ИЛ-62-М», который значительно превосходит своего предшественника по дальности, скорости, экономичности и комфорту.

Успешно проходит государственные испытания и уже запущен в серийное производство самолет «ИЛ-76». Это первая транспортная машина, созданная нашим конструкторским бюро. С грузом в тридцать пять тонн она может летать со скоростью восемьсот — восемьсот пятьдесят километров в час на расстояние четыре-пять тысяч километров.

Ну и в заключение несколько слов о новом широкофюзеляжном самолете-аэробусе «ИЛ-86». Это уже представитель третьего поколения реактивных пассажирских лайнеров. В его салонах с комфортом разместятся триста пятьдесят и более пассажиров. Они будут подниматься на борт лайнера вместе со своим багажом. Это избавит пассажиров от длительных и утомительных операций по оформлению и получению багажа, повысит реальную скорость воздушного путешествия.

Сейчас наш «ИЛ-86» находится в стадии разработки. Он будет одним из самых больших в мире пассажирских самолетов.

●

В 1974 — 1975 годах братские социалистические страны будут широко отмечать тридцатилетие освобождения от фашистского ига. В зарубежной почте «Огонька» немало писем, авторы которых вспоминают события тех памятных лет, говорят о сегодняшней дружбе наших народов.

Словакия помнит

В августе этого года исполняется 30 лет со дня начала Словацкого национального восстания. Известно, что в партизанских отрядах бок о бок со словаками сражались граждане Советской страны. Мне хочется восстановить страницу истории советско-чехословацкого братства по оружию.

Мы, члены бывшей тогда в подполье Коммунистической

Сто шестнадцатая весна Селаха Бутбы

В Абхазии, в селе Атара, Очамчирского района, живет колхозник Селах Шаабович Бутба. Уже девяносто лет Селах Шаабович пасет скот на горных пастбищах. Его отец Шааб умер 122 лет от роду, а старший брат Селаха, Едге, прожил сто лет.

У самого Селаха семеро детей. Когда ему было семьдесят лет, родились два мальчика — близнецы Костя и Валико. Теперь в его семье уже шестьдесят человек. Жене Селаха, Маруше, 89 лет. Оба они и сегодня помогают колхозу выращивать табак и кукурузу. Частенько Селаха Бутбу можно увидеть в огороде, на пасеке или в саду за обрезкой виноградной лозы. Он не только садовник,

«Металлист»

Прочитали мы в «Огоньке» № 46 за 1973 год заметку «Для стана 3600» и решили высказать свое горе.

Мы целиком зависим от поставщиков. Наш завод «Металлист» выпускает стальную оцинкованную посуду, пользующуюся повышенным спросом у покупателей. Коллектив у нас хороший, непрерывно растет производительность труда, заводские рационализаторы очень много сделали по механизации трудоемких процессов. Казалось бы, только работать и

партии Словакии, организовали отряд в селе Неслуша округа Чадца. Командовал им надпоручик чехословацкой армии Николай Чочуев, родом с Кавказа, из Кисловодска или Еревана, не помню точно. Его помощниками были мой соотечественник Филип Малик и комиссар Николай из Ростова. Отряд назвали «Свобода», действовал он в районе Неслуша — Закопце — Турзовка — Маков — Штявник.

В моем отделении было 17 советских граждан. Вот их имена: Перфилов Егор из Сталинградской области (родился 19. 1. 1923), Теренчиев Евгений из Калининской области (2. 10. 1926), Суботин Иван из Тамбовской области (9. 6. 1909), Трисутов Иван из Киева (28. 6. 1921), Ядрешчинов из Свердловской области (17. 5. 1908), Журов Иоахим из Калининской области (24. 4. 1918), Осачий Иван (родился 19. 1. 1925), Дишаков Владислав из Орловской области (15. 4. 1922), Орлов Николай из Сталинградской области (26. 10. 1926), Мартынов Иван из Киева (28. 6. 1921), Власенков...

Список этот неполный. Многие пали в боях.

Я обращаюсь к бывшему командиру партизанского отряда «Свобода» Николаю Чочуеву, комиссару Николаю и ко всем своим соратникам с просьбой прислать мне свои воспоминания о тех незабываемых днях.

Франтишек НЕМЧАК

г. Жилина, ЧССР.

Это было в сорок третьем

Дорогой «Огонек», помоги мне найти двух неизвестных бойцов Советской Армии!

Было это в деревне Рудаки, Белостокского воеводства, в 1943 году. Во двор моего дома зашли двое незнакомых мужчин и спросили Яна Пивно, то есть меня. Они рассказали, что идут из Юзефова от товарища Грыки и им нужно попасть в Волковыск — там находятся связные. Я их накормил, дал отдохнуть. Оставаться им здесь было опасно — рядом с деревней стоял немецкий патруль. Мы вместе с братом и его товарищем спрятали русских в сарае на краю деревни и, убедившись, что на дороге никого нет, провели их под носом у патруля.

На следующий день меня вызвал староста: ему донесли про двух подозрительных незнакомцев. Я ответил старосте, что за советских солдат готов отдать последнюю кровь. Несколько часов спустя меня забрали в гестапо. Там жестоко избили. Но фашисты ничего не узнали.

Сейчас мне 67 лет. Я часто вспоминаю тот случай и рассказываю молодым. Очень хочу найти этих людей, ставших мне такими близкими.

Ян ПИВКО

деревня Рудаки, ПНР

Отзовитесь, друзья!

У меня много друзей в Советском Союзе, с которыми я долгое время переписывалась. Я благодарна своим советским сверстникам за то, что всегда находила у них поддержку в трудные минуты. Эта дружба определила мой жизненный путь. Чувства братской дружбы к вашей стране и горячего уважения к советским людям я стараюсь воспитать и в своих детях.

После того как я вышла замуж, а потом переехала с семьей сюда, в Галле-Нёйштадт, наша переписка оборвалась. Вот уже восемь лет я ничего не знаю о своих друзьях. Как идут у вас дела, Вера Федорова из Тюмени, Таня Жилкина, Галя Рожкова, Гена Савельев, Юра Беляев и Толя Сапаипов из Москвы, Лена Короткова из Краснодара, Зоя Крапивина из Свердловска, Шура Иванова из Ленинграда, Света Котова из Тары, Валдис Аусман из Риги, Важа Джанелидзе из Тбилиси, Володя Панарин из Одессы, Коля и Маруся Тарасюк из Киева? Наверно, и у вас уже свои семьи, увлекательная работа. Вы знали меня по моей прежней фамилии и старому адресу: Хельга Бауманн, Лютцен, Штарзиделерштрассе, 2а. Теперь моя фамилия Барс, а новый адрес: 409 Галле-Нёйштадт, блок 653/9.

Прошу вас, откликнитесь, мои друзья, мне очень нужна ваша дружба!

Хельга БАРС, ГДР

но и хороший охотник. Как-то я был в гостях у него. Дома его не оказалось: ушел на охоту. Уже вечерело, когда он вошел в дом с двумя лисьими шкурами. Поздоровался со мной, бросил в угол шкуры и с усмешкой сказал: «Сегодняшний день мне не забыть никогда. Видел я белую ворону, совершенно белую. В жизни такое можно увидеть только один раз в сто лет. Помню еще один случай. Был я тогда молодым, тридцатилетним парнем, неженатым. Был жаркий июльский день. В такие дни туры поднимаются на самые высокие места. Поднялся я до ледников через отвесные скалы. Остановился. Со скалы посыпались мелкие камешки. Я насторожился, понял, что тур должен быть где-то поблизости. Сидел я долго, следил за каждым предметом... И вдруг мне привиделось, как что-то белое, с большими рогами идет по леднику. Я с удивлением смотрел на животное. Принял было его за большую козу. Но у козы не могло быть таких огромных рогов. Тур! Да, это был белый тур! Остановился и смотрел прямо на меня.

Вот, сынок. Я своими глазами видел белого тура, которого еще никто не видал. И ты сможешь встретиться с таким животным, ведь абхазцы — долголетний народ»,— сказал мой собеседник.

Ш. КАМКИА, заслуженный работник культуры Грузинской ССР

Селах Бутба в саду.

А. Осмоловский у своего панно.

В дар польскому народу

Народный мастер прикладного искусства рижанин Адриан Осмоловский внес свой вклад в дружбу польского и советского народов. В дар Польше он выполнил большое панно, изображающее великого польского астронома Николая Коперника.

М. ГРИГОРЬЕВ, преподаватель Рижского училища

...без металла

работать! Однако по вине Ждановского металлургического завода имени Ильича мы находимся в очень тяжелом положении. Этот завод систематически срывает нам поставку холоднокатаной стали. (За два месяца 1974 года недогружено 63 тонны.) Из-за этого сорван план первого квартала по выпуску посуды.

Мы неоднократно обращались в Министерство черной металлургии УССР, однако заместитель министра тов. Жигула А. В. только отписывается.

Просим редакцию помочь нашему коллективу найти выход из этого трудного положения.

Бригадир комсомольско-молодежной бригады штамповщиков Н. МАЛАШЕВСКАЯ.

Бригадир бригады коммунистического труда сборщиков Л. КУНИЦКАЯ.

Завод «Металлист», Житомир.

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя письмо бригадиров завода «Металлист», редакция обращает внимание руководителей Министерства черной металлургии УССР на необходимость разобраться в данном вопросе и принять меры, обеспечивающие этому предприятию выполнение плана изготовления товаров широкого потребления.

Семейная профессия — музыка

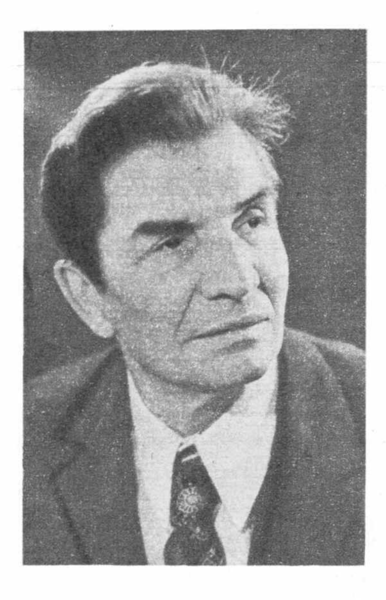
Шестеро детей совхозного пчеловода Петра Ивановича Ганаса из села Семерковка получили музыкальное образование и работают преподавателями музыки, только сын Иван работает техником в Донбассе.

Дочь Эмилия — преподаватель по классу домбры в Золочеве, Львовской области; сын Михаил — директор музыкальной школы в Белгороде-Днестровском, Одесской области. Ольга преподает музыку в Самборе, а Леся — в Дрогобыче, Львовской области. Сестры-близнецы Христина и Маруся тоже преподают музыку: первая — в Старом Самборе, вторая — в Сколе.

Б. ПОПОВИЧ

с. Дунаев, Перемышлянского района, Львовской области.

ЛЮДСК

Дмитрий КОВАЛЕВ

ШОЛОХОВ

И стать и солнце в нем —
Свои, станичные.
Заветрено лицо,
Усы пшеничные.
Высокий лоб открыт,
А меж бровями —
Морщинка
Все заметней и упрямей.
И все светлей глаза,
Как бы от зноя
В них небушко повыцвело
Степное.
И словно бы дымок
С горчинкой отчий,
И вспышки в нем,
Что костерок в урочье.
Огонь страстей и дум
В людском обличье.
И революция
В ее величье.
И солнце черное,
На нем — не пятна...
Душа земли
Всем на земле понятна...
И вроде бы в себя ушел
И чуток.
Смягчает боль
Усмешливостью шуток:
— Ну, ну, сынок!
И так в тебя заглянет,
И — на плечо ладонь
И проще станет.
И как ни скован,
Как настрой ни горек —
Вдруг рассмешит
Безудержно, до колик...
Вынашивать бы нам,
Забыв себя и сроки,
Знать наизусть,
Как он свои, что зреют,
Строки.
Как вместе рос
И в годы фронтовые
Был с ним,
И каждый раз с ним —
Как впервые...
Не замечает сам
Своей особы.
До странности обычный
И особый.
Мне только б чувствовать,
Что он живет на свете.
Насущная нужда
В его совете.
Живу мечтой
Побыть в его станице:
Всем поделиться,
Что в душе теснится...

* * *

Ожоги на лице скрыл бородою
Горевший в танке.
Тих, а был — гроза.
Пусть старит борода,
Зато бедою
военною
Не бросится в глаза.
Под кепкой шрам,
И шрамы под рубахой.
Бывает, беспокоят...
Но изволь
Терпеть...
И над чужой бедой
Не ахай,
Хоть в памяти больней
Чужая боль...
Дает почувствовать себя
Железка
Под черепом —
Осколок мины той...
И он в минуту эту
Судит резко,
Как чьей-то
Раздражен неправотой.
И тут уже — ни брата
И ни свата,
На целый мир,
Покажется,
Сердит...
Но тут же,
Извинившись виновато,
На всех уже
Усмешливо глядит.
В пыли кирпичной кепка
И в известке,
А волосы —
Как выцветший омет.
Почувствуете,
Как ладони жестки,
Когда он руку
Дружески пожмет.

СУВОРОВ

В одном из старых
Питерских соборов,
Где строк на плитах
Золотая сыть —
Три строгих слова:
«Здесь лежит Суворов».
Тех — не запомнить,
Этих — не забыть.
У тех — отличий тьма,
Чины, вельможи,
Но отличи их...
Вечный им покой.
Они во все века,
Такие, схожи.
А он — на все века
Один такой.
С причудами на старости,
Как в детстве.
Одною страстью одержим —
Хоть в ад:
Не посрамить отечество
Ни в действе,
Ни в дерзости,
Ни в сметке.
Он — солдат.
И в благоденствии —
Он отдален, в опале,
Как нет его,
Забыт и нелюдим.
Но если
На отечество напали —
Без многих лучше,
Он — необходим.
И хоть штыком,
Хоть хитростью —
Хоть с чертом...
Когда ж делить победы
Меж собой,—
Оказывался он
Уже оттертым...
Но он и не затем
Вел войско в бой.
И встань любой
Его солдат убитый —
Он подтвердил бы
На миру честном,
Что не затем
Он забывал обиды
И побеждал
Уменьем, не числом.

* * *

Тоне.

Как много о невестах
Нежных строк.
Как мало о замужних
Вспомнить мог.
О женщинах они —
Со страстью пылкой.
О женах —
С иронической ухмылкой...
Я о тебе мечтою жил в войну.
Перед тобою чувствую вину
За каждую морщинку,
Что со мною
Ты нажила за годы,
Став женою.
Ты —
Мать любимых сыновей двоих.
Что ближе мне еще
Тревог твоих?..
Иду по утренним равнинным нивам,
Как и до встречи,
Бережно ревнивым.
Невольно замираю у дверей.
Не избалован ласкою твоей —
И потому она всегда желанней
И в поздний час
И в час рассветно-ранний.
Единомышленница первая моя,
Мой целый мир
И лишь моя семья,
Советчица
По трудным всем вопросам...
По терниям с тобою —
Как по розам.

* * *

Ученость наша
Прежней не чета.
Все шире
Образованность в народе.
И все наивней
Кажется мечта.
И хлеб уже —

ИЕ ДУШИ

Как не насущный вроде.
От крайностей
Все меньше бед.
Достатки превращает кое-кто
В избытки.
И многим ли
Напомнил партбилет,
Что дедам он сулил
Сибирь и пытки.
А этой памятью сильны дела,
Сильно грядущее с былым слияньем.
Не закусила б слава удила.
И не затмила б
Собственным сияньем...
Тревожно беспокойному уму.
Благополучно ли на свете?
И все ли ладно
У себя в дому?..
Ответственные,
Все ли вы в ответе?..
Как нервы обнаженные в ночи,
Когда никак уснуть не удается,
Трепещут, бьются, рвутся кумачи —
И стук их в самом сердце отдается.

* * *

Всего мне драгоценней,
Что работа,
Что капли крови
И что капли пота —
Родные и таланту
И уму —
У нас конечная цена всему,
Что труд в почете,
Как в бою отвага,
Как подвиг, славен —
Ни трудился где б.
Почет и честь
Всем создающим блага —
Одежду, обувь
И насущный хлеб!
Да славятся твой подвиг,
Твердость шага,
Достаток твой,
Семейный твой уют!
И пусть тобою созданные блага
Преображают жизнь
И мир куют!..

* * *

В позднем возрасте любится чутче, больней.
Потерять, кого любишь, намного страшней.
Одиночества холод — куда холодней.
Нежность близости — бережней и нежней.
И потребность заботиться, близость тепла —
Только в ней бы душевность ответной была.
От себя одного не уйдешь никуда...
Человеку души прибавляют года.

* * *

Над речкой пасмурной,
Под синей хмарью
Так ярко зелен
Бугорок лужка.
Кустарник высветил
Иван-да-Марью.
Крадется пес к гусям
Исподтишка.

Расплывчатая,
В тусклости чумазой,
Над стойлом будка,
Месивом навоз...
Прицеп высокий
С кукурузной массой.
Бидоны. Стадо.
И — большак в совхоз.

И так на этом фоне
Свеж и ярок
Цветастых ситцев
Новый свой резон,
Свет юности и смех
В глазах доярок,
Звезд цинковых
И струй молочных звон.

* * *

В Москве бывает тишина
Такая, что слышнее шума.
До звона, поздняя, слышна.
Сосредоточенна, как дума.

И кораблем высоким дом
Идет себе куда-то в небо
Над хлопотами, над трудом,
Над спешкой, что уже нелепа.

Нелепа ли?..
Как не спеша,
Наперекор своим стараньям,
И в позднем возрасте душа
Живет лишь будущим,
Как в раннем.

И только в спешке, только в ней
Я забываю все печали,
И что дороже, чем давней...
И что все лучшее — вначале...

* * *

Подсиненные мглистою росою,
Сквозь красные ресницы
Смотрят яблоки.
И раненные раннею красою,—
Как трепет,
Скромные певцы их — зяблики.

На кровлях мокрые синеют сурики.
И радужна лягушачья икра еще.
И чем темнее в речке сада сумраки,
Тем ярче светлячки плотвы играющей.

Носатая поскрипывает утица,
И селезень не сводит глаз
с забочины:
Семьей своей писклявой озабочены.
И, омуток сверля, воронка крутится...

Ты после стольких травм,
Как невредимая,
Земля моя —
Прозрения пророчица...
Чем больше я люблю тебя, родимая,—
Тем больше уходить в тебя не хочется.

* * *

Напрасно человека не обидь,
Нечаянно и не желая злого.
И словом можно нехотя убить.
Побереги на негодяя слово.
Он вида не подаст.
Знай наперед,
Что словом не убить его особу.
Нет, негодяй от слова не умрет —
Он только затаит навеки злобу.

* * *

Всю ночь,
Как в небе падает звезда —
И отблеск в речке
Ближе к бережку —
Глаз мотоцикла,
Искрясь, по лужку
В потемках носится
Туда-сюда.

Отстала тройка вороных коней,
Сердцебиенье с бубенцами в лад...
Самой звенящей тишины слышней,
Два сердца, слившись,
В темени летят.

Влюбленные на новых скоростях —
И новый свет от них в моей душе.
И сам я замер,
Как на вираже.
Сгущенный ветер времени в страстях.

Родная неизвестная чета
Вот-вот сорвется к звездам,
В высоту.
Пусть памятью становится мечта,
Но я своей любовью
В них расту.

* * *

Ночью осеннею
По бездорожью...
Месяц проглянет,
Как зарево в дыме —

И по листве
Пробежит это дрожью,
И деревца
Сразу станут седыми.

Знобкость пронижет
Не только деревья,—
Холодно станет
И мне поневоле:

Перед войной
Здесь светилась деревня...
Голое,
Пепельно-серое поле.

* * *

Зеленовато-желтый свет осенний,
Мой поздний возраст осенен твоей
Чуть шелестящей тихостью ветвей,
Покоем после стольких потрясений.

Тишайший шорох в чаще ловят уши,
Где оглушали думу соловьи.
Все ближе чувствую людские души,
В их размышленьях узнаю свои.

Уравновешенней натура стала,
И мягче резкость,
Строже прямота.
О будущем стараюсь думать мало:
Не молодость там, не ее мечта...

И только беспокойнее скрываю
Боль тайн былых от близких-дорогих.
Чем меньше за себя переживаю,
Тем больше беспокоюсь за других.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

СОКРОВИЩА ГРОБНИЦЫ ТУТАНХАМОНА

Древний Египет... Немая вечность. Одна из самых таинственных и увлекательных глав в великой летописи истории человечества. Тысячелетиями отмерен путь развития этой страны, внесшей свой неоценимый вклад в сокровищницу культуры, науки, искусства нашей земли. Бесконечно талантлив египетский народ, оставивший нам в наследство сказочный мир гигантских пирамид и тончайших миниатюр, колоссальных сфинксов и крошечных скарабеев, циклопических монументов и ювелирных шедевров... Руины стовратных Фив. Храмы Луксора и Карнака. Пирамиды в Гизе. Обелиски. Солнечная пластика Амарны... Нефертити... Сокровища гробницы Тутанхамона... Бессчетны гениальные творения зодчих, скульпторов, живописцев.

Пожалуй, ни одно искусство в мире не обладает таким магическим свойством вызывать столь пленительный поток ассоциаций, ощущений, эмоций, как творчество мастеров Древнего Египта. Иногда это все кажется колдовством, так непоборима сила очарования, так велико волнение, которые чувствуешь, глядя на, казалось бы, внешне простые, спокойные, никак не поражающие зрителя эффектностью, такие на первый взгляд статичные, а порою будто скованные творения искусства, созданные десятки веков тому назад. И только после попытки более близко познакомиться с этими произведениями, после старания понять, раскрыть тайну магнетизма, заключенного в этих шедеврах, начинаешь догадываться, что секрет этого поразительного воздействия на наше воображение заключается именно в этой предельной собранности, в кажущейся скованности, в крайней скупости средств выражения, в поразительной обобщенности образов,— словом, в огромном напряжении синтеза, вложенного порою в самую маленькую статуэтку. В колоссальном включении в каждое творение опыта десятков, десятков поколений мастеров. Так рождаются образы-символы, обладающие гигантским зарядом эмоционального воздействия, так неотразимо впечатляющие наш разум и чувство умудренного и усталого от зрелищ человека двадцатого века. И как ни странно, этот спокойный, выверенный ритм и именно эта строгая гармония, покой, сосредоточенность, которые царят в скульптуре, живописи, архитектуре Древнего Египта, да, именно эта статичность так потрясает наше крайне истерзанное динамикой, шумом, ярким, кричащим цветом, экспрессией, диссонансами воображение... Искусство египтян требует к себе напряженного внимания зрителя и, конечно, некоторого пристрастия к истории, к древности. Тогда это необыкновенное мастерство, все сотканное из канонов, традиций, символов и тайн, станет доступным и понятным. Есть еще одно качество, одна особенность творчества древнеегипетских художников и ваятелей — оно необычайно наполнено. Неизмерим заряд непреклонной веры в чудесное, заключенный в каждое изображение, и эта причастность скульптора или живописца к мифу, и эта его фанатическая преданность, с которой он выражает пластически убедительно порою самые невероятные суеверия или самые фантастические легенды,— вот эта его простодушная правоверность неотразимо убеждает зрителя, заставляет нас относиться ко всем этим некогда грозным богам, к этим далеким сказаниям, воплощенным в камне, дереве, металле, хотя бы с должным пиететом... Нам, жителям семидесятых годов двадцатого века, кажутся по меньшей мере наивными, а иногда нелепыми многие верования древних египтян, все их религиозные построения — существование загробного мира, перевоплощение и странствование души человека и многое, многое другое. И однако культовые изображения древних египтян наполнены такою жизненностью, исполнены с такою пластической достоверностью и высочайшим мастерством, а главное, с таким чистосердечием, что невольно забываешь о той дьявольской машине лжи и насилия, которая служила угнетению человека человеком и которой, по существу, помогали все эти изысканные, чеканные и такие совершенные по форме произведения... Ведь не секрет, что древнее египетское государство было одним из самых жестоких деспотий в мировой истории и ошеломляющие нас сегодня гигантские памятники зодчества, возведенные фараонами и прославляющие их власть, построены буквально на костях сотен тысяч рабов, людей из народа... И это забыть нельзя... Но тайна древнеегипетского искусства заключается в том, что восславление самодержавия так было пластически спрограммировано, что даже самые кровавые сражения, самые жестокие каторжные работы превращались под кистью и резцом древних мастеров в своеобразно срежиссированные пантомимы с геометрически выверенным расположением фигур властителей, вельмож, жрецов, народа... Это была весьма тонкая пропаганда, канонизированная и отработанная веками.

Искусство Древнего Египта, естественно, было неоднозначно, ибо процесс его развития исчислялся не десятилетиями, не веками, а тысячелетиями. Нам сегодня, пожалуй, ближе всего искусство так называемого «амарнского» периода Нового царства, обладавшее изумительной пластикой, удивительно человечное и гармоничное. Влияние «Амарны» носит на себе великолепное собрание сокровищ гробницы Тутанхамона из Каирского музея, с которыми мы имели счастье познакомиться в замечательной экспозиции Музея изобразительных искусств в Москве. Выставка пользуется исключительной популярностью у нашего зрителя, который изо дня в день, месяцами, в любую непогоду смиренно простаивает часами в очереди у этого храма искусства, дабы приобщиться к творчеству мастеров Древнего Египта, встретиться с Прекрасным.

• • •

Строго. Пристально. Немного грустно смотрит на нас юный фараон. Испытующи бездонные зрачки его глаз.

— С чем ты пришел? Зачем нарушил покой усыпальницы? — словно вопрошает взгляд Тутанхамона.

«Золотая маска Тутанхамона» из Каирского музея, порядковый номер двести двадцать. Высота — пятьсот сорок миллиметров. Золото, лазурит, сердолик, полевой шпат, разноцветная смальта.

Необыкновенна, трепетна. Дьявольски жизненна эта маска, сделанная из драгоценного металла. Забываешь, что это золото. Настолько гениально просто передано тепло образа молодого человека, его лица, одухотворенного, тонкого, полного скрытой жизни. Форма изображения абсолютно реальна, но в том-то секрет очарования египетского искусства, что эта маска, исполненная неизвестным мастером древности, окутана какой-то неуловимой тайной. Наш разум, до конца изуверившийся в каком бы то ни было волшебстве, невольно отрицает всякую магию... Но вопреки желанию нечто сильнее нашего сознания чарует душу, когда вы глядите на этого юного, юного человека возрастом в тридцать три с лишним века. Он поражает нас своей непосредственностью, свежестью своих чувств... Только гениальный ваятель, постигший не только все законы лепки формы, но и нечто более глубокое, мог создать этот шедевр. Но для этого он раскрыл перед нами всю мощь своего ума и всю бездну своего дарования. Надо было быть тонким психологом и философом, чтобы постичь сложность состояния, характера этого молодого царя с судьбой короткой и трагической. Ведь он правил меньше десяти лет. Облеченный неограниченной властью полубога, хозяин жизни и смерти любого своего подданного, он был игрушкой в руках чертовски многоопытных, коварных политиков, жре-

---

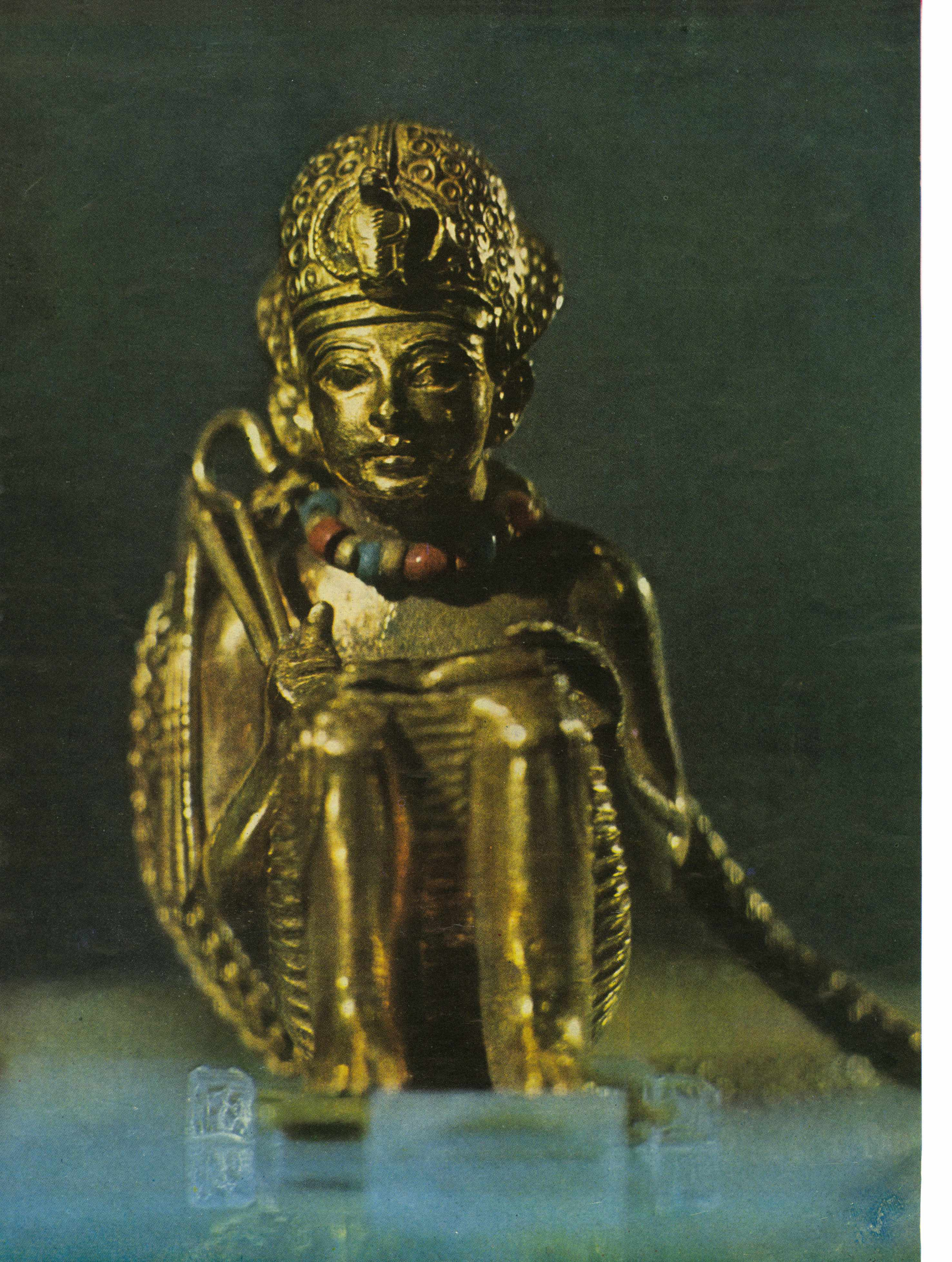
НА 1-Й СТР. ВКЛАДКИ: Золотая маска Тутанхамона.

НА 2-Й СТР.: Золотая фигурка фараона Аменхотепа III.

НА 3-Й СТР. Вверху: статуэтка бога Птаха; алебастровая ваза; ушебти — магическая фигурка. Внизу: Тутанхамон на пантере; статуя, изображающая Ка (двойника) царя Тутанхамона; алебастровая ваза в форме стоящего льва.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

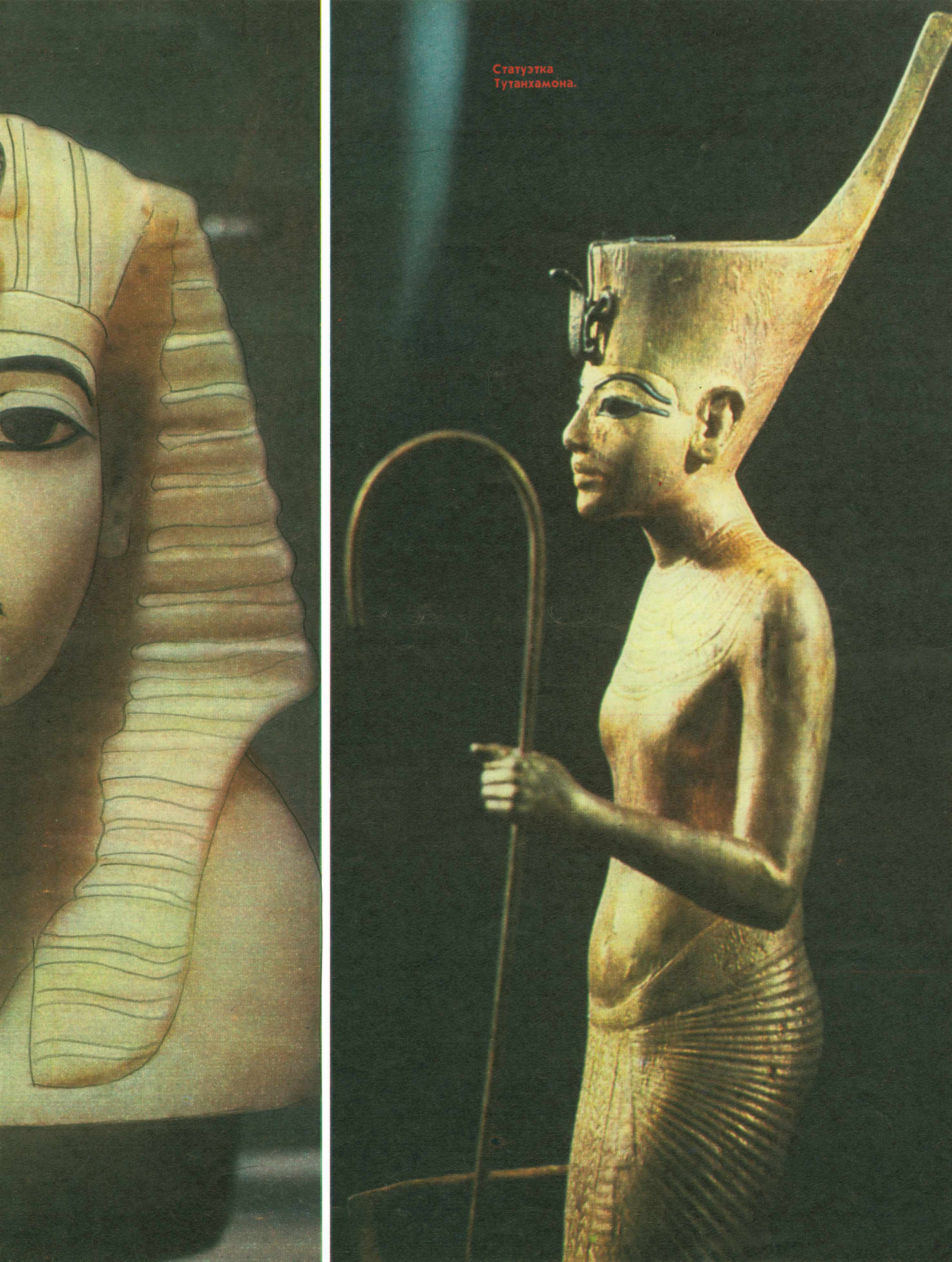

Тутанхамон на ладье.

Крышка погребального сосуда в виде головы Тутанхамона.

Статуэтка
Тутанхамона.

На выставке «Сокровища гробницы Тутанхамона» в Москве.

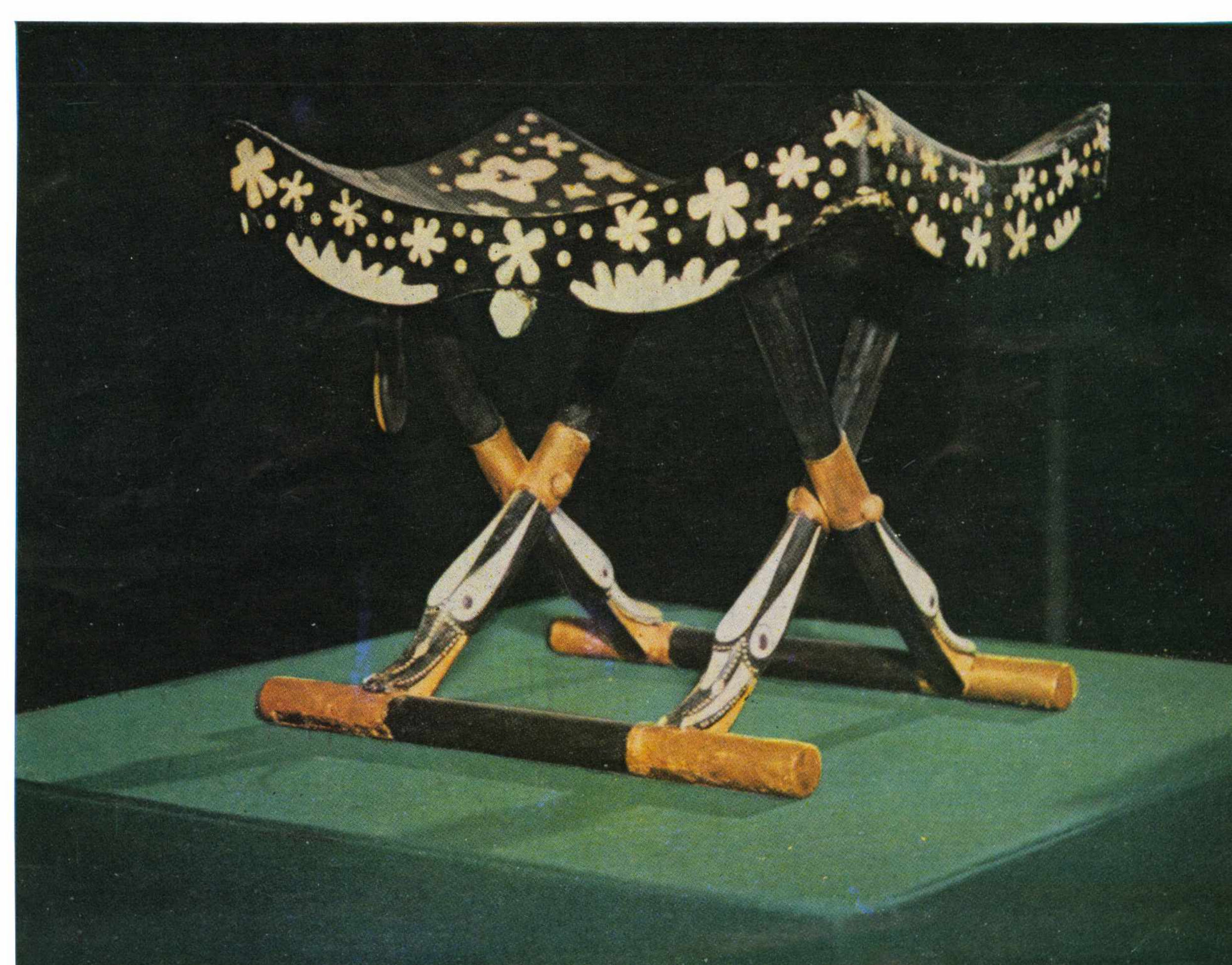
Золотые серьги; золотой кинжал.

Наос

Золотой воротник, изображающий богиню Нехебт; золотая подвеска с тремя скарабеями; складной стул Тутанхамона. ▶

цов бога Амона. Поэтому так бесконечно тревожно, а порою почти испуганно всматривается фараон в свое будущее. Тяжелые тени бродят по его лицу и создают эту трепетную множественность состояний, свойственную лишь живому лицу, и, однако, маска Тутанхамона обладает этим колдовским качеством — быть живой или почти живой... И эта задумчивость, порою даже меланхоличность переходит иногда в угнетенность... и мягкость, и, да простят меня за этот современный термин, интеллигентность. Но главное, что поразило меня с первой минуты знакомства с юношей,— это ощущение драмы, жизненной трагедии, которое никак не мог заслонить золотой блеск полированного металла. В этом сочетании несовместимых понятий — древнего деспота и рефлексирующего, болезненного юноши, в этой невероятной тонкости трактовки скульптуры — вся уникальность этого нетленного шедевра искусства всех времен и народов... Все величие абсолютизма канонической власти египетского монарха и весь ужас бессилия молодого человека перед лицом иерархии жрецов — этой касты потенциальных заговорщиков с тысячелетним опытом организации дворцовых переворотов, интриг и просто тайных убийств. Весь груз высоких государственных обязанностей и неотвратимых случайностей, неотразимых, как рок... И снова и снова не первый раз в мои размышления ворвался колдун... Свет. Я забыл рассказать, что в это первое мое знакомство с Тутанхамоном в музее был выходной день. В пустынных, молчаливых залах царила тишина. И только маленькая киногруппа снимала фильм о сокровищах гробницы Тутанхамона... Блики света от яркого юпитера побежали по округлым щекам, пухлым губам юноши, заиграли в темных зрачках. Вмиг исчезли десятки столетий, и я увидел совсем рядом с маской склоненное над ней прекрасное лицо молодой вдовы фараона Анхесенамон, дочери великой Нефертити. Юная царица рыдает. В руках у нее венок из синих-синих васильков. Я увидел явственно напряженное лицо злого гения и будущего фараона Эйе, не отводившего глаз от царицы. Великая и в то же время такая житейская коллизия престолонаследия разыгрывалась у драгоценного саркофага усопшего властелина... Бегут, бегут золотые, ослепительные блики на разбуженном светом металле. Тайная, невероятной силы мощь таланта ваятеля была заложена при создании этой скульптуры, и этот заряд дарования художника передается нам через тьму веков... Сверкают золото, драгоценные сплавы — бирюзовые, синие... Смальта... Сердолик. Лазурит... Неугасимая краса вечно живых камней, уложенных в тончайшую мозаику украшений фараона. Горит, горит яркое солнце бога двадцатого века — электричества — и озаряет сына древнего бога солнца Амона — Тутанхамона... Я попросил оператора разрешить мне посмотреть в телеобъектив на маску фараона. «Прямо человек»,— сказал мне оператор и поставил новый телевик — «пятьсот»... На меня в упор глядело юное золотодышащее лицо. Царь пронзительно и печально смотрел на меня... Огромные глаза снова вопрошали с тревогой: «Зачем вы нарушили мой покой?» Дистанция тысячелетий провалилась в бездну. Власть оптики приблизила меня вплотную к маске. Я видел мельчайшие поры металла, передо мною ослепительно сверкала бирюза. Священные коршун и змея приготовились напасть на меня и защищать своего господина. На какой-то миг мне стало не по себе... Я в какие-то доли минуты вспомнил все мифические истории, связанные с «проклятием фараона», вызвавшие столько шума в прессе двадцатых годов... Но в тот же миг я представил себе серьезное и вдохновенное лицо Говарда Картера, открывшего сокровища Тутанхамона, и мне стало стыдно... «Совсем живой»,— как во сне я услышал голос молодого оператора и вернулся в март месяц, в Москву, в сегодня... Погас слепящий свет юпитеров... Московские сумерки, холодные, призрачные, озарили синими бликами голову юноши и особенно ясно обозначили черты усталости и обреченности... Ушла в другие залы киногруппа. Зазвучала тишина... Откуда-то издалека ворчал, ворчал огромный город... Вечерело... Голубой свет лег на надбровья, еще яснее прочертил глазницы, пролепил нервные ноздри, скользнул по полудетским губам, по пухлому подбородку. Ушли в тень атрибуты власти — украшения, фальшивая борода, орнаментика головного убора — клафта. Погасло сияние золота, унеся с собою все признаки показного, суетного величия. Все временное и преходящее. На меня из сумерек глядело лицо обреченного юноши, жертвы большой игры Эйе и жрецов Египта. Передо мною был почти мальчик со всеми его горестями, невзгодами, полный несбывшихся надежд и несвершившихся мечтаний. Вечно юный и неумирающий вечно!.. Упала мишурная завеса призрачной славы. Умолк шепот льстецов. Ушла власть. Я увидел Тутанхамона последних дней его короткой, но яркой событиями жизни и, казалось, вознесенного судьбою до невероятных по тем временам высот могущества и поверженного роком в прах... Стемнело... Я подошел ближе к фараону. Чуть раскосые, подернутые влажной дымкой глаза юного царя, казалось, вопрошали меня: «Ты понял?» ...Кто-то внезапно зажег свет. И все стало на место. Наваждение вмиг пропало, исчезло... Предо мною был застывший в своем величии государь Верхнего и Нижнего Египта. Последний фараон XVIII династии. Богоравный, но по трагическим обстоятельствам причисленный к фараонам-еретикам, бывший Тутанхатон, а после ставший Тутанхамоном и умерший моложе двадцати лет. Причина смерти не установлена.

О бессолнечные тайны царственных могил! Сколько легенд и пустяковых сплетен окружает гробницы некогда грозных властелинов! А ведь они были всего лишь люди. Люди. Смертные. Со всеми им присущими слабостями... Не более, не менее... Мрачным табором странствуют по страницам истории неприкаянные годы жизни и деяний фараонов конца XVIII династии. Удивления достойна драматургия восшествия и падения Эхнатона, Сменхкары, Тутанхамона. Но в этих страницах летописи — суетная и яркая, кровавая и песенная история людская, с ее надеждами и падениями, мечтами о лучшем, с ее просчетами и слезными ошибками. Уходят фараоны, но остаются деяния народные, творения зодчих, поэтов, художников, певцов... Я замечаю еле заметную улыбку на губах Тутанхамона, брови дрогнули, и миндалевидные глаза юноши спросили: «Ты понял?»... И вдруг увидел стынущее тело молодого монарха и неутешную Анхесенамон, юную царицу, и немых жрецов, и бессердечный лик коварного Эйе. Я услышал последний стон царя и увидел последний наклон тяжелой головы на тонком стебле шеи и жалкую, просящую улыбку пухлых, почти детских губ: «Почему? Зачем?..» Правда, по заповедям старины юный Тутанхамон должен был думать в те страшные минуты о вечности, о сладких днях загробной жизни: «...Должен ты думать и о последнем пути к вечному блаженству. Здесь уготована тебе ночь с маслами благовонными, здесь ждут тебя погребальные пелены, сотканные руками богини Таит. Изготовят тебе саркофаг из золота, а изголовье из чистого лазурита. Свод небесный раскинется над тобой, когда положат тебя в саркофаг и быки повлекут тебя. Музыканты пойдут впереди тебя и перед входом в гробницу твою исполнят пляску Муу. Огласят для тебя список жертвоприношений. Заколют для тебя жертвы у погребальной стелы твоей. Поставят гробницу твою среди пирамид детей фараона, и колонны ее воздвигнут из белого камня». Но молодой Тутанхамон хотел жить. Жить! Он сделал все, чтобы умилостивить старых, временно низвергнутых его предшественником Эхнатоном богов. Вот его гордые слова: «Я нашел храм в развалинах: стены святилища были разрушены, дворы его заросли травой. Я вновь воздвиг святилища, я восстановил храмы и пожертвовал им всевозможные превосходнейшие вещи. Я отлил изваяния богов из золота и электрона, украсив их лазуритом и всевозможными драгоценными камнями». И однако все эти добрые деяния, все эти жертвы богам оказались напрасны. И вот он на пороге смерти. Кто виновник ее? Эйе... Жрецы... Он не знает... Бездонны бессолнечные тайны могил государей... Ведь Тутанхамон и его преемник Эйе — оба не знали, что им предстоит быть навечно исключенными из списков фараонов Египта.

Летят, летят неутомимые часы, дни, годы, столетия, но им не разбудить невыразимую тишину Долины царей, где был похоронен Тутанхамон. И каждый вечер вопреки всей суете мирской загорается вновь и вновь голубой хрусталь звезд и застывшие каменные волны скал призрачно мерцают в седом сиянии луны... Многозвучны немые руины некогда цветущих городов. Давно умолкла жизнь забытых столиц. Но камни, камни, мертвые камни говорят.

Людям иногда свойственно стремление забыть свое прошлое. Это нелепо... Но именно сам человек, именно он сам порою сокрушал храмы, дворцы, монументы — следы своей истории... Никакие мудрые объяснения не восстановят из праха и пепла творения зодчих, ваятелей, художников. И все же руины рассказывают нам многое. И пусть иногда не мраморные дворцы, не золотые саркофаги, не сверкающие алмазами диадемы, а всего лишь обломки глиняных сосудов или обрывки папирусов, а порою лишь стены со следами полустертых письмен доносят до нас грохот сражений, стоны распинаемых на крестах рабов, звон цепей, песни влюбленных, строки поэтов. Но они вновь соединяют обрывки порванной нити жизни рода человеческого... История вечно живет в творениях рук людских.

Я иду вдоль стены, где экспонированы фотографии раскопок в Долине царей, которые вел археолог Говард Картер.

Археология... Наука, бросающая яркий свет во мрак веков и позволяющая человечеству заглядывать в тайну своей истории. Перед нами возникают давно забытые, стертые страницы поры детства, юности человечества. Из груд щебня, из недр земли ценою невероятных усилий, труда ученых появляются на свет божий и начинают говорить камни. Десятки веков были немы руины Древнего Египта... Молчали седые развалины храмов. Загадочно глядели на мир странные знаки. Тайна, полная загадок и сказочных прелестей, манила ученых. Угрюмая Долина царей. Полузасыпанные щебнем, песком могилы фараонов. Раскаленные скалы. Зной. Жгучий ветер пустыни хамсин охранял тайны гробницы... Но это было давно. К началу двадцатого века археологи перекопали Долину, и, когда Говард Картер по поручению лорда Карнарвона ровно шестьдесят лет тому назад, в 1914 году, подписывал договор о концессии на раскопки, он слышал единодушное мнение, что эта затея бессмысленна, ибо возможности Долины исчерпаны. Но англичанин Картер верил в победу, он был упрям. Его не смущали трудности, хотя он знал, что предстоит вывезти тысячи тонн грунта... Шесть сезонов подряд гигантский труд не принес желанной удачи... Отчаяние, безнадежность охватили всех. И вот на пороге признания поражения, буквально в последний момент, в последней отчаянной попытке, наконец, кирка открыла миру то, что превзошло самые смелые мечты.

Предоставим слово самому счастливцу, победившему в борьбе со скепсисом и неудачами,— Картеру:

«Медленно, мучительно медленно, как нам казалось, рабочие убирали остатки завала, загромождавшие нижнюю часть входа. Но вот наконец вся замурованная дверь перед нами. Решительный момент наступил.

Дрожащими руками я проделал небольшое отверстие в левом верхнем углу замурованной стены. Темнота и пустота, в которую щуп свободно уходил на всю длину, говорили о том, что за этой стеной уже не было завала, как в только что очищенной нами галерее. Опасаясь скопления газа, мы сначала зажгли свечу. Затем, расширив немного отверстие, я просунул в него свечку и заглянул внутрь. Лорд Карнарвон, леди Эвелина и Коллендер, стоя позади меня, с тревогой ожидали приговора.

Сначала я ничего не увидел. Теплый воздух устремился из комнаты наружу, и пламя свечи замигало. Но постепенно, когда глаза освоились с полумраком, детали комнаты начали медленно выплывать из темноты. Здесь были странные фигуры зверей, статуи и золото — всюду мерцало золото! На какой-то миг — этот миг показался, наверное, вечностью тем, кто стоял позади меня,— я буквально онемел от изумления.

Не в силах более сдерживаться, лорд Карнарвон с волнением спросил меня: «Вы что-нибудь видите?» Единственно, что я мог ему ответить, было: «Да, чудесные вещи!»

Алебастровая чаша; модель саркофага.

И вот мы сейчас можем, через полвека с лишним после открытия Картером сокровищ гробницы Тутанхамона, любоваться ими в Москве... Пятьдесят экспонатов из коллекции Каирского музея перед нами.

В одной из стеклянных витрин выставки представлена маленькая золотая фигурка сидящего человечка высотой всего в пять сантиметров. Это фараон Аменхотеп III... Вернее, брелок на цепочке, изображающий царя. Маленький, как воробышек, сидит этот грозный вершитель судеб Египта, облаченный в парадный шлем. Его правая рука твердо сжимает атрибуты царской власти — посох и плеть. Все, как положено по канону... Вглядитесь пристальней в лицо владыки, и вас поразит его сходство с Тутанхамоном. Тот же разрез глаз, пухлые губы, округленный подбородок. Возможно, что юный фараон был внуком Аменхотепа III и его жены царицы Тии. Кстати, в том же саркофаге в одном из маленьких гробиков была обнаружена тщательно завернутая в ткань, заплетенная прядь каштановых волос Тии... Аменхотеп III был одним из самых могущественных владык Древнего Египта. Это он возвеличил до предела свое государство. Это по его повелению были возведены грандиозные храмы и дворцы. Вглядитесь, вглядитесь в сгорбленную фигурку золотого карлика и вспомните на мгновение циклопические статуи, известные под названием «Колоссы Мемнона», эти фигуры высотою в двадцать один метр каждая, изображающие могучего фараона Аменхотепа III. Статуи сложены из огромных глыб камня и кажутся занесенными к нам с другой планеты сказочными титанами. Есть еще одна возможность припомнить время Аменхотепа III. Приезжайте на Неву в Ленинград, на набережную к Академии художеств. Там на гранитных берегах реки стоят два сфинкса — замечательные памятники той эпохи... Они украшали аллею сфинксов у погребального храма фараона Аменхотепа III.

Золотые статуэтки, подобные фигурке Аменхотепа III,— сейчас редкость. Да это и не мудрено. Ведь большинство могил фараонов было разграблено и прежде всего, конечно, были похищены золотые изделия — скульптуры, ювелирные украшения, предметы обихода. Постройка гробниц облекалась глубочайшей тайной, казалось, никто не мог нарушить покой царственных мертвецов... Насколько секретны были эти работы, рассказывает главный архитектор фараона Тутмоса первого Инени: «Я один управлял работами, когда в скале высекали гробницу для его величества, так что никто ничего не видел и ничего не слышал»... Хорошо, а кто строил? Где были рабочие? Они были попросту уничтожены по окончании сооружения усыпальницы царя... Жестоко? Да, как, впрочем, и многое другое в этой благословенной стране... Но грабители, как правило, оказывались более хитрыми и опытными, чем все вельможи и чиновники фараона... Вот строки из признания одного из немногих пойманных похитителей сокровищ. Естественно, что откровенность пришла к этому несчастному не без пыток:

«Мы проникли во все помещения и увидели, что царица покоится... Мы открыли их гробы, мы сняли покровы, в которых они покоились. Мы нашли божественную мумию этого царя... На шее его было великое множество амулетов и украшений из золота. Голова его была покрыта золотой маской. Священная мумия была вся украшена золотом. Покровы ее были вышиты серебром и золотом изнутри и снаружи и украшены всевозможными драгоценными камнями. Мы сорвали золото, которое нашли на священной мумии этого бога, все его амулеты и украшения, висевшие у него на шее, а также покровы, в которых он покоился.

Мы нашли и жену фараона. Мы сорвали с нее также все. Мы сожгли их покровы. Мы унесли их утварь, которую нашли при них. Там были сосуды из золота, серебра и бронзы. Все золото, найденное на мумиях этих двух богов, их амулеты, украшения и покровы мы поделили на восемь равных частей».

Эти скупые строки показывают, что похитители действовали яростно, ими двигало не только желание обогатиться. Они мстили за свою нищету царям. Иначе зачем, например, было жечь покровы? Возможно, это были вконец обнищавшие ремесленники или земледельцы. Вот несколько слов из древних текстов, рисующих тяжелую судьбу трудового народа: «Я не видел кузнеца посланником и ювелира посланным, но видел кузнеца за работой у печи. Его пальцы были подобны крокодиловой коже, он издавал запах хуже, чем гнилая икра. Каждый ремесленник, работающий резцом, утомляется больше земледельца. Его поле — дерево, его орудие — металл. А ночью разве он свободен? Он работает больше, чем могут сделать его руки, поэтому ночью он зажигает огонь... У земледельца вечное платье. Его здоровье, как человека, лежащего подо львом... Едва он вернулся домой, как ему опять надо уходить... Ткач в мастерской слабее женщины. Его ноги на животе, он не вдыхает воздуха. Если он не доделает днем положенного, его бьют, как лотос в болоте. Он дает хлеб сторожам, чтобы увидеть свет...». И еще один текст: «Половину урожая расхищают птицы, гиппопотамы пожирают другую половину, в поле плодятся мыши, налетает саранча. А тут к берегу пристает сборщик податей, оглядывает поле, его помощники держат в руках палки, а негры — розги. Говорят: давай зерно. Если его нет, бьют земледельца... вяжут его и бросают в канал... вяжут жену и детей».

Мне хотелось привести эти цитаты, чтобы дать возможность почувствовать, какие жестокие противоречия, какая нещадная эксплуатация царили в освященном богами государстве, управляемом богоравными правителями. Что стояло за всем этим великолепием храмов, дворцов, за подавляющей грандиозностью пирамид и колоссов... Но пора вернуться на выставку... Итак, мы познакомились с великим фараоном Аменхотепом III, прославившим Египет, и с его супругой Тии. Надо заметить, что Тии была царица не совсем обычная. Она вошла в сонм правителей далеко не из царского дома и даже не из вельможного рода. Взгляните на ее портрет из Берлинского музея... Царица изображена на этой скульптуре в ту пору, когда Аменхотеп III почил уже в бозе. На троне Египта восседал их сын Аменхотеп IV, который позже прославится как «фараон-еретик». Итак, на портрете Тии уже в годах. Мудрая. Она многое видела и пережила. Ее взор, пронизывающий и ироничный, оценивает все. Будучи человеком, стоявшим по происхождению ближе к народу, она особо ярко видела и ощущала все несовершенство и ничтожество вельможной знати, жречества, двора фараона. Возможно, что ее влияние на молодого монарха, а главное, объективные обстоятельства: неимоверное усиление власти фиванских жрецов Амона — заставили Аменхотепа IV стать на путь реформ, потрясших основы Египетского государства... И молодой фараон свершает неслыханное. Он объявляет нового единого бога — Атона. И вводит его культ — видимого солнечного диска, тем самым свергая «старых» богов Амона — Ра и других. Себя же вопреки всем священным традициям он переименовывает из Аменхотепа, что означало «Амон доволен», в Эхнатона, что значило «Угодный Атону»... Но этого было мало, и Эхнатон решается еще на один акт. Он покидает древнюю столицу стовратные Фивы и в невероятно короткий срок воздвигает город, который и объявляет новой столицей, присвоив ей гордое имя Ахетатон — «Горизонт Атона». Но и этот шаг показался недостаточным неистовому реформатору, и он приказывает повсеместно закрыть храмы старых богов, а их изображения и начертания их имен всюду уничтожить... И египтяне, верноподданные слуги фараона, с великим тщанием скоблили и скребли повсеместно имена Амона, Ра и других неугодных богов.

Но, как ни странно, эти катаклизмы, эта эпоха богоборчества и реформ оставили человечеству прекрасные памятники искусства... И именно в эти годы египетская скульптура и живопись достигли вершин совершенства. И символом этого взлета, этой магии творчества становится образ молодой царицы, жены Эхнатона.

Нефертити... «Прекрасная пришла»... Так звучит это имя. Ее скульптурный образ, созданный придворным скульптором Тутмесом и найденный в нашем веке во время раскопок в маленьком селении Эль Амарне под слоем песка, является одной из вершин мирового искусства... Нефертити... Вся плавность линий волн Нила, вся упругость крыльев благородного сокола... Величественная простота храмов и сфинксов в твоей вечной красоте. Юной и чарующей... Колдовская жизнь розоватого песчаника длится уже тридцать три с лишним века, но думается, что и через пять тысячелетий люди будут так же попадать в плен обаяния царицы — мудрой, женственной, прекрасной.

Амарна... Маленькая точка на лице земли, забытая и мало кому известная, вдруг стала равной по славе знаменитым городам и столицам... Египетские Помпеи. Веками спавшая под толщей песков и вдруг явившая людям всю прелесть и животворное чудо древнего искусства Египта. Амарна... Ты рассказала нам о коротком миге в истории нашей земли. Какие-то считанные годы отделяют начало твоего рождения от часов бесславного заката этой столицы государства неистового Эхнатона. Быстро пролетели годы твоей короткой славы, взлета, расцвета, но с какой непередаваемой остротой донесли немногие создания искусства, дошедшие до наших дней, прелесть новой красоты, овладевшей в те времена сердцами неизвестных ныне египетских мастеров. С какой небывалой доселе силой овладевает нами певучая, необычайно человеческая форма скульптур и росписей, найденных в Амарне, и среди них истинная жемчужина — портрет Нефертити.

Эхнатон, борясь с кастой фиванских жрецов, в их лице боролся со всем старым, косным, догматическим, что было в Древнем Египте. Он запретил пользоваться условным, схоластическим языком древности. При нем родился новый литературный язык, простой, народный, язык площадей и улиц... Так же нов был и язык пластики Амарны, разрушивший каноны условных модулей, идеализировавших натуру и находившихся в плену многовековых традиций. Среди лучших скульптурных портретов амарнского периода были образы дочерей Эхнатона и Нефертити — Меритатон и Анхесенпаатон, поражающие нас сегодня обаянием, свежестью и удивительной мягкой лепкой, трепетностью характеров.

Анхесенпаатон... Нельзя остаться равнодушным, видя это девичье лицо, наполненное дыханием юности и чистоты. На нас глядят чуть-чуть раскосые миловидные глаза, мы ощущаем дыхание и чувствуем мимолетную улыбку, блуждающую на губах этой девочки-царевны, уже обвенчанной, несмотря на свой возраст, с таким же ребенком, юным Тутанхатоном... Она еще не знает ничего об ожидающей ее и мужа судьбе... Они радуются жизни, участвуя вместе с отцом и матерью во всех дворцовых увеселениях, торжествах, церемониях... Но время готовило им страшные испытания... Вскоре умирает совсем молодой Эхнатон, не завершив свои реформы. Исчезает с исторической сцены Нефертити... В течение двух лет страной правит муж старшей дочери фараона Меритатон — Сменхкара — и умирает. Судьбе было угодно, чтобы его заменил совсем еще юный Тутанхатон... Нам уже известно, что молодой фараон быстро попадает под влияние Эйе и фиванских жрецов. Он восстанавливает вновь культ бога Амона, возвращается в Фивы и становится Тутанхамоном, а его жена принимает имя Анхесенамон. Так замкнулся круг. Все вернулось к старому. Вновь открылись храмы Амона. И вновь верноподданные египтяне с тем же тщанием стали уничтожать повсеместно ненавистное уже теперь имя бога Атона... Но историю, искусство нельзя было повернуть вспять. Амарнский период оставил неизгладимый след в развитии культуры и искусства Древнего Египта. Оно стало более человечным, жизненным, острым. Следы этого благотворного воздействия на скульптуру, прикладное искусство, живопись можно видеть на образцах сокровищ гробницы Тутанхамона.

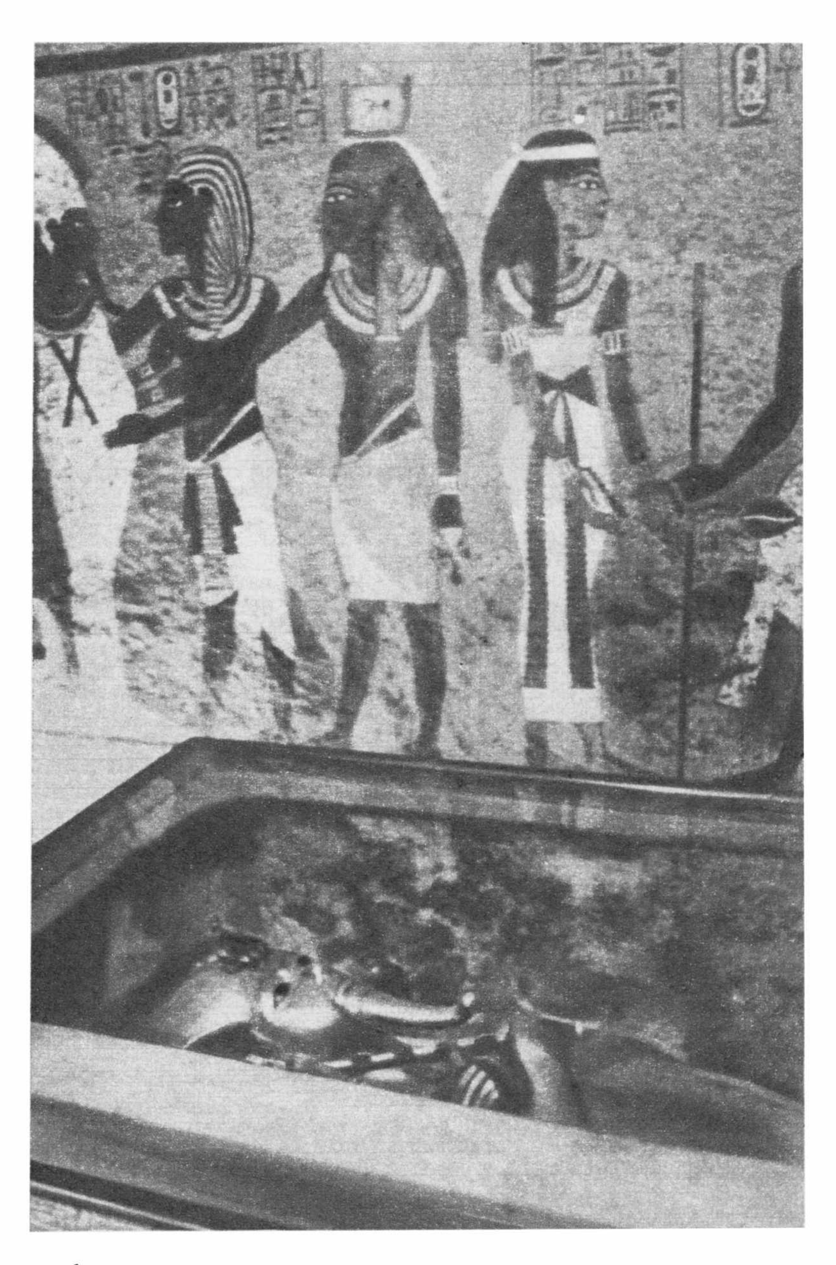
Едва ли кто-нибудь в наше время слушал музыку Древнего Египта. Ведь от той давней поры не осталось нот или каких-либо подобных записей. Хотя широко известны древние изображения египетских музыкантов, играющих на арфе, систре, трубах. Их образы запечатлены на рельефах, росписях, мозаиках тех далеких времен.

Мне посчастливилось услышать музыку этой древней страны. Это было в тот миг, когда я вошел в большой белый зал Музея изобразительных искусств. В тот благословенный день, когда, кроме необходимой охраны, никого не было. Гулкая тишина царила кругом. И в этой торжественной пустынности особенно значительно, объемно, изумительно тонко и строго смотрелись шедевры, найденные в гробнице Тутанхамона. Ровный, спокойный свет струился сверху, облекая сокровища, привезенные из Каирского музея, мягкой золотистой пеленой... Я как зачарованный остановился...

Передо мною открылся древний мир Красоты.

Я безотрывно гляжу и гляжу на небольшую статую юного царя, плывущего на ладье по Нилу, и мне кажется, что я слышу мелодичный плеск волн великой реки. Я любуюсь узорным орнаментом золотых украшений, этих летящих могучих коршунов, драгоценных скарабеев, узорных ожерелий, и мне мнится, что моего слуха достигают строгие ритмы поющих золотых струн арфы... В трепетных бликах металла я вижу символическое изображение божественного лика Солнца, и в моей душе звучат слова гимна, написанного еще во времена Эхнатона, воспевающие дневное светило, пробуждающее землю и все живое: «Вся земля принимается за работу, всякие животные удовлетворены своими травами, деревья и травы зеленеют, птицы вылетают из их гнезд, и их крылья величают твой дух, звери скачут на своих ногах, все, что летает и порхает, все живет, когда ты восходишь для них». Я слышу щебет птиц, пение ветра, шелест листвы... Я смотрю на стремительные и в то же время предельно выверенные линии скульптур, и меня поражает чеканность и певучесть их силуэтов. Меня покоряют нежность и чарующая прелесть лица и осанки молодого царя и его юной супруги, я чувствую дыхание целомудренной, чистой любви, которая связывала эти два сердца. И этот праздник дивной пластики, многократно повторенный в немых материалах, слился у меня в душе в неведомую, новую для меня гармонию, полную сияющей древней полифонии. Я убедился в невероятной музыкальности древнеегипетских мастеров — живописцев, скульпторов, ювелиров, сумевших заставить звучать камень, дерево, металл. И голоса их творений, такие разные по силе и тональности, достигли поразительной по глубине и изяществу мелодии. Я воистину услышал музыку времени или, скорее, песню «жизни, постоянству и красоте», которую сложил сам народ, невзирая на все тяготы своей судьбы... В моем сердце прозвучала удивительная симфония радости бытия и полноты ощущения любви к свету... И вдруг я понял, что эти мажорные, светоносные, жизнелюбивые мотивы были могущественной антитезой мраку, ужасу и страданию, они были свидетелями духовного здоровья египетских мастеров из народа, находивших в себе силы вопреки режиму страха и насилия, несмотря на вечно стоящую на их пороге нищету, славить свет, верить в победу Солнца над мраком. Ваятелей и живописцев нисколько не смущали суровые догмы и каноны, выработанные веками. Их мудрые сердца, их любовь к жизненной правде одолевали фальшь придуманных рамок и помогали создавать творения непреходящей ценности, в которых с невероятной экспрессией, невзирая на культовые модули, предписанные жрецами, звучало само время, в котором они творили. И поэтому мы с такой радостью знакомимся с произведениями, созданными художниками в послеамарнский период, ибо мы еще и еще раз убеждаемся в благодатной роли Амарны — этого поистине Ренессанса в древнеегипетском искусстве, благоприятствовавшего дальнейшему расцвету гуманистических тенденций в скульптуре и живописи той поры и отличающегося особым обаянием и прелестью созданных художниками Амарны и их последователями образов. Думается, что сам внешний облик Тутанхамона — царя-юноши — и его супруги царицы особенно пришлись по душе художникам, и они нашли какой-то особый, трепетный язык пластического выражения, чтобы увековечить эти полюбившиеся им характеры... Может быть, народ испытывал известную долю разочарования после неистовых реформ еретика-фараона Эхнатона, которые, по существу, ничего не принесли простому люду... Молодой Тутанхамон и начало его царствования, его доброта рождали какие-то иллюзии, какие-то надежды на лучшую жизнь. Правда, разочарование пришло довольно скоро, ибо народ увидел вновь привычные им фигуры старых вельмож, фиванских жрецов Амона и пришедшую вместе с ними реакцию... Я еще и еще раз обходил экспозицию большого зала. Я дышал воздухом Древнего Египта, и душа моя была переполнена благодарности к художникам, которые открывают нам двери в Прекрасное... Трудно было поверить, что все эти сияющие, подобно маленьким звездам, изображения, по существу, были погребены во мраке небытия, и только чудо вернуло их людям... Чудо разума и упорства Человека!

Мои размышления прервал шум... И вновь я увидел ребят из киногруппы, перетаскивающих аппаратуру, софиты, тянущих электропроводку... И снова лучи юпитеров вершили чудеса, и снова я увидел главную сердцевину искусства Древнего Египта — внутреннее движение, сокрытое под маской внешней скованности... И если услышать музыку творений Древнего Египта мне помогла... тишина, то экспрессию формы древних мастеров мне снова помог понять... свет нашего века — электричество... Вот оператор попросил навести луч юпитера на маленькую композицию «Тутанхамон на ладье», на которой изображен фараон в короне Нижнего Египта, плывущий на маленькой лодке... В руках у юноши гарпун и свернутая, как лассо, веревка... Легкая ладья... Стройная, точеная фигура молодого царя... Поток яркого света заставил ожить статуэтку. Ассистенты приложили синюю прозрачную пленку к софиту, и голубой-голубой свет свершил еще одно чудо. Белый щит, подставленный как фон, вдруг превратился в... небо, черное дерево постамента стало в свете юпитера сине-фиолетовой водой реки... Ладья поплыла... Упали глубокие тени... Вздрогнул гарпун в сильной руке, раскрутилось черное лассо... Я увидел начало боя фараона с чудовищем. В древних папирусах не раз описывалось это сражение Добра и Зла. Вот отрывок из этого мифа: «И вот они предстали на своих судах перед Эннеадой. Тут лодка Сета погрузилась в воду. Сет превратился в гиппопотама и вознамерился потопить лодку Гора. Но тогда Гор взял гарпун и метнул его в божественного Сета»... Тутанхамон, он же мифический герой, видит перед собою чудовищный оскал сына Зла. Но его не пугает страшилище. На его лице блуждает улыбка. Он уверен в победе Добра. Он сделал шаг навстречу Сету, и сейчас прозвенит острый гарпун, и через миг враг будет поражен... Ослепительный свет превратил зеленое сукно стола в воды Нила. Голубая рябь мерцала в потоке лучей юпитера. Я подошел ближе. С какой-то изумительной экспрессией выточены были все детали скульптуры... Ювелирная, чеканная форма головы, изящные, сильные кисти рук, точеные длинные ноги юноши, обутые в простые сандалии. Я видел, как под загорелой кожей молодого

Гробница Тутанхамона.

Фото М. Савина.

бойца играют мышцы, как радостно ликует победоносная плоть! Эта фигура была поистине шедевром скульптуры, предвосхитившей своей динамикой лучшие творения Родена и Бурделя... В чем секрет убедительности воплощения легенды в такой совершенной форме — абсолютно реалистичной и жизненной?.. Мне думается, что прежде всего в простодушной вере неизвестного ныне мастера в истинность мифа, в его личной убежденности в конечную победу Добра над Злом... В этой цельности духовного мира художника одна из основных тайн создания высочайших творений искусства. Вера!.. Не оставляющая места для скепсиса и цинизма. Чистота и искренность всех помыслов художника рождали адекватную по силе и убедительности форму...

Погасли юпитеры... Было жарко... Усталый оператор вытирал пот.

Долго-долго я бродил еще по залам экспозиции. Перед моими глазами таинственно светился алебастр, расцветая неведомыми цветами в виде изумительных чаш. Я изучил поражающие филигранные рельефы золотого наоса, похожего на миниатюрный египетский храм. На этих чеканных изображениях мы вновь увидели юную влюбленную пару, забывшую, что они цари. Ласкавшую друг друга. Нежную и трогательную. Я еще и еще раз подходил к магическому изображению Тутанхамона из полупрозрачного камня и не мог оторвать взора от широко раскрытых бесконечно грустных глаз молодого владыки, не мог наглядеться на его мягкую улыбку... Меня околдовали маленькие фигурки ушебти, роль которых в судьбе фараона была особой. Вот что рассказывает об этих магических скульптурах «Книга мертвых». Они, эти ушебти, должны заменять на том свете порфироносного владыку и исполнять за него все тяжелые работы на «полях блаженных» — «когда человек обязан возделывать поля, орошать пастбища или переносить песок с востока на запад».

И во всех этих творениях рук человеческих, предназначенных для гробницы, подчеркиваю, для гробницы, я видел лишь ликующую, всепобеждающую жизнь. Вечное стремление человека к прекрасному, к свету, которое не в состоянии обуздать никакая сила...

И снова что-то привело меня к золотой маске Тутанхамона... Стемнело... В огромном пустом зале бродили седые тени. На погасшем черном фоне призрачно сияло лицо молодого человека... Тишина незаметно подкралась и легла где-то рядом... Я неотрывно глядел, как наступающая темнота все больше и больше убирала все лишнее... Остались глаза... Огромные... Широко раскрытые. Юноша смотрел в грядущие века.

ПОСЛЕДНИЙ ЛОСЬ

Джеймс ОЛДРИДЖ

РАССКАЗ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

3

Было еще темно, когда Джек точными, короткими гребками весла повел челнок по зеркальной поверхности озера. Ни одного звука не доносилось из раскинувшейся вокруг многомильной пустыни — лишь изредка всплеснет вода под веслом или под носом челнока.

— Рой много ходил по этому озеру в челноке,—сказал Джек, работая веслами.— Тут он и нашел этот урановый клад.

— Урановый? Не могу представить, чтобы Рой смог это сделать,— отозвался Лоусон.

— С ним была та женщина, миссис Иген из Чикаго. Она все и сделала. Каждое лето она приезжала сюда ловить рыбу, и Рой ее обслуживал. В тот год улов был из рук вон плох. Они объездили все озера, но так ничего и не наловили. Как-то, переезжая через это озеро, они видят: самолет кружит над водой. Миссис Иген спрашивает: «Зачем сюда авиация залетела?» Рой и говорит: «Ищут уран. Со счетчиком Гейгера». А эта женщина, так сказать, по уши сидела в бизнесе: закупала товары для большого универмага в Чикаго. «А почему,— говорит она Рою,— нам с вами не взяться за такое дело?» Рой засмеялся и отвечает: «О'кэй». Они наняли в Солт-сент-Мари самолет, раздобыли этого самого «Гейгера» и стали летать над участком. И оказалось, что уранового хлама тут полным-полно...

Лоусон, сидя спиной к Джеку, только безнадежно махнул рукой.

— Вскорости эта леди сколотила в Чикаго компанию и Роя назначила директором. Позднее довелось им перепродать свою заявку большой американской компании «Урокэн». Так вот, на долю Роя из вырученных денег пришлось больше двухсот двадцати тысяч долларов.

— Боже правый!

— После тут другие звероловы затеяли самостоятельно искать этот клад. Куда там! Остались без последней рубашки. У них ведь не было такой няньки, как миссис Иген...

— А миссис Иген с Роем не начинали бурить здесь, на участке?

— Пробурили две дыры на том берегу Оленьего озера. Просто так, чтобы оформить заявку. А потом стали выжидать, пока не обозначится хорошая цена. А тут «Урокэн» и взяла концессию на всю округу. Эта большая компания начала даже добывать руду. Но Иисус Мария! Можете себе представить, Уил,— в наших-то местах!

— Да, не могу представить. И вообще не хочу думать об этом.

— Но вот чего вы не знаете: Рой и слышать не хотел об этих деньгах. Оставил их в банке, а сам вернулся в лес, к своим ловушкам. И его Джинни — тоже: даже длинным багром не хотела дотрагиваться до этих долларов...

— А Рой жалел потом, что связался с таким делом?

— Не думаю. Он просто не мог остановить эту леди. Но послушайте, как оборачивается это дело сейчас.

— Что еще?

— Как вы думаете, куда пойдет этот куш Роя?

— Думаю, отойдет налоговому управлению.

— Нет. Все получит этот толстозадый бездельник, братец Роя. Если только адвокаты сумеют отыскать его в Штатах и вытащить за ноги из какого-нибудь кабака...

— Да, такие уж это деньги,— сказал Лоусон.

— Совершенно верно! — воскликнул Джек и почесал лысину.— Такие деньги всегда какие-нибудь ублюдки прибирают к рукам.

Уже начал пробиваться рассвет, словно кто-то раздвигал большой серый занавес. Они почти доплыли до небольшой песчаной отмели, где Джек должен был покинуть Лоусона. Лоусону предстояло подняться по каменному нагорью, а Джек пойдет назад к озеру, начнет описывать большую кривую, двигаясь с тыла, и они встретятся у хижины-однодневки, которую Рой соорудил много лет назад на самой середине участка.

— Погодите-ка минутку! — вдруг проговорил Джек, вынимая весло из воды.

— А что такое?

— Вы ничего не слышите?

— Нет.

— Мне показалось: старый бык затрубил. Только где-то далеко. Очень далеко.

— Ну, для лосей сейчас уже поздно трубить,— усомнился Лоусон.

— Только не здесь. Они и в декабре, бывало, ревут вон в тех скалах, зовут друг друга. Но нашему быку, правда, звать некого. Ни коровы нет, ни соперника-быка...

— А вы твердо убеждены, Джек, что он последний?

— Как же не твердо? Я знаю местность. И знаю, о чем думает этот старый бык. Он ищет то, чего не может найти, хотя и знает, что он последний.

Джек вытащил лодку на песок. Лоусон с мешком за плечами вступил на берег. Джек протянул ему тяжелый винчестер-348 и сказал:

— А вы ведь, как прежде, молодой и крепкий, Уил! Таскаете с собой эту чертову пушку.

— Зато пуля из нее, если угодит в когонибудь, убивает наповал. И не понадобится глядеть, как раненый зверь мечется и истекает кровью, прежде чем издохнуть.

— Ладно. Только будьте все время настороже,— сказал Джек,— потому что старый бык, если зайдет с тыла, обязательно кинется, как те испанские быки. Мне не хотелось бы собирать вас по кускам. Он свирепый и отчаянный, этот старый зверь. Так что берегитесь!

Джек был уже в сотне шагов, когда докричал свои последние предостережения. Лоусон стал смотреть, как плывет челнок, задрав нос из-за перегруженной кормы. Джек сильными гребками гнал свою посудину к берегу. Он был готов выполнить свой маневр и помочь Лоусону накрыть старого быка там, наверху, в его скалистом обиталище.

4

Лоусону было незачем спешить, и он следил за Джеком до тех пор, пока тот не скрылся из виду. Тогда он заложил четыре патрона в магазинную коробку винчестера и повесил ружье через плечо. Он глубоко вдохнул утренний возух и двинулся вверх по каменистому склону, через первую, вторую, третью рощицы молодых деревьев.

Пейзаж становился беднее, чем внизу: полстолетия назад тут начали хозяйничать лесорубы, они почти начисто свели ель, сосну, лиственницу. И все-таки здесь, среди этого лесного молодняка, его ожидало то, для чего он так рвался сюда: поиск лося, старого быка, последнего из своего рода. А может быть, это окажется и поиском того неповторимого, что еще живет, притаившись, в нем, Лоусоне?

— Я вышел добывать лося, я на охоте,— строго приказал он себе.— Довольно этих интеллигентских снов средь бела дня, бесплодного дрейфа мыслей в голове!

Первая миля была только началом, как бы ничейной полосой между озером и нагорьем. Но еще одна, другая миля — и вот он уже в плену у гигантской, поросшей лесом, величественной пустыни Канадского Севера. И уже нет вокруг, куда только достает глаз, ничего, что могло бы идти в счет,— только он один со своими мыслями. Что же в конце концов ожидает его здесь? Он старался не думать об этом. Может быть, всего лишь прощальный взгляд на себя, перед тем как он вернется назад, к жизни, сотканной из уступок...

— У Ренэ, наверное, теперь тоже такие мысли,— решил он, но глаза его уже зорко смотрели по сторонам, ища еле заметных следов, какие оставляет на ходу лось.— Она,— вернулся он к Ренэ,— должно быть, тоскует по той юной француженке, какой была когда-то, самозабвенно мчащейся на старом велосипеде по аллее, обсаженной голыми зимними деревьями, там, в Кур Мирабо, в Эксе.

Что ж, он не может думать и решать за нее. Хотя и за себя тоже... Поэтому — сосредоточиться на старом быке, который ждет где-то там, впереди! Он ведь знает — этот последний лось,— что это будет решающая встреча между ними...

Вот они наконец, эти следы! Он видит их: два клочка шерсти и немного лосиного помета у нижней части ствола одинокой ели.

Окончание. См. «Огонек» № 13.

«Имитация любви,— объяснял им Энгус, когда они находили такие следы. — Лось трется задом о ствол дерева, когда не может найти вовремя подругу. Отчаяние...»

Причиной может быть и другое: лось пытается избавиться от изматывающего зуда, вызываемого какими-то партеногенетическими паразитами, которые поселяются в слизистой оболочке прямой кишки. У некоторых видов китов подобные паразиты заводятся в складках губ. Вообще говоря, подумал он вдруг, живое существо выживает или гибнет в зависимости от того, насколько оно способно справиться со своими паразитами...

Этому помету, видимо, не больше двух дней. Но старый бык мог ведь уйти и укрыться где-нибудь, пусть даже не очень далеко отсюда. Лоусон решил подняться на продолговатый волнистый кряж, это даст ему преимущество: с высоты наблюдать легче.

— И уберечься от нападения с тыла,— напомнил он себе.— Ты вступаешь теперь на территорию противника!

Два часа он поднимался по крутой, петляющей тропе, которую когда-то показал ему Рой. Теперь на поворотах тропы он снова и снова всматривался в каждое дерево, в каждый куст, хотя, казалось бы, уже видел все за несколько минут до этого. Вступало в действие зрение охотника. Это пришло само собой, оставалось только остерегаться коварства того, другого, по следу которого он идет, — таинственного отшельника, которого он собирается убить. Убить — и тем оправдать перед собой собственное, уже недолгое существование?..

Какая все-таки жалость, что участок Роя опустел! Он подумал об этом, но мысли его уже отвлекло нечто другое: он стал понемногу примечать, что в лесу еще водится малый зверь — шумливая красная белка, лиса, запах которой донес ветерок... Чей-то короткий визг — это, должно быть, норка, а может, и ласка? Здесь еще хватало этого малого меха, чтобы прокормить скромного звероловa, пусть даже большой зверь и большой мех ушли дальше, на север.

Никому после смерти Роя не приходит больше в голову ставить ловушки на его участке. Даже когда под носом уран. Так или иначе, это общая беда, подумалось ему. Скромно прожить на американском континенте никто больше не в состоянии, даже в лесной глуши. Тот же неумолимый груз давит на человека и здесь, как где-нибудь в Литл-Роке, Арканзасе или на Мэдисон-авеню в Нью-Йорке. Накопляй либо погибай! Хватай все, используй любой способ, иначе тебя мигом загонят в угол. Тебе останется одно — сжать кулаки в отчаянной надежде хоть как-то защитить себя.

— Ладно, хватит об этом,— еще раз сердито оборвал он себя.

Лоусон подошел к краю скалы и некоторое время стоял, глядя на север, на бесчисленные озера и болотистые полянки, которые так любят лоси.

— Он непременно где-то здесь, близко,— решил он.— Так не думай же ни о чем другом. И предоставь роду человеческому самому справляться с его заботами!

Это была циничная мысль. Но именно она была нужна ему сейчас. Он должен целиком подчиниться закону охоты.

В следующие два часа он обнаружил еще два следа: несколько свежеобломанных зеленых веток на высоте головы лося и два слабых отпечатка копыт на сырой палой листве. Он почувствовал, что идет по верной дороге — по той, где прошел старый бык.

Рой был прав, когда говорил, что эта тропа — самая надежная, если ты собрался охотиться на лося в этих местах. Но Лоусону не хотелось все-таки дать промах, стреляя по старому быку, который где-то здесь ждет его. «Нет, старина, тебе не обвести меня вокруг пальца»,— усмехнулся он и сбросил рюкзак на землю. Потом разжег небольшой костер и стал кипятить воду для кофе к завтраку.

— Я лучше немного посижу и подумаю о тебе, старина,— сказал он вслух.— Наверно, и ты размышляешь сейчас обо мне!

За завтраком он съел четыре сваренных вкрутую яйца, которые достал из пластмассового ящичка. Покончив с едой, он прилег на землю, вытянулся на спине и тут услышал, как хрустнул под ним маленький контейнер для яиц. Он досадливо поморщился.

— Чертов мусор,— проворчал он.

Повсюду этакая дрянь сопровождает тебя в жизни! Заменители всех сортов и видов, пластмассы, искусственные химические материалы... И каждый из нас покорно и беспомощно допускает в свою жизнь эти объедки с пиршественного стола природы. Такова, конечно, и его собственная жизнь. Неужели не осталось ничего безыскусственного, первозданного? Или и это — одна из тех же уступок, от которых ты настолько потускнел и угас, что не годен уже на что-либо подлинное?

— Чик-а-ди-ди-ди...

Лоусон осторожно, почти не поворачивая головы, огляделся. Он притянул к себе винчестер, положил его на колени и стал внимательно вслушиваться. Из кустов доносились десятки слабых потрескиваний, но так бывало всегда, и это не говорило о присутствии старого лося.

— Ты лжешь,— прошептал он в ответ на этот слабый, беспокоящий шумок.— Все лгут,— добавил он громче.

Лгут — в чем?

В том-то и состоял мучивший его вопрос. В чем, например, лжет он самому себе? Он

этого не знал. Он мог только здесь признаться себе в том, что впустую потратил лучшие годы своей зрелости. Пятнадцать лет он отдал тому, чтобы придумать способ уберечь от вымирания два вида — арктического кита и тихоокеанского лосося... Недавно, два месяца тому назад, в жаркий, душный день, когда он спускался по расшатанным деревянным ступенькам старой лаборатории в бухте Беррард, его вдруг осенило: полтора десятка лет тяжелых усилий — а он не только не сделал, но и не мог сделать ничего. Потому что оба эти вида обречены! Если не теперь и не вскорости, то в конечном счете.

— И ничто не может отменить этого,— заговорил он, обращаясь к свинцовому канадскому небу, которое плыло над ним. — Абсолютно ничто!

Некоторые виды, правда, могут выжить. Но только потому, что самой природе приходится превращать себя в зоопарк, чтобы спасти их. Заповедники? Это только удобная вывеска, придуманная людьми, чтобы оправдать превращение природы в уставленный клетками зверинец...

— Чик-а-ди-ди-ди...

Снова над ним насмехается какой-то маленький крылатый задира... Лоусон приподнялся и сел. И вдруг услышал отчетливый, сильный треск в кустах. Ах, вот, вот оно!

Он схватил винчестер. Но в то же мгновение ворвался мощный гул, как от бульдозера, расчищающего просеку в лесу. Это был он, старый бык! Он ломился сквозь подлесок, сокрушая все на своем пути, в какие-нибудь десять секунд отчаянного бега пронесся по луговине и пропал в лесу. Когда Лоусон вскочил и бросился за ним, его и след простыл.

— Чертов идиот! — простонал охотник, награждая этими словами самого себя.

Он торопливо уложил рюкзак, вскинул его на плечи, раздраженно пхнул в кучу листьев дурацкий пластмассовый контейнер, затоптал костер, забросал землей пепел. Подхватив винчестер, он бросился бежать. Теперь вместо слепого выслеживания зверя начиналась злобная, нетерпеливая погоня. До сих пор он еще втайне колебался, хочется ли ему или нет застрелить этого старого быка. Теперь никаких колебаний. При первой же возможности он всадит остроконечную пулю винчестера в раздувающиеся, пульсирующие легкие, или в печень, или в сердце огромного пустынника — зверя.

— И никакой возвышенной чепухи во время работы! — зарычал он на себя, все ускоряя бег.— Если уж тебя влечет к мировым проблемам, к этим проклятым противоречиям, не тебе решить их в одиночку... Твоя отживающая молодость очертя голову рвется сейчас сквозь лесную чащу! Спеши за ней и убей старого быка!

Но и к десяти часам следующего утра он не смог настигнуть свою добычу. Ночь пришлось провести в спальном мешке под навесом скалы. Винчестер он положил рядом с собой, с патроном в стволе. Ночью он слышал голодный вой лесных волков — для них тут было мало пищи, и он не рискнул оказаться застигнутым врасплох стаей отчаявшихся хищников.

Он обрадовался, когда начался рассвет. Утро пришло ясное, холодное, с девственно голубым небом. Воздух был так прозрачен, что каждая малость виделась отчетливо, как стрелки на циферблате наручных часов.

Он потратил еще некоторое время на завтрак — сэндвичи, кусок мяса, поджаренный на слабом огне, и кофе, такой сладкий, что, запивая им еду, он не чувствовал ее вкуса. Потом он поднялся и стал готовиться.

— Ну что ж,— сказал он себе, затаптывая огонь.— За работу...

Он оставил патрон в стволе винчестера. Обычно он неохотно делал это, предпочитал досылать патрон перед самым выстрелом, пока зверь не скрылся. «Сейчас иное дело»,— подумал он.

До сих пор он шел за старым быком, увязывая в уме логику поведения животного с тем, что видел собственными глазами. Теперь было ясно, что старый бык на время будет чувствовать себя в безопасности и станет кормиться где-то там, впереди. И он двинулся быстрым шагом, слегка наклоняясь корпусом вперед,— так его учил ходить Рой, приговаривавший при этом: «Мозги свои, приятель, выдвигай на передовую позицию».

Что ж, мозг его работал сейчас, как отлаженный механизм. Несколько раз он улавливал впереди звуки, напоминавшие шарканье копыт по листве. Дважды замирал на месте, дожидаясь, пока красные белки привыкнут к нему и вернутся к своим беличьим делам.

Вскоре уже на четвереньках он подполззал к краю небольшого пригорка, откуда видно было лосиное пастбище. Полчаса он потратил на то, чтобы получше разглядеть очертания молодого леска напротив — ведь лосиные рога легко маскируются под ветви деревьев. Потом он осторожно двинулся дальше, чувствуя, как наконец возвращается к нему старое, несравнимое наслаждение охотой.

— Внимание! — прошептал он.

Что-то заставило его скинуть рюкзак к подножию старой ели. Он почувствовал, как заколотилось у него сердце и бодрящий холодок пробежал по спине.

Крак... Крак... Крак...

Старый бык возился впереди, совсем близко. Лоусон загоревшимися глазами уставился на опушку березового подлеска, откуда должен был появиться этот старый урод. И тут же он услышал, как лось терся рогами о дерево.

— Давай! — прошептал он нетерпеливо и на несколько мгновений закрыл глаза, чтобы потом яснее видеть (тоже наука Роя). Когда он их открыл, вокруг было так тихо, что он отчетливо услышал, как старый бык что-то жует.

Потом жевание прекратилось, и Лоусон решил, что бык думает. Он медленно поднял винчестер — так, чтобы легко было его вскинуть и прицелиться. Он сказал себе, что надо выждать еще. Но через три бесконечные минуты понял, что пора сделать еще несколько шагов вперед.

Он отделился от старой ели и, не спуская глаз со своих ног, стал беззвучно передвигать их по мокрой земле. Так он продвинулся на несколько ярдов. И уже готов был наметить направление дальнейшего продвижения, как вдруг остро почувствовал, что совершенно открыт сбоку, с правой стороны. Он торопливо повернул голову вправо.

Там, меньше чем в десяти ярдах от него, стояло, низко наклонив рогатую голову, косматое чудовище — старый бык. Это могло кончиться только так, как кончилось. Старый бык кинулся.

Искать спасения было бесполезно. Винчестер, который он еще попытался вскинуть, был в его руках как мертвая дубинка. Но выстрел все-таки раздался — прежде чем он успел прицелиться. В то же мгновение рога поддели его под правую руку, вошли в ребра, в поясницу, ударили по затылку. Он взлетел на воздух. На одну долю секунды у него мелькнула дикая мысль: он так прочно насажен теперь на эти вилы, что никто уже не сможет его отцепить...

Но нет, он был отброшен в сторону, к деревьям, и свалился на землю. Он уже понимал, что тяжело изувечен, но обрадовался тому, что избавился от страшных, беспощадных рогов.

— О, я безмозглый ублюдок,— успел он еще простонать в беспамятстве. Жестокая боль в изуродованном теле, ужас, потрясение — все это поглотило его и увлекло в бездонную тьму.

5

Когда он пришел в себя, первым его чувством было удивление. Бык лежал в кустарнике прямо перед ним, как огромный, туго набитый тряпьем старый диван.

Лоусон несколько мгновений вглядывался, потом понял, что произошло. Он только не знал, сколько времени был без сознания. И он боялся пошевелиться. Ребра у него с правой стороны, видимо, пошли к чертям. Он чувствовал, как кровь течет где-то из живота. Головы он повернуть не мог — шея была вспорота сзади до самой лопатки. Но тут он еще раз поднял глаза на быка и увидел, что тот мучительно пытается подняться на ноги...

— Должно быть, попало ему в грудную клетку,— проговорил Лоусон. Но слова эти донеслись до его сознания откуда-то издалека. Он решил во что бы то ни стало смотреть на то страшное, что было у него перед глазами. И главное — не терять сознания. Он пока еще не испытывал страха, но уже боялся той минуты, когда страх придет...

Он с трудом начал было выпрямлять левую ногу, но бессильно откинулся на спину. Нет, он не будет думать о себе — этого он боялся тоже.

«Хотелось бы знать, где сейчас Джек? — обратился он к прекрасному голубому небу.— Он ведь слышал мой выстрел?»

Они условились, что в случае бедствия сигналом будут три выстрела с короткими промежутками. Но все равно, винчестера не было видно. Он с невероятным усилием приподнялся и снова потерял сознание. Очнувшись, он все-таки огляделся и тут заметил, что ружье торчит в мягкой земле стволом вниз, всего в нескольких дюймах от ступни его левой ноги.

— Ради бога, только осторожно,— сказал он себе. И хотя у него не было сил пошевелиться и уже в глазах накипали непрошеные слезы, он стал подвигать левую ногу, пока ступня не зацепила ружье и не опрокинула его. Винчестер упал прямо на него, крепко стукнув по лбу и окровавив щеку.

Он призвал на помощь всю свою волю и взял ружье левой рукой. Придерживая его ногой, он нащупал пальцами затвор и дослал новый патрон.

Приподняв голову, он увидел, что бык сумел-таки подняться на ноги. Зверь повернулся вполоборота, и стала видна ужасная дыра, пробитая выстрелом в его груди. Кровь стекала оттуда струйками. Мучимый собственным страданием, Лоусон решил во что бы то ни стало добить старого быка. Добить, чтобы тот не погибал в мучениях...

— Только спокойно,— простонал он, словно устанавливая последнюю связь между изувеченными телами обоих — его и лося.

Он, как мог, направил винчестер в сторону старого быка и, как мог, стал прицеливаться. Несколько мгновений они глядели друг на друга, словно борцы на арене, постигая трагическую суть того, что сейчас должно было совершиться.

Потом Лоусон нажал курок. Старый бык зашатался, осел на задние ноги и медленно, даже как будто осторожно, опустился на землю. Тогда Лоусон еще дважды нажал курок, и два выстрела вверх дополнили условный сигнал.

Это было все. Он убил зверя. И воззвал о помощи.

Через несколько минут боль стала брать верх над его напрягшейся волей. Но он все не отводил глаз от останков этого лесного патриарха, безжизненно простершегося перед ним.

Теперь он уже знал, что сказал последнее прощай своей молодости. Но не о своей молодости думал он сейчас. Глушь лесов североамериканского континента расплывалась перед его глазами как в тумане. Их прекрасная, целомудренная первозданность угасала и была обречена. Подлинные охотники на красного зверя уходили из этих мест или ушли из жизни. И он понял, что вернулся сюда не только для того, чтобы сказать себе правду о своей собственной жизни, но и чтобы бросить любящий, прощальный взгляд на уходящую юность самого этого континента.

Он откинулся на спину и стал ждать. Может быть, он умрет здесь, рядом со старым быком. Но что бы с ним ни случилось — одно он знал твердо: в этой величественной пустыне, в самом сердце разграбленного континента, прозвучал последний его выстрел. Последний выстрел в его жизни — будь то в птицу, зверя или человека.

Перевел с английского Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.

ТОВАРИЩ «НОУ ХАУ»

З. ХИРЕН

В Харькове ровно в пять, как и условились, за мной заехал Геннадий Александрович Кудинов и повез к себе. Он обещал показать несколько снимков, на которых запечатлена задувка доменной печи в японском городе Нагое.

За эти дни я немало наслышался об этой печи. Инженеры харьковского института ВНИПИ «Черметэнергоочистка» имеют все основания считать ее своим детищем. Фирма «Ниппон стил», купив у нас лицензию, применила советские системы высокого давления под колошником и испарительного охлаждения. Система охлаждения позволила увеличить срок службы доменной печи на 3—4 года. Системами воспользовались и сублицензиаты — «Кавасаки стил», «Кобе стил», «Сумитомо метал индастриз», «Нисшин стил».

Одним из участников «доменной одиссеи» стал и Геннадий Александрович Кудинов, инженер, начальник научно-исследовательского отдела того самого института, где зародилась идея, так сказать, укрощения огня на металлургических печах.

За короткое время инженер чуть ли не дважды земной шар обошел! Побывал в США, Канаде, в ФРГ, во Франции, Италии, Австралии, наконец, три раза летал в Японию. И все по одной причине: он может о себе сказать, как и коллеги по институту,— «ноу хау» — «знаю как». В соответствии с соглашением они сопровождают за границу лицензию и оказывают фирмам помощь и консультацию в проектировании, строительстве, эксплуатации испарительного охлаждения на металлургических печах.

Мой собеседник ничуть не преувеличивает насчет «ноу хау».

За этими крылатыми словами большая работа коллектива харьковского института, ряда других институтов и заводов Москвы, Урала, Украины. В Москве, в Лицензинторге, мне показали толстое досье об этой вот лицензии, которая уже несколько лет шагает с континента на континент, внося прогресс в металлургию стран с самой высокоразвитой индустрией.

«Советская промышленность привлекает внимание Запада своими достижениями в области усовершенствования системы охлаждения доменных печей,— сообщает «Нью-Йорк таймс».— Советская индустрия становится особенно сильной в некоторых областях металлургии». «Мы удовлетворены внедрением советской технологии испарительного охлаждения доменных печей,— сказал Э. Умене, заместитель генерального руководителя отдела технического развития японской фирмы «Ниппон стил».— Ее достоинства бесспорны: расход воды минимален, оператор имеет возможность управлять процессом охлаждения, обслуживание системы простое. Стоит ли удивляться тому, что наша фирма охотно купила лицензию на данную технологию? Я считаю, что она является новым замечательным этапом в металлургии, который по значению можно сравнить с появлением конвертеров».

— Все сейчас стремятся промышленные объекты строить помощнее. Взять хотя бы домны, сооружают их теперь с повышенным давлением газа под колошником,— рассказывает Геннадий Александрович. — Вот столбик на термометре и подпрыгивает на немыслимую высоту. Тут и самый огнеупорный кирпич не выдержит. А чем охладить кожух? По-всякому пробуют, но результаты получаются нерадующие. Повсюду применяют охлаждение печей проточной водой, было так и у нас до тех пор, пока Сергей Михайлович Андоньев, сперва, правда, лишь для мартенов, не сделал своего открытия. А чем же плоха проточная вода? Подсчитали: одна печь проглатывает в сутки норму воды для населения целого города. При этом печам необходимы брызгальный бассейн, градирни, насосные станции, крупные коммуникации водоснабжения. Но самое обидное, что все эти «жертвы» напрасны. На стенах, охлаждаемых обычной водой, толстым слоем оседает накипь, детали прогорают, печи выходят из строя, начинаются бесконечные ремонты. Представляете себе, в какую копеечку все это обходится? — спрашивает мой собеседник.

— Да,— отвечаю,— в какой-то степени представляю. Я ведь вам тоже могу кое-что рассказать. Не стану называть ни завода, он достаточно известен в стране, ни фамилий героев.

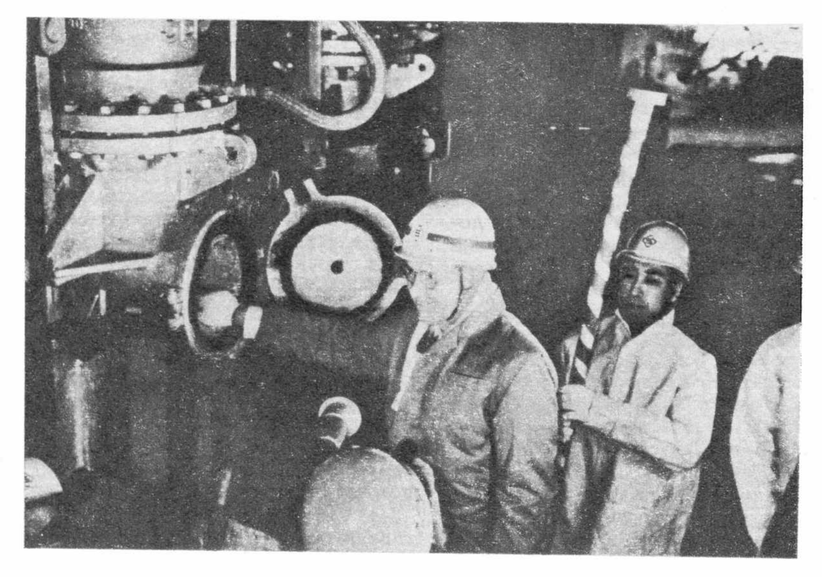
Много воды с тех пор утекло, не сомневаюсь, что все там теперь изменилось, и, конечно, к лучшему. Тот завод тоже страдал из-за частых ремонтов мартенов. Сталевары так и говорили: «Опять печки-лавочки». Приняло это несчастье такие масштабы, что, назначая нового директора, предпочли всем другим кандидатурам инженера, который до окончания института работал на том заводе печником. Он родился в деревне, где все мужское население посвятило себя этой славной профессии... Приезжаю однажды на завод, спрашиваю директора, а мне отвечают: не знаем, где он. Все закоулки облазил, но директора не обнаружил. Выручил редактор заводской радиогазеты, маленькая, немолодая уже женщина. «Эх, вы,— говорит,— а еще считаете себя ветераном нашего завода! Неужели не догадались, где директор? Да в печке он, вот где. Старую свою профессию не забывает». «Давайте,— прошу,— пойдем к нему». В печке так в печке... По дороге редактор объяснила, что печь, как это, увы, часто бывает, опять на ремонте. Ну и, конечно же, директор, как говорится, на месте события. Подходим к мартенам. Моя спутница окликает директора, просит сказать несколько слов для заводских известий, и что же — вылезает тот из печи. На голове чалма громаднейшая. Оказывается, когда сунулся он в печь, она еще недостаточно остыла. Директор скинул с себя ватник, окунул его в чан воды, намотал на голову, как чалму, и полез в мартен... Директор все это рассказывает, а моя приятельница времени не теряет, записала да еще просит добавить несколько слов.

— Хоть бы, чертяки, попить дали сперва,— взмолился он, зачерпнул ковшик из чана, с жадностью попил, вытер губы рукавом, произнес слова для «последних заводских известий», а потом снова в печь полез. Только подошвы его сапог замелькали...

— Догадываюсь, где это было,— перебивает меня мой собеседник и называет завод.— Но теперь там все изменилось. Как раз на мартенах этого завода был впервые применен метод нашего охлаждения, и срок службы деталей печей уже тогда возрос в несколько раз.

Один из патриархов русской металлургии, академик Михаил Александрович Павлов,— продолжает инженер,— впервые услышав об этой системе от нашего нынешнего директора Сергея Михайловича Андоньева, сказал: «Просто, хотя и парадоксально. Охлаждение кипящей водой! Получается, что восемьдесят лет мы работали неверно». Суть нового принципа такова: вода в охлаждаемых деталях доводится до температуры кипения, а тепло от стенок деталей отводится за счет скрытой теплоты парообразования. На испарительном охлаждении действуют холодильные плиты. Расход воды сокращается в шестьдесят — сто раз, значит, можно пользоваться химически очищенной водой, не дающей накипи. В результате полная революция в металлургии.

...Вот и микрорайон, куда недавно, буквально между двумя ко-

Нагоя. Япония. Почетное право задувки доменной печи № 3 предоставили председателю Лицензинторга В. А. Салимовскому.

мандировками, переселился Кудинов. Лифт поднял нас на восьмой этаж. На ходу познакомив с домочадцами, хозяин повел меня в свой кабинет — маленькую, сплошь уставленную шкафами, увешанную книжными полками комнатку. В углу — скрипка.

— Кто же у вас играет?

— Да сам немножко,— не без смущения отвечает он.

Позже мне рассказали, что в небольшом австралийском городке Нью-Кастле начальник доменного цеха Мори Огтон, принимая у себя в доме Кудинова, «угощал» его Чайковским, а гость в знак признательности исполнил на скрипке «Грезы» Шумана.

— Погодите-ка,— перебиваю я рассказчика,— а не тот ли это Мори Огтон, который приезжал к нам в СССР вместе с техническим директором фирмы «Броукен Хилл» Роном Невисоном?

— Он самый.

Я ведь почему спрашиваю? В австралийской газете «Кембла ньюс» под заголовком «Наш человек посещает Россию» было опубликовано интервью с Невисоном о его посещении СССР, там и упоминалось, что приезжал он с Мори Огтоном. В первых же строках Невисон сообщает: «Полный энтузиазма от большого балета Москвы и испарительного охлаждения, вернулся я домой». Далее в интервью говорится, что австралийскую фирму проблема охлаждения волновала много лет и советские специалисты успешно разрешили ее. Отчет Рона Невисона и Мори Огтона рассмотрел совет директоров фирмы, и было получено разрешение заключить контракт с советской стороной.

А в прошлом году во время подписания соглашения о развитии торгово-экономических отношений между СССР и Австралией Невисон заявил советской делегации, которую возглавлял министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев:

— Мы рассчитываем на развитие экономического сотрудничества с вами.

Ныне Невисон — технический директор «Острэлиен Айрон энд стил» в городе Вуллонгонге. На этом крупнейшем металлургическом предприятии Австралии успешно используется изготовленная по советской лицензии система испарительного охлаждения доменных печей.

Кончился разговор об Австралии, и Геннадий Александрович показал мне фотографии, где запечатлен момент задувки доменной печи в Японии, в городе Нагое. На снимках без труда узнаю наших товарищей «ноу хау» и в их числе Кудинова, в каске, очках, в соответствующей робе. Вокруг японцы — организаторы церемонии. Спрашиваю, волновался ли тогда Кудинов.

— Волнения не было, напротив, полная уверенность, что все будет нормально. Волновались японцы, для них наша система охлаждения была тогда новинкой. А для меня — уже десятая по счету доменная печь. Сотрудники нашего института — не только авторы открытия, разработчики, но и участники всех подобных сооружений на наших, отечественных, и зарубежных заводах. Я был просто убежден, что и на этот раз задувка пройдет отлично, что все агрегаты будут работать безаварийно. Когда все агрегаты пришли в готовность номер один, горящий факел опустили в отверстие воздушной фурмы. Это почетное право предоставили прибывшему из Москвы председателю Лицензинторга Владимиру Александровичу Салимовскому.

— Вот смотрите,— продолжал Кудинов.— Получил недавно привет, можно сказать, с самой вершины Фудзиямы.

И действительно, на красочном конверте я увидел знакомые очертания горы... «Испарительное охлаждение доменной печи № 3 в Нагое работает с отличными результатами,— писал Кудинову его японский коллега,— и я надеюсь, что мы вновь увидимся». Кроме этой печи, сейчас по советским лицензиям в Японии построено еще двенадцать доменных печей и шесть строятся — их должны пустить в нынешнем году.

Всем этим достижениям, и не только в Японии, но и во многих других странах, предшествовала громадная работа всего коллектива института и работников Лицензинторга.

Наши специалисты участвовали в проектировании, в изготовлении оборудования, задувке доменных печей. Прилетишь в полночь в Японию, а уже на рассвете предоставляют «профессорскую кафедру». За день аудитория менялась раз десять. Переводчики от усталости с ног валились, а «профессор» стой столбом и отвечай на вопросы. Японцы — мастера задавать вопросы. Старались каждую минуту пребывания в Японии советских специалистов использовать наиболее продуктивно. Навезут рабочих, инженеров, экономистов, те записывают, чертят, а чуть оговоришься, и сразу перебивают: «В прошлый раз вы не так говорили». Один из переводчиков удивился: «И как вы выдерживаете непрерывный экзамен?» «Для нас это не экзамен,— ответил товарищ «ноу хау»,— нам приятно, что ваши люди проявляют огромный интерес к техническому прогрессу советской металлургии».

В последний раз Кудинов побывал в Японии в составе делегации Министерства черной металлургии СССР. Еще из окна самолета увидел своего старого знакомого, японского специалиста Такеси Китагаву. Сколько дней вместе провели они в «железных городах»— так гость окрестил Кузнецк и Череповец, куда наши товарищи привезли его для ознакомления с отечественной металлургией.

И вот тогда-то, в Череповце, за ужином гость шутя заметил:

— Япония всегда славилась веерами. Но на сей раз вы, русские, забрали веера в свои руки. Конечно, у ваших вееров другой фасон, другая начинка. Так по-русски говорят, начинка? Но цель одна — охлаждать. Мы делаем веера, изображая на них красивых гейш, а вы строите веера для доменных печей и ничего на них не изображаете. Зато ваши веера сэкономят нам миллионы иен.

Не прошло и месяца после возвращения Китагавы, видного японского металлурга, из Советского Союза, как он выступил в журнале «Токай», издающемся в Нагое, со статьей «Железный город, который находится между 50—60-й параллелями». В Сибири он побывал зимой. Описывая березы, первый снег, Китагава приобщил к этим чисто национальным, по его выражению, приметам советское открытие испарительного охлаждения домен, назвав его также чуть ли не национальной чертой. Кузнецк он сравнил со своим родным городом Нагоей: «Далеко от Японии и в то же время очень близко». Признался, что с удовольствием пел «Подмосковные вечера», знакомился с нашими инженерами и рабочими, а в заключение написал: «Я узнал, что советские люди не только очень гостеприимны, но что на их доменных печах все сделано надежно и имеет большие резервы мощности. Они не насилуют оборудование, не перегружают его. И еще: авторитет советских людей в технике не имеет границ. Если берутся за дело, то обязательно выполнят. Что же касается доменных печей с системой испарительного охлаждения, то я убедился во время своей поездки, что Советский Союз занимает первое место в мире».

Вот что скрывалось за словами Китагавы «советский веер», произнесенными, как мы теперь убедились, вовсе не для красного словца.

Кстати, отвечая на вопросы корреспондента ТАСС, Китагава сказал, что советская система испарительного охлаждения доменных печей — самая прогрессивная в мире, она способствует увеличению производства чугуна и продлевает жизнь домнам.

...Когда я уже закончил этот репортаж, мне случайно попался на глаза старый номер «Огонька». В очерке «Главное направление» корреспондент «Огонька» описал борьбу за то самое изобретение, которое спустя много лет получило, можно сказать, всемирное признание. «Настоящий ученый всегда должен обладать достаточной силой воли, чтобы признать свое поражение»,— приводил автор советы, которые «друзья» давали тогда изобретателю. Да, герой очерка Сергей Андоньев действительно обладал большой силой воли, но только выразилась она вовсе не в «признании поражения». Сила воли понадобилась Андоньеву, чтобы преодолеть все препятствия, доказать на деле прогрессивность своего открытия, свою правоту, внедрить в горячие цеха систему испарительного охлаждения.

...В кабинете Сергея Михайловича выставлен макет доменной печи. Макет, совершивший немало зарубежных путешествий, вернулся домой. Стоит нажать кнопку — и сразу зажигается свет в тонких кривых трубочках, которыми обозначена система.

— И эту-то «кнопку» нажимают в горячих цехах разных стран наши товарищи «ноу хау»,— заметил Андоньев, кивнув в сторону сотрудников института, среди которых было немало творцов новых технических свершений.— Сейчас на берегу Средиземного моря, во Франции, в небольшом городке Фос-сюр-Мер, воздвигается крупнейший металлургический центр. Ну и, конечно же, не обошлось без наших систем, без нашего товарища «ноу хау». Туда был командирован в числе других специалистов сотрудник института Василий Андреевич Язев. Молодой еще человек, но у него на счету уже четырнадцать доменных печей, смонтированных при его участии.

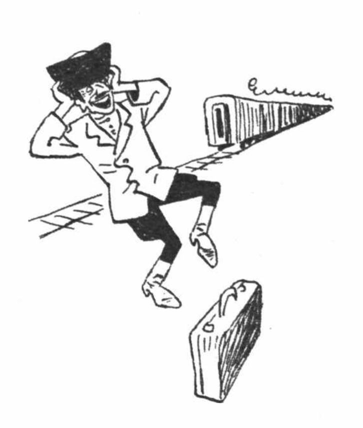
— А с чего все началось? — спрашиваю я у Андоньева, нажимая кнопку на макете.

— С сущего пустяка: с твердой веры в победу,— отвечает ученый.

М. БУТАЕВ

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА

КУР

КЛИ СМЕЕТСЯ

В Дагестане много аулов, и каждый из них своеобразен. Существуют аулы златокузнецов и канатоходцев, каменотесов и гончаров. И даже есть аул железнодорожников. Это Сумбатль. Хотя он находится вовсе не у железнодорожного полотна, а высоко в горах.

В лакском ауле Куркли, расположенном тоже где-то под небесами, живут и ученые, и златокузнецы, и каменотесы, и лудильщики, и садоводы, и сапожники. Но еще он отличается от других аулов тем, что в нем юмористов не меньше, чем в болгарском городе шутников — Габрове, где мне довелось побывать.

Автор этих юмористических новелл Магомед Бутаев — уроженец аула Куркли, мой давний друг. Это о нем говорят в Дагестане: если тебе тяжело, то делись с Магомедом. Его блокнот — это своего рода реестр жизненных наблюдений в родном ауле. А за плечами этого человека большая и интересная биография. Он прошел путь от солдата-фронтовика до главного редактора русского журнала республики «Советский Дагестан».

Перу М. Бутаева также принадлежат научные труды, многочисленные статьи и очерки, посвященные зарождению и развитию дагестанской печати.

Расул ГАМЗАТОВ

* * *

Абдуллу связывала с Сулейманом большая личная дружба. Не одну тарелку хинкала они съели вместе. И не было дня, чтобы они не ругались. И, как правило, несмотря на солидную силу, избитым оказывался почему-то Абдулла.

А случалось это так. Сидят они, спокойно беседуют. Постепенно разговор накаляется. Беседа переходит в брань, а затем и в драку. Обычно первый удар наносит слабый Сулейман. Бьет и тут же хватается за плечо.

— Ой, ой, Абдулла! Дерни мне руку. (У Сулеймана был привычный вывих руки.)

Абдулла дергал, рука становилась на место, и тут же Сулейман снова бил и снова хватался за плечо. И это продолжалось до полного избиения Абдуллы.

* * *

У Османа сильно болели глаза. Пошел он к сельскому врачу домой за лекарством. Врача не застал. Тогда он обратился к его матери — Майминат:

— Кажется, вон из той бутылочки, что на полочке, капала мне в глаза твоя дочь.

Майминат взяла бутылочку и закапала Осману.

Три дня Осман не мог открыть глаз.

Страшные боли мучили его. Терпел. К удивлению всех, бельмо исчезло, и Осман хорошо стал видеть.

Прошла молва по аулу. Все те, у кого болели глаза, стали просить у Майминат «османовские» капли. Вмешалась дочь и отругала мать. Оказывается, мать перепутала лекарства. В глаза Осману она закапала нашатырный спирт. К счастью, все обошлось хорошо. Куркличцы до сих пор разгадывают тайну действия лекарства Майминат.

* * *

Абдулла, обращаясь к сидящим на годекане[1] мужчинам, сказал:

— Пусть встанут те, кто недоволен своими женами.

Все моментально встали, и только он сам продолжал сидеть.

— Стало быть, ты доволен своей женой? — спросили его.

— Наоборот.

— В таком случае почему же не встаешь?

— У меня от страха подкосились ноги. Сюда идет моя жена.

* * *

— Хоть раз пригласим к себе Кадыра на обед, ведь он в нашем доме ни разу не был,— сказал Ахмед Магомеду.

— А вдруг он придет? — ответил Магомед.

* * *

Османа приглашают на лекцию председателя колхоза.

— Нет, не приду. Я уже слушал его речь.

[1] Годекан — место, где собираются мужчины аула после трудового дня.

— Но сегодня другая тема.

— Знаю, знаю!.. На какую бы тему он ни выступал, все равно скажет о проделках моего сына!..

* * *

Шамхал с женой приехал в Махачкалу в гости к сыну. Однажды он выпил вина и заснул. Проснувшись, оглянулся и не поймет — не то вечереет, не то светает. Он подошел к телефону, набрал номер своего племянника и спросил:

— Магомед, рядом с тобой кто-нибудь есть?

— Нет. Все в той комнате.

— Тогда отвечай тихо на мой вопрос.

— Хорошо.

— Вот на моих часах пять часов, это пять утра или вечера?

— Вечера.

— Остальное все ясно, положи трубку и никому ни слова.

* * *

— Дедушка Магомед, это правда, что ты в молодости много пил и с работы возвращался с пустыми карманами?

— А кто тебе об этом сказал?

— Да вот, бабушка Габибат.

В этот момент заходит Габибат.

— О чем ты болтала нашему внуку?

— Ты ему не верь, он шутник большой. Может придумать что угодно.

— Как же не верить, когда он правду говорит...

* * *

Загиди пригласил Шахмардана на свадьбу своего сына. Но Шахмардан не явился.

— Тоже мне придумал! Приглашение напечатал на машинке. Не мог по-человечески крикнуть с крыши. Больно грамотный стал,— возмущался на годекане Шахмардан.

* * *

— Минкаил, почему канаву в огород выкопал не прямо?

— Видишь ли, когда я копал ее, на пути стояла арба Гасана. Чем этого человека просить отодвинуть арбу, я предпочел обойти ее.

* * *

Столетний Супи-Магомед заболел. Соседка Субайрижат (ей было девяносто) зашла его проведать. Больной начал с упреков:

— Как тебе не стыдно! Я неделю прикован к постели, а тебя все нет и нет. А еще соседкой называешься!

— Давно бы зашла, но боялась, что сплетни пойдут по аулу: женщина бегает к одинокому мужчине!..

* * *

Джалалутин приехал в Махачкалу устраивать сына в институт.

Он подкрался к дверям аудитории, где шли экзамены, и стал подслушивать.

Экзаменатор терпеливо задавал вопросы, на которые сын отвечал что-то невнятное.

— Вах, какие нужно иметь нервы! Гони прочь такого тупицу! — ворвавшись в аудиторию, выкрикнул отец.

Вернувшись домой, опечаленный сын сказал матери:

— Все шло хорошо, но отец помешал...

* * *

К старику Кура-Гаджи принес чинить обувь молодой человек. Старик починил и категорически отказался от денег.

— Передай только своему дедушке Кура-Магомеду, чтобы больше со мной так не поступал.

— А что случилось?

— Он меня опозорил вчера.

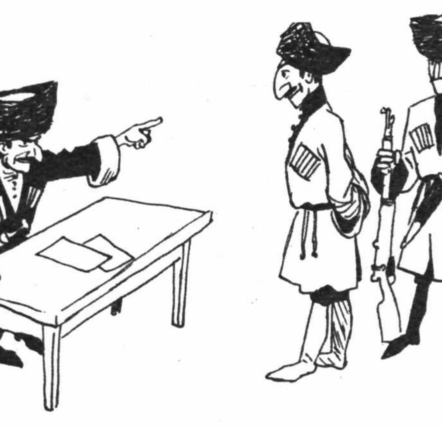
— Как?

— Очень просто. Ты же знаешь, что я плохо слышу. Я с ним договаривался, что когда мы собираемся на годекане и кто-либо из мужчин рассказывает смешное, он должен толкнуть меня в бок. Он вчера меня толкнул раньше времени, и я начал звонко хохотать. Это ведь коварство.

* * *

Дедушка Супиналав упал с лестницы. Но, к счастью, все обошлось благополучно, сам поднялся. А потом подумал:

«Как это так? Упал с такой высоты, и никто не заметил».

Пошел на то место и лег. Начал стонать.

Собрались люди, подняли его и понесли в дом. Родственники начали плакать, друзья жалеть...

«Ох, теперь-то я спокоен. Ведь действительно меня любят».

* * *

Али корил своего младшего брата за то, что тот, не докрасив балкон, ушел смотреть футбольный матч по телевизору.

— Лучше бы я был братом твоей жены, чем твоим,— ответил младший брат.

— А мне лучше было бы быть твоим младшим братом, чем старшим, тогда я бы смотрел футбол,— сказал Али.

* * *

Это было в первые годы Советской власти. После долгих поисков бандит был пойман. Крестьяне привели его в сельсовет к председателю Магомеду.

— Вот и поймали мы тебя,— сказал председатель.

— Поймали, но только не ты лично.

— Ах так, отпустите его сейчас же. Сам буду ловить,— заявил председатель.

* * *

— Сын мой Магомед, я же тебе говорил, чтобы ты не водил Садрутина в наш сад. Он же воришка.

— Учитель Джабраил сказал мне, чтобы я его воспитывал,— ответил сын.

— Так у него же сад гораздо лучше и фрукты вкуснее. Пусть он и воспитывает его.

* * *

— Абдулпатах, дай взаймы сто рублей.

— Нет у меня сейчас столько денег.

— Разве мужчина без ста рублей бывает?

— Бывает. Вот ты.

* * *

Нуруллаг смотрит на уходящий поезд и от души хохочет.

— Чего смеетесь так громко? — спросил прохожий.

— Опоздал на поезд...

— Вот тебе и на! Опоздал и еще смеется.

— Да я не над собой. Только что мои друзья еле догнали поезд и прыгнули в вагон. Они решили меня проводить.

* * *

— Сурхай, далеко собрался?

— Еду к врачу в Кумух.

— Что, заболел?

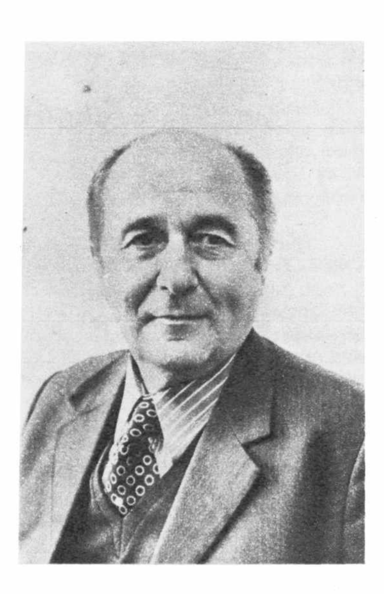
— Нет.

— В чем же тогда дело?

— Хочу знать, я это я или не я.

— Так спросил бы меня. Я же вижу, что это ты.

— В последнее время кто-то пишет жалобу из нашего села и мою подпись ставит. Все ответы идут ко мне. Вот я стал сомневаться, я ли я или нет.

Цезарь СОЛОДАРЬ,
специальный корреспондент
«Огонька»

БЫВШИ

БЕЖЕНЦЫ

К платформе Западного вокзала Вены подошел поезд. Как всегда, люди заторопились из вагонов, но эти шестеро пассажиров вышли, вернее, выпрыгнули на перрон первыми.

Никто их не встречал.

В их глазах нетрудно было прочитать смутную радость людей, еще не совсем верящих, что они избавились от чего-то гнетущего, страшного. Где я видел людей с такими глазами?

Не весной ли сорок пятого на подступах к осажденному Берлину? Навстречу нашим стремительно наступающим колоннам брели только что освобожденные советскими воинами узники гитлеровских застенков — югославы, датчане, голландцы. Их глаза светились радостной надеждой: предстояла скорая встреча с родиной!

Но такой уверенности не было, да и не могло быть у людей, которых я увидел в тот вечер на перроне венского вокзала. Они знали только одно: никакая сила не сможет вернуть их в Израиль, откуда они бежали кружным путем, прибегнув к многочисленным ухищрениям. Страшная сионистская действительность позади. А что впереди? Примет ли их родина, которую они, по их словам, так необдуманно покинули?

Нет, не покинули. Предали.

Только сейчас, с роковым опозданием, механик Лазарь Чудновский и бухгалтер Ева Шварцман, уроженцы города моей юности — Киева, начинают осознавать, что, отказавшись ради выезда в Израиль от советского гражданства, они предали Советскую Родину.

Свою первую ночь в Вене они с семьями провели на вокзале. С опаской поглядывали на расхаживавшего по залу полицейского. Однако не он потревожил их.

Приметили беженцев два агента «Сохнута»— местного филиала сионистского агентства, официально ведающего лишь иммиграционными делами. На самом деле сотрудники этого агентства не выпускают из поля зрения ни одного еврея, попавшего на австрийскую землю. Теперь они не были столь показательно улыбчивы и предупредительны, как полгода тому назад, когда здесь же, в Вене, встречали этих бывших киевлян, направлявшихся на «землю обетованную». Сейчас сохнутовцы хмуро и угрожающе увещевали Лазаря Львовича:

— Не подавайте прошения о возвращении вам советского подданства. В Вене богатая сионистская община, она подыщет вам жилье и работу. Вам надо прийти в себя. Наверно, вы еще одумаетесь и вернетесь в Израиль. Если же, не дай бог, не захотите, то разве мало на свете стран? Вам помогут перебраться в Австралию, в Канаду, в Новую Зеландию. А может быть, вам привалит счастье и вы попадете в Америку. Только не ссорьтесь с нами и не ходите в советское консульство!

Но именно в консульском отделе нашего посольства я наутро снова увидел Чудновских и Шварцманов. Чтобы быть первыми в очереди на прием, они пришли к дверям консульства еще на рассвете.

— А где же багаж?— поинтересовался я.

— При нас. Десятки чемоданов, с которыми мы прибыли на тель-авивский аэродром Лод, растаяли. Пришлось все привезенное из Киева распродать, иначе мы никогда в жизни не расплатились бы с долгами. Ох, как много всяческих долгов было записано у каждого из нас в голубой книжечке «теудат оле»!..

Я уже знал, что этот «документ» сразу же под расписку получает на руки каждый о л е и каждая о л а — так в Израиле именуют новоприбывших мужчин и женщин. И с этой минуты начинается их закрепощение, продуманное и жестокое.

За несколько недель я повстречал более ста бывших советских граждан, которые, подобно Чудновским и Шварцманам, недолго пробыв в Израиле, бежали оттуда.

Беженец — горькое слово. Беженцы — это те, кто стремится убежать от тяжкой, неотвратимой беды. От вражеского военного нашествия. От разрушительного стихийного бедствия. От безжалостной, страшной эпидемии.

Люди, встреченные мною, тоже бежали от неотвратимой беды. От пропитанного духом наживы и агрессии злобного сионизма. От прикрытого религиозной завесой оголтелого шовинизма. От душевной черствости и нечеловеческого равнодушия, свойственных обществу, где человек человеку волк.

Они бежали с чужбины. Да, горькой чужбиной оказалось для них израильское государство, где им сулили новую родину.

Сейчас эти люди плачут. Сейчас они умоляют вернуть их на родину. Сейчас они заверяют, что готовы любой ценой искупить свой отказ от советского гражданства, что согласны жить в любом уголке Советской страны, что беспокоятся не за себя, а за будущее своих детей. От многих приходится слышать:

— О себе я уже не думаю. Мне бы только вернуть ребенка в нормальную обстановку. Разве я могу примириться с тем, что мой ребенок обязан из-под палки изучать талмуд! Что в единственный выходной день — субботу я не могу вывезти его поближе к зелени, ведь раввинат запретил работу общественного транспорта в субботние дни! Что мальчика через несколько лет призовут в армию агрессора!

Те, от кого я слышал такие возгласы, умалчивали о самом существенном. Они не рассказали мне, как дети уже не раз спрашивали их:

— Зачем ты, отец, искалечил мне жизнь? Зачем ты увез меня с родины, где я должен был стать настоящим человеком, на постылую чужбину, где мне все ненавистно?

А ведь дословно так написал тринадцатилетний Сема Лушнер своему отцу, когда ночью пытался из Ашкелона удрать на Кипр, а оттуда на советском судне вернуться в Одессу, о которой он грезит во сне и наяву.

Дети осуждают родителей...

ТВОРЦЫ СОБСТВЕННОГО НЕСЧАСТЬЯ

— О чем же вы думали, покидая родную страну?

...Разные ответы на свой вопрос услышал я.

Одни ссылались на психоз, даже на своего рода заразную лихорадку.

— «Израиль, Израиль, Израиль»,— только и твердили нам добровольные советчики,— объясняет свой отъезд Клара Розенталь, фельдшер из молдавского города Бельцы.— Из Израиля приходили письма о «голубой жизни» на «священной земле предков». Одну из истинных причин происхождения этих писем я поняла слишком поздно, хотя и в первые же часы пребывания на израильской земле. Я встретила известную всем Бельцам учительницу музыки Марию Лазаревну Вайсман. Едва узнала ее — так за короткий срок постарела и опустилась она. Оказывается, музыкальные школы есть только в столице, и Марии Лазаревне приходится в Израиле перебиваться частными уроками. От случая к случаю. Каждый такой урок доводит ее до слез. Родители учеников считают себя вправе бестактно давать преподавательнице указания, по часам контролируют время ее прихода и ухода. «Зачем же вы, Мария Лазаревна,— спросила я ее,— писали в Бельцы, что живете в Израиле превосходно? Ведь ваши письма ходили по рукам и губили людей!» Учительница побледнела и схватилась за сердце: «Мне было стыдно перед своими земляками. Помните, в Бельцах я была человеком, я ходила с поднятой головой. И ученики и родители приветливо улыбались мне. В Израиле я стала ничтожеством. Никому я здесь не нужна. Я опустилась. Я в полной мере ощутила комплекс неполноценности — тот самый, который на советской земле представлялся мне невозможным, придуманным. И мне было стыдно признаться в этом...»

Другие, отвечая на мой вопрос, объясняли свою роковую ошибку стадным чувством.

Двадцативосьмилетний Абрам Питилашвили, ранее работавший в Тбилиси радиотехником, так и сказал мне: «Видели, как иногда в горах бегут бараны? Один за другим спешат, один за другим пробираются в ущелье, один за другим валятся в пропасть. Нас, молодых, погубили старики. Письма из Израиля разворошили в них националистические и религиозные чувства. Но перекладывать свою вину на стариков тоже несправедливо: тем и в голову не могло прийти, что эти письма — подложные, написаны под диктовку, что большинство их — заурядные фальшивки».

Были, впрочем, и письма отнюдь не восторженные. Но попробуй разберись, каким верить, а каким не верить! Ведь многим не верили. Но каким?

Уехавшая из Латвии Рива Москович, пробыв в Израиле несколько месяцев, пишет сыну, что не надо ему приезжать к ней, что здесь он жить не сможет. Но сын уже до предела напичкан сионистскими посулами. И смысл его ответного письма таков: мать, которая хулит священную землю отцов, мне не нужна! И он уезжает из Латвии в Израиль. Но матери там не застает: ей удалось бежать.

Лейзер Шайкевич получает от жившего в

Израиле брата письмо. Брат недвусмысленно советует оставаться в родной ему Буковине. Но «дальновидного» Лейзера «на мякине не проведешь». Он так комментирует письмо соседям: «Брат всегда хитрил со мной. Я понимаю, ему там хорошо, и он не хочет, чтобы и мне было хорошо. Дураков нет — я-таки поеду!»

Третьи не отвечают на мой вопрос, они просто не решаются сказать, о чем думали, отказываясь от советского гражданства. Ведь, уезжая из Советского Союза, они откровенно разглагольствовали об ожидающих их в Израиле меде и млеке. Жадно ловили по радио каждое клеветническое слово враждебных радиостанций. И с большим опозданием Моисей Матусович Гитберг, инженер-металлург, оставивший в Днепропетровске жену и пятнадцатилетнего сына, понял теперь: «Один известный западный юрист сравнивал посылку враждебной информации на территорию иностранного государства с посылкой артиллерийского снаряда. Какая правда в этих словах! [1]»

Многие очень поздно постигли эту правду. Механик Абрам Гиршович Гец, бывший рижанин, сейчас сокрушенно восклицает:

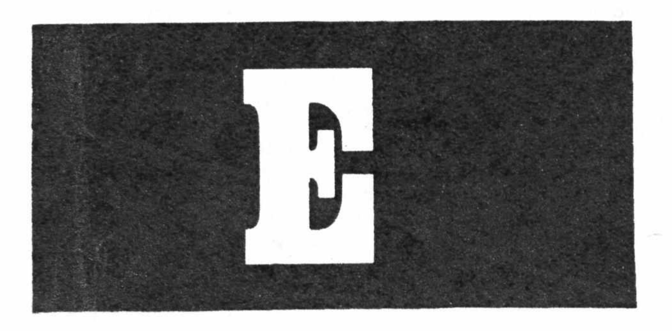
— Будь проклят этот «Голос Израиля» и другие брехливые радиоголоса! Сколько несчастья приносят они людям!

Но тут же грустно добавляет:

— Конечно, чужие голоса — поганые голоса, однако надо иметь свою голову на плечах. А я на какой-то момент потерял ее...

Итак, о чем же все-таки думали эти люди, покидая родную страну?

Из ответов на этот простой вопрос мне запомнились слова одесского обувщика Рувима

Львовича Блувштейна, бежавшего из Израиля с восемнадцатилетним сыном, которого собирались призвать в израильскую армию:

— О чем я думал, покидая Одессу? На свое горе, я тогда не думал. Думать я начал поздно, только в Израиле, когда моему сыну объявили: ты будущий солдат нашей армии и обязан воспитать в себе ненависть к арабам. И я впервые с ужасом подумал: что я наделал, куда я привез своего сына! Я понял: нет, Израиль не сможет стать для меня второй родиной!

Рассуждения о «второй родине», на которые так щедра сионистская пропаганда, напомнили мне слова Льва Абрамовича Кассиля, замечательного писателя и советского патриота:

— Для тех, кто воспитан советским строем, не может быть никакой второй родины. У советского человека может быть только одна родина. Понимаете, только одна!

Прошло немало лет с того дня, как в Англии я услышал эти слова Кассиля. Но до сих пор помню, как твердо и безапелляционно отчеканил их писатель, обычно высказывавшийся мягко и даже с какой-то долей застенчивости. Непримиримость и страстность, прозвучавшие в голосе взволнованного Кассиля, сразу заставили стушеваться и замолкнуть того, к кому он тогда обращался. И почтенный английский господин еврейской национальности по фамилии Бук, один из самых богатых жителей города Сандерленда, уже не посмел больше и заикнуться насчет того, что, откуда бы, мол, ни приехал еврей в Израиль, он ощутит эту страну как свою вторую родину.

Впрочем, самому себе сандерлендский коммерсант отводил только роль сионистского проповедника. Он и не помышлял об отъезде в Израиль, ибо почитал себя обязанным перед потомками добиваться дальнейшего расцвета своей торговой фирмы в Англии.

И сейчас, терпеливо выслушивая жалобы и стенания бежавших с «земли обетованной» людей, я часто вспоминал гневные слова Льва Кассиля о «второй родине». Я еще и еще раз убеждался: все их беды и горести — закономерный результат того, что они предали свою родину.

...С некоторыми из тех, кого я встретил в Вене, мне пришлось беседовать дважды и трижды. Многие просили меня ознакомиться с их записями и, как они говорят, исповедями. Все они — каждый по-своему, каждый на памятных и подчас жестоких примерах — воочию убедились, что капиталистический уклад жизни, сдобренный теориями расового превосходства, не для них, не для их детей.

Но я покривил бы душой, утверждая, что все без исключения стали жертвами одной только лживой и разнузданной сионистской пропаганды. Нет, некоторые оказались жертвами прежде всего собственных иллюзорных представлений о капиталистическом обществе. И прежде всего те, кто мечтал «сделать карьеру».

Роман Кацобашвили, бывший повар «Рицы» — одного из самых популярных ресторанов на Черноморском побережье,— сейчас обуян желанием вернуться в Грузию. Его многочисленные заявления — письменные и устные — полны грустных фактов и подробностей, сделавших для него жизнь в Израиле мучительной и бессмысленной. Склонен даже поверить и пылким словам Кацобашвили о тоске по жене, с которой он, однако, мгновенно разошелся, чтобы облегчить себе возможность уехать в Израиль. Но не может он утаить роившихся тогда в голове и подтачивавших сердце всяческих эфемерных планов. Ему мерещилось, как он, замечательный кулинар, пышущий здоровьем человек, энергичный работник, вовсю «развернется за границей».

А двадцатипятилетний московский музыкант Михаил Бранзбург убедил себя, что только за границей он сможет в совершенстве овладеть ударными инструментами и стать выдающимся оркестрантом. Решив оставить жену и дочурку, он шепнул уезжавшему в Израиль тромбонисту Александру Кофману: «Устрой мне вызов от липового родственника». Вызов незамедлительно прибыл: с загадочной подписью «Сомполински Загава» — мужчины или женщины, мифического двоюродного брата или несуществующей троюродной сестры.

Правда, все находящиеся в Вене беженцы из «земли обетованной» считают, что Бранзбургу повезло: он встретил бежавших из Израиля людей и, побеседовав с ними, отказался туда ехать.

Кое-кто из моих собеседников, желая проявить предельную откровенность, рассказывает мне о накапливавшихся у них «обидах» на советское общество. Теперь с роковым для них опозданием эти «обиды» представляются им смехотворными.

Для бывшего киевлянина Николая Фавелевича Петрова-Штейна начало «обидам» на Советскую власть положило недостаточное внимание дирекции завода к написанным им, как он выражается, рабкоровским сигналам. Правда, сейчас Николай Фавелевич понимает, что некоторые из его сигналов дурно пахли клеветой.

Более подробно и с нескрываемым самоосуждением рассказывает о своих «обидах» зубной врач Александр Исаевич Каганов:

— Мое падение, да, именно падение, началось с того, как я отреагировал на оскорбительную грубость управдома соседнего дома, где я прогуливался со своей собачкой! Сейчас я кажусь себе сумасшедшим! Но тогда, предварительно обработанный всякого рода слушками и радиопередачами враждебных станций, я оказался достаточно «созревшим», чтобы отождествить грубияна-управдома с... советской властью! И когда на следующий день мне близ синагоги предложили устроить вызов в Израиль, я согласился...

Кстати, именно «близ синагоги» встретили многие из моих собеседников услужливых людишек, предложивших им «устроить вызов» в Израиль. Об этом рассказывали мне и бывший москвич Каганов и бывшие рижане, кишиневцы, львовяне.

КРУШЕНИЕ ИЛЛЮЗИЙ

Кое-кто уезжал в Израиль уже с репутацией убежденного сиониста. Такие мнили себя «борцами» и даже «победителями», гордясь тем, что не скрывали от советских сограждан своих враждебных взглядов и открыто распространяли сионистскую клевету на наш образ жизни. Еще по дороге в Израиль взахлеб торопились публично заявить о выпавшем на их долю счастье — отъезде из Советской страны. Для них, своих идейных единомышленников, израильские власти создавали особенно благоприятные условия и даже досрочно выдавали им постоянные паспорта — «кавувы».

Их в Израиле принято именовать «идеалистами» в отличие от «материалистов» и так называемых «промежуточных». «Идеалисты» вначале даже как-то свысока смотрели на откровенно жаждавших «роскошной жизни» «материалистов» и особенно «промежуточных», намеревающихся и капитал приобрести и невинность соблюсти.

Однако и недавние «идеалисты», причем самые отъявленные, тоже обивают сейчас пороги советского консульства в Вене. Назову, например, бывших ленинградцев — юриста Григория Соломоновича Вертлиба и его жену математика-программиста Софью Моисеевну Вайсман, помпезно встреченных в марте 1971 года «братьями во Сионе». Израильское радио присвоило Вертлибу титул «руководителя еврейской общины», ибо он стоял во главе нескольких сионистски настроенных евреев, желавших выехать в Израиль. Эта возглавляемая им группа, как признал Вертлиб, «занималась распространением литературы, убеждающей евреев, что их место в Израиле».

Вертлиба, естественно, встретили в Израиле подчеркнуто радушно: в числе нескольких избранников он был на продолжительном приеме у самой Голды Меир и нескольких министров. Его направляли в Париж и Рим для публичных выступлений «в защиту советских евреев». В отличие от большинства его попутчиков, Вертлибу сразу же дали хорошую квартиру, а также работу ему и жене.

Но уже в декабре Вертлиб убедился, как далека печальная израильская действительность от пленявших его ранее сионистских идеалов. В нем созрело решение покинуть «землю обетованную». Он ушел с работы. Однако, прекрасно понимая, что нельзя открыто признаться в желании вернуться в Советский Союз, вынужден был прибегнуть, как он выражается, к камуфляжу: исподволь завел разговоры о поездке якобы к родственникам в Западную Европу.

И вот весной 1972 года, бросив все привезенное из Ленинграда имущество, Вертлиб с женой и пятилетним ребенком бежал из страны, о которой, по собственному признанию, мечтал целых двадцать лет.

Почему?

Многостраничная исповедь Вертлиба дает ответ далеко не однозначный.

«Материально мы не нуждались»,— сразу же признает он исключительное положение, созданное ему израильскими сионистами. Да, весьма исключительное! Ведь по точным цифровым расчетам самого Вертлиба, на средний для израильтянина заработок никак невозможно свести концы с концами семье хотя бы с одним ребенком. Особенно, когда глава семьи не комбинирует, не прибегает к обману, не живет на «чэдз», то есть на чужие деньги.

Итак, если на некоторых беженцев, обреченных израильским строем на полунищенское существование, мог в какой-то степени повлиять материальный фактор, то решение Вертлиба было продиктовано совершенно иными причинами. Какими?

«Израиль — государство, где давно забыты какие-либо идеалы дружбы и нормальных отношений между людьми. Да, собственно, какие могут быть отношения между работодателем, который имеет завод, виллу и 3—4 машины, и евреем из Марокко или Ирака, который имеет крохотную квартирку (а часто не имеет и таковой) и живет с пятью-шестью детьми в убогом квартале для «черных»? Какие, собственно, могут быть отношения между бюрократом в каком-нибудь учреждении, основная мечта которого досидеть до пенсии и который знает, что уволить его практически невозможно — с одной стороны, и «новым оле» из Советского Союза, который десятки раз ходит на прием,

[1] Гитберг, очевидно, имеет в виду высказывание видного американского юриста-международника С. Биро, сделанное еще в 1945 году.— **Ц. С.**

получая один и тот же ответ: «савланут» (терпение) и «ихье тов» (будет хорошо)»?

Вертлиб приводит типичный разговор между чиновником учреждения, обязанного заботиться о новоприбывших, и бывшим советским гражданином:

«— Работы нет и не предвидится. Но будет хорошо.
— Как же будет хорошо, если бюро труда не дает работы?
— Нужна протекция — и будет хорошо.
— У меня и квартиры нет.
— Терпение. А почему ты хочешь жить в Хайфе? Поселись в Димоне.
— Но в Димоне нет работы для инженера.
— Зато там можно выцарапать жилье.
— На черта мне жилье, если там никогда не будет работы для инженера?
— А разве обязательно работать инженером? Вот все вы приезжаете и требуете, требуете, подавай вам и работу и квартиру».

И в конце исповеди горькое признание:

«Тяжело человеку в 40 лет осознать, что вся его жизнь была бесплодна и посвящена ложным идеалам. Но еще более страшной, на мой взгляд, должна быть жизнь у тех, кто так же, как и я, полностью разочаровался в израильской действительности, но не находит в себе сил и мужества открыто рассказать другим евреям обо всем, что происходит».

Земляк и единомышленник Вертлиба — радиотехник Бенцион Григорьевич Товбин также был принят в Израиле с распростертыми объятиями. Там знали, что он тоже любыми способами прокламировал свое давнишнее стремление навсегда поселиться в этом государстве. В отличие от преобладающего числа бывших советских граждан Товбин, имеющий реноме сиониста, без всякой проверки получил работу, связанную с частым пребыванием в иностранных портах. А сейчас, покинув Израиль, он с горечью говорит:

— Не преувеличу, если скажу, что в Израиле мы подчас ощущали себя явно бывшими людьми.

И Товбин непрерывно шлет ходатайства о разрешении вернуться в Советский Союз.

Кстати, поражает уверенность, вернее, самоуверенность, с какой испрашивают такое разрешение многие из беженцев. Взрослые люди, умудренные немалым житейским опытом, они наивно полагают, что стоит им только попросить, как перед ними тотчас же поднимется пограничный шлагбаум. «Да, отказался, мол, от советского паспорта, но я же хочу назад!.. Да, оформил, мол, развод с женой, которая не пожелала уехать в Израиль, но я же готов возвратиться к ней!.. Да, оставил детей, но я же согласен снова стать их отцом!»

И летят в города и веси Советского Союза письма такого примерно содержания:

«Дорогая жена! Теперь я понял, что любил и люблю тебя одну...»

«Дорогие родители! Теперь я понял, как много вы для меня сделали...»

«Дорогие дети! Теперь я понял, что без вас жить не могу...»

А один молодой человек даже консультировался со мной, как с литератором, достаточно ли слезно и проникновенно изложено его покаянное письмо в Латвию к бывшему тестю, которого он несколько лет поносил и оскорблял за неверие в израильский рай. Кстати, ничто не помешало молодому человеку оставить брошенного ребенка на попечение духовно ему чуждого тестя.

Разумеется, я не смогу подробно рассказать обо всех повстречавшихся мне в Вене беженцах, хотя со многими беседовал, повторяю, не один раз.

ТОЛЬКО ФАКТЫ, ТОЛЬКО ДОКУМЕНТЫ

В раскаяние некоторых не веришь — уж очень они усердствуют!

Не мог я поверить патетическим тирадам одного бывшего работника тбилисской торговой сети. Если ранее свой отъезд из Советской страны он пространно мотивировал необходимостью воссоединить «небывало огромную» семью, то сейчас докатился до нетерпимых в советском обществе антисемитских излияний — не может, мол, жить среди людей своей национальности.

После того, как другие присутствовавшие при этом бывшие граждане Советской Грузии выставили за дверь своего явно переусердствовавшего друга, я спросил его жену:

— Вы слышали, о чем только что кричал ваш муж? Мне после этого подумалось, что в Израиле он с такой же горячностью кричал, как тяжело ему было жить среди грузин. Или я ошибаюсь?

Женщина долго молчала. А затем, вызывающе оглядев остальных беженцев, отчетливо ответила (только уже не мне, а им):

— Разве только он один? А каждый из вас не поддакивал басням о тяжелой жизни евреев в Грузии?.. Почему вы молчите? Скажите писателю, что я лгу! Скажите!

Никто из них мне этого, конечно, не сказал...

Мне встречались и другие беженцы из Израиля, с наивной подлинкой полагавшие, что высказываниями антисемитского толка и злыми насмешечками над людьми своей национальности они смогут хоть на крохотную толику оправдать свой постыдный отказ от советского гражданства.

И хотя эти люди действительно не выдержали образа жизни в Израиле и ни за что туда не вернутся, не хочу я воспроизводить их рассказы, рассчитанные на явную сенсацию. Я говорю здесь о том, что подтверждается либо документами, либо рассказами многих, порознь беседовавших со мной беженцев. Делаю это с чистой совестью: каждый, кто делился со мной в Вене своими горестями и надеждами, знал, что беседует с писателем, который выступит на страницах «Огонька». И я точно пересказываю читателям увиденное и услышанное.

Трудно, конечно, быть бесстрастным рассказчиком, когда на тебя скорбно глядят потухшие глаза двенадцатилетней Дали и семнадцатилетнего Яши Шамелашвили. Дети покинули Израиль без матери, с которой приехали туда из Сухуми. Медико Шамелашвили осиротила своих детей 9 апреля 1973 года: она вскрыла себе вены и повесилась. Большеглазая Дали не подозревает, что именно ее безудержные слезы стали последней каплей, переполнившей чашу терпения матери. Рыдающая девочка прибежала с уроков и сказала ей, что в школу ни за что не пойдет. Дали не могла больше сносить изощренных издевательств учительницы, с фарисейской грустью твердившей, что, к ее большому сожалению, евреи из Грузии оказались неполноценными людьми. Учительнице послушно подпевали и самые «прилежные и благонравные» соученики Дали из семей сабров — привилегированных старожилов.

Так же встретили в израильском городе Ашкелоне и пятнадцатилетнего Юру Ковригара. На Украине Юре предсказывали большую будущность математика, собирались направить мальчика в специальную школу. В Ашкелоне молодые сионисты, глумливо установив, что мальчик принадлежит к «необрезанным нечестивцам», раструбили об этом по всему городку. И сами учителя тут же предупредили родителей Юры, что не потерпят в своей школе «урла» — такова оскорбительная кличка «необрезанных».

Трудно, конечно, не поддаваться эмоциям, когда на тебя обрушивается половодье слез...

И все же пересилю себя — буду прежде всего репортером, регистратором, документалистом.

Итак, только факты, только цифры, только документы, за которыми скрываются подлинные судьбы людей, обездоливших себя отъездом на чужбину.

Многие из них, правда, не понимают или не хотят понять всей катастрофической сущности того, что кроется за отказом от советского гражданства. При мне возник такой диалог двух бежавших из Израиля врачей:

— Даже не верится,— возмущенно воскликнул тот, что помоложе,— но в Лоде тотчас же по приезде меня спросили, давно ли я стал диссидентом!

— Увы,— ответил более пожилой,— мы с вами заслужили это. Что означает английское слово «диссидент»? Отступник. А мы ведь отступились от родной страны, от народа, с которым росли, учились, работали. Зачем же удивляться, что в Израиле увидели в нас диссидентов?

— И все-таки никто не имеет права называть меня диссидентом,— упрямо твердил молодой врач.— Особенно после того, как я раскаялся!

Я слушал его и думал: да, так и не понял этот человек, что не в термине корень, а в содеянном, в отречении от Родины!

ГОЛУБАЯ КНИЖЕЧКА

Первый и обязательный документ, немедленно вручаемый каждому новоприбывшему, едва ступит он на израильскую землю, это уже упоминавшаяся «теудат оле»— проклятая голубая книжечка. Тощенькую и с виду весьма непритязательную, иммигранты по-разному, но с одинаковой ненавистью называют ее и черной книжкой и патентом на кабалу.

Немало таких книжечек перелистал я. Обычно встречал стандартные записи:

«Стоимость авиабилета от Вены до аэропорта Лод».
«Страхование багажа».
«Доставка багажа».
«Пособие до момента нахождения источника заработка».
«За лечение после шестимесячного пребывания в стране».
«Отсроченная квартирная плата».
«Срочная ссуда» (уже, конечно, с процентами. — Ц. С.).

Такие и подобные им записи — это норма, обыденность.

Но стоит только сохнутовским агентам пронюхать, что у человека появилось желание покинуть страну, как в его голубой книжечке появляются новые записи. Делается это так. Человека вызывают сразу же в несколько «мисрадов» — учреждений. И неизменно предупреждают:

— Иметь при себе долговой документ!

Для чего? Для того, чтобы, скажем, Иосифу Шамелашвили, отцу двух детей, потерявших в Израиле мать, сказать:

— Мы забыли отметить в твоей «теудат оле» 1 180 лир за страховку багажа. Тебе придется вернуть эти деньги!..

«Тыкают», между прочим, не из дружеских побуждений: дело в том, что в иврите отсутствует местоимение «вы». А объясняться в учреждениях на идиш, как и по-русски, строжайше запрещено. Невероятно: язык, на котором создали литературные шедевры Шолом-Алейхем и Менделе Мойхер-Сфорим, на котором писали Давид Бергельсон и Лев Квитко, на котором сегодня пишут у нас и в других странах мира прогрессивные еврейские писатели, этот язык оказался для израильского государства неполноценным. И чуть ли не антигосударственным!..

Итак, какие же новые записи поспешно вносятся в долговые книжки тех, кто задумал покинуть Израиль?..

Давида и Евгению Ковригар в «Сохнуте», например, спросили:

— Забыли, сколько бутылочек лимонада выпили в замке Шёнау? Мы помним точно.

И тут же последовала соответствующая запись в голубой книжечке.

А Исааку Ваншенкеру незамедлительно напомнили в дирекции школы:

— Твой ребенок учился у нас во втором классе. С тебя причитается 1 026 лир... Ох, извини, я ошибся: с тебя только 984 лиры, ведь твой ребенок, оказывается, учился в первом классе.

Такую же сумму вписали в голубую книжечку Фриды Т. Этой женщине еще не удалось расплатиться с долгами и покинуть Израиль, вот почему я не вправе называть ее подлинного имени и места жительства.

Постараемся уточнить, за какое же именно обучение своей девочки обязана Фрида Т. внести 984 лиры?

...Оставалось несколько дней до начала учебного года. Дочурка впервые пойдет в школу. Как не сшить ей новое платье! И Фрида взяла в долг под проценты еще триста лир у «благодетеля» их улицы — мелкого ростовщика. На эти деньги, кроме платья, девочке купили ранец, тетрадки, ручку.

Увы, первый школьный день, обычно столь памятный на всю жизнь, принес отнюдь не радостные волнения. Девочку в праздничном платьице посадили в школе не за парту, а на грязный пол. На полу она раскрыла и свою первую в жизни тетрадку.

На полу?! Да! Денег, пожертвованных американским филантропом на постройку и оборудование новой школы, не хватило на мебель. Последние девять тысяч лир были истрачены на портрет мецената и каменную плиту с перечислением его заслуг перед израильскими братьями.

ХОРОШИ КАРАНДАШИ

СТРАНИЦЫ РЕПОРТЕРСКОГО БЛОКНОТА

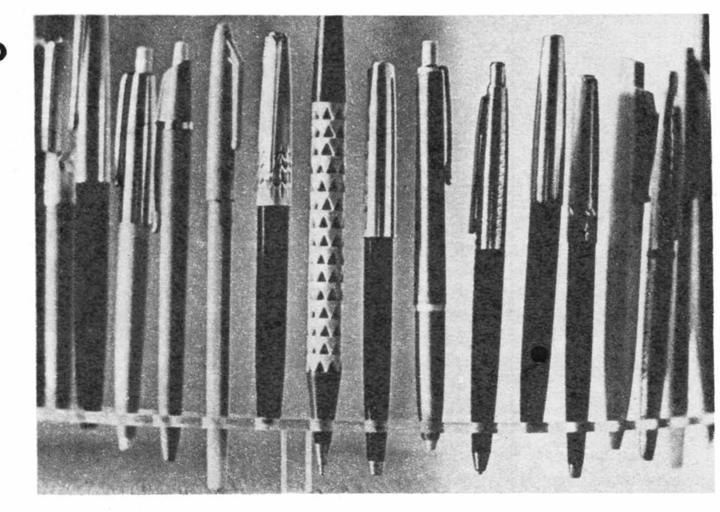

Фото М. Савина.

К. БАРЫКИН

Время какое! Писать начинают едва ли не с детского сада, а карандашами уверенно орудуют уже в яслях. И до самой глубокой старости не расстается человек с авторучкой и карандашом.

Знаю одного московского скрипичного мастера, его нередко можно встретить там, где сносятся деревянные дома. Бродит вокруг поверженного сруба, выстукивает молотком бревна: не подойдут ли для изготовления музыкального инструмента? Дерево ведь ему нужно особое, не сегодня срубленное, хорошо просушенное. Нынешние карандашные фабриканты поступают примерно так же: они снаряжают в Латинскую Америку целые экспедиции высматривать и скупать дома, сложенные из тамошнего кедра. Нет на земле для карандаша древесины лучше.

Вот только наш сибирский кедр может с ней сравниться, да и то, если умело высушен. Капризный материал. Но коли выделан он по всем правилам технологии, то дает отличную карандашную дощечку.

Но, к сожалению, чаще случается, что монополист по ее поставке — Томская фабрика Министерства местной промышленности РСФСР гонит сырую древесину, как говорится, с сучком и задоринкой. «Опять дровняк»,— вздыхают тогда на заводе пишущих принадлежностей имени Сакко и Ванцетти. И начинают досушивать дощечки, облагораживать, доводить до кондиции.

Предприятие это прославленное, и кондиции тут особые, высокие. А приходится заниматься не своим делом.

Дощечки идут в цех, к станкам, уже приготовившим «начинку» — грифели всех цветов радуги. Да нет, не всех. Больше! Учебник физики утверждает, что у радуги всего семь цветов. Помните школьную «запоминалочку»: «Каждый — Охотник — Желает — Знать — Где — Сидит — Фазан»?

Красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый... Здесь же в коробки укладывают не по семь, а по сорок восемь карандашей, и все разноцветные.

Сорок восемь цветов — это для набора «Искусство». Карандаши так названы не случайно. Центральная лаборатория предприятия и его стержневой цех разработали наборы «Искусство» по просьбе профессиональных и самодеятельных художников. В кабинете директора В. Л. Петрушина, в самой лаборатории, в комнате одного из ветеранов предприятия, И. И. Непомнящего, есть великолепно сделанные портреты, написанные, а точнее сказать, нарисованные карандашами из этого набора «Искусство». Делают на фабрике «Рисовальные» наборы по 12 и 24 цвета; карандаши «Геолог», изготовленные на светостойких красителях, сохраняющие рисунок от выгорания. А вот разработка «Живопись». О косметических достоинствах этих карандашей проведали модницы и уже не первый год применяют для подкраски бровей и ресниц, кладут ими гримерскую «тень». Есть у «Живописи» свой секрет — она дает чуть размытый мягкий штрих, легко сочетаемый с другим по цвету тоном. Увы, пользуясь этим секретом, иные мастерицы косметики рисуют на лице разве что не картины. Словом, карандаш «Живописи» занял прочное место в дамской сумочке.

Для профессионалов-художников на заводе были разработаны и прежде выпускались специальные мелки типа «сепия» и «сангина», пятиоттеночный «марс» — от светло-коричневого до темного, густого, как настой кофе. Что еще было? «Рекорсанд», «марганцевая коричневая» — с минеральными красителями, редкоземельными элементами.

Применяют тут особую технологию изготовления стержня, подобрали специальное синтетическое связующее. Называется оно КМЦ, разработано нашими химиками, но вот мало пока дают его предприятию.

Рецептура разработана с такой обстоятельностью и так тщательно ее выдерживают, что почти нет других грифелей, способных конкурировать с продукцией стержневого цеха завода имени Сакко и Ванцетти, старейшего карандашного предприятия. Но загляни сейчас на завод — от прежних построек сохранился лишь один флигелек. Да и тот на ладан дышит. Хотели было его сохранить под музей. А потом решили создать музей в другом здании. Сейчас там идет сбор экспонатов: написали письма ветеранам, обращаются на родственные предприятия. Неплохо, если бы это начинание переросло первоначальный замысел и музей завода имени Сакко и Ванцетти стал бы собранием всех пишущих принадлежностей: карандашей, авторучек, фломастеров и, конечно же, перьев, настоящих, всамделишных, гусиных, какими написаны бессмертные произведения русской и мировой классики, тех самых перьев, от которых, собственно, и возникло название — перо, получившее впоследствии новый смысл. И часто мы слышим теперь слова: литератор с хорошим пером... Конечно, здесь, в музее, нашлось бы место и для современных перьев — сейчас завод выпускает и автоматические ручки.

Делают на предприятии и сотни тысяч «шариков» — и самых простеньких и сувенирных.

Завод имеет свои добрые традиции, гордится своими ветеранами, такими, как прессовщицы А. Н. Подтесова и А. А. Коновалова, наладчик В. Т. Щербинин, комплектовщица В. С. Туманова, и многими другими — более трети людей в коллективе имеют стаж работы, превышающий пятнадцать лет. По ним равняется и молодежь.

В минувшем году заводом выпущены миллионы карандашей! Успешно выполняется и план нынешнего года. Но все же спрос на карандаши удовлетворяется не полностью.

СУРОВАЯ НЕЖНОСТЬ

Так названа новая книга стихов поэта Николая Поливина. Думается, что это название вполне соответствует ее тональности, ее лирической и вместе с тем гражданственной направленности. Ведущая тема сборника стихов и поэм выглядит двуединой — это отразилось даже в самом сочетании на первый взгляд не очень-то соединимых слов — суровая нежность. Не броской, а истинной нежностью пронизаны стихи Н. Поливина о людях труда, обладающих недюжинной нравственной силой. Но высокой напряженностью отличаются жизнь и труд этих людей — потомственных рабочих, моряков и рыбаков Каспия, берега которого были колыбелью самого поэта. Вот почему лирические строки о тружениках моря наполнены ощущением повседневной борьбы. Поэт утверждает:

Суровость рыбачьих становий,
железная нежность людей...
Здесь будни с романтикой
вровень
шагают по пояс в воде...

Трогательны и возвышенны черты лирического героя стихов Н. Поливина: в нем, этом герое, накрепко соединились и гордость за свой большой труд и нелюбовь к пышным фразам.

У берега паслись
домов квадраты.
Дышала ГРЭС,
пургой огней слепя...
Мне показалось:
здесь я был когда-то,
почувствовал хозяином себя.

Стихи Н. Поливина, в которых воспеваются труд и человек труда, выглядят убедительными и достоверными, ибо они конкретны — любое утверждение в них выношено в душе автора, биография которого как бы совпадает с биографией лирического героя.

Естественным продолжением лирических стихов являются поэмы «Глубинные ветры» и «Понизовые были», вошедшие в новую книгу. В первой из них автор поэтически воспроизводит свою родословную, начиная от пращура Егория, который спалил усадьбу барина, а потом подался на Каспий, в отряды Разина. Из поколения в поколение прослеживается судьба потомков волжского бунтаря, чьи правнуки встали под красные знамена Октября, защищая дело революции на берегах Каспийского моря.

Если в «Глубинных ветрах» революционная тема решается в приподнято-романтическом плане, то в поэме «Понизовые были» она сугубо конкретна: реалистичны картины классовой борьбы, зримо и выразительно вырисовывается образ революционера-ленинца С. М. Кирова, прибывшего на Каспий, чтобы возглавить здесь борьбу молодой Советской власти против контрреволюции.

И стихи и поэмы в новом сборнике Н. Поливина свидетельствуют о том, что талант его обретает черты зрелости и мужественности, привлекая своей «суровой нежностью» к главному герою — рабочему человеку.

О. ЗВЕРЕВ

Николай Поливин. «Суровая нежность». Стихи и поэмы. М., «Советская Россия», 1973.

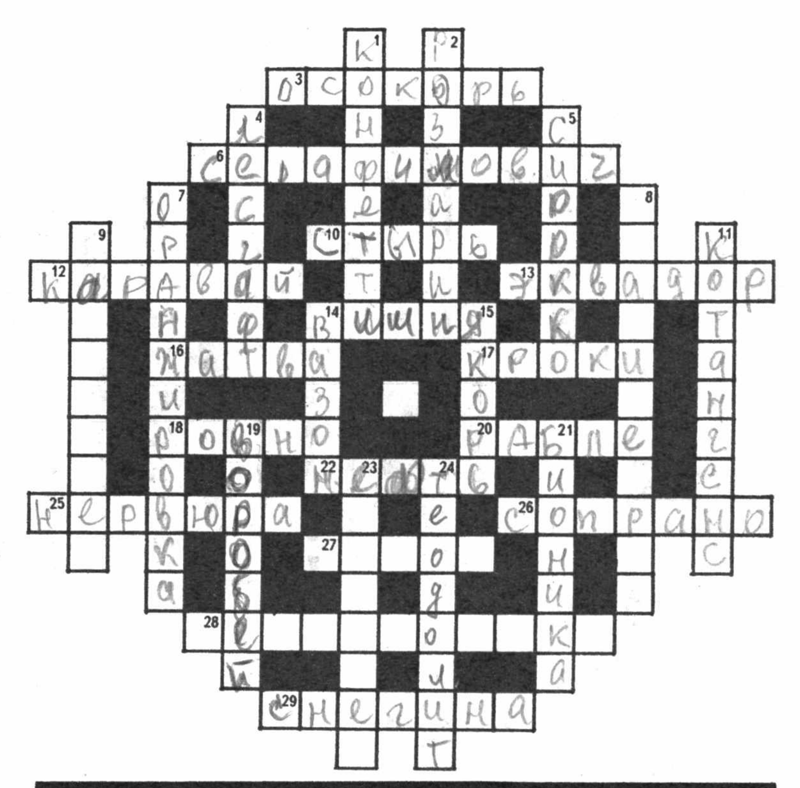

СТРАНА ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Музыка З. БИНКИНА. **Слова Ю. КАМЕНЕЦКОГО.**

Нет страны той на карте,
В ней законы свои.
Там черемуха в марте,
В декабре — соловьи.
Все впервые, все внове
И не будет потом...
Нашей первой любовью
Ту страну мы зовем.
Там меня и поныне
Ждет девчонка одна,—
Мой рассвет соловьиный,
Молодая весна.

Побродить бы мне вволю
В том далеком былом!..
Нашей первой любовью
Ту страну мы зовем.
Только в юность по правде
Не вернуться нам вновь.
Нет черемухи в марте,
В декабре — соловьев.
Но тоскуем до боли
Мы о времени том...
Нашей первой любовью
Ту страну мы зовем.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Черный тополь. 6. Советский писатель. 10. Приток Припяти. 12. Круглый хлеб. 13. Государство в Южной Америке. 14. Плодовое дерево или кустарник. 16. Сельскохозяйственная работа. 17. Набросок чертежа, рисунка. 18. Областной центр на Украине. 20. Автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». 22. Горючее вещество. 25. Элемент конструкции крыла самолета. 26. Женский голос. 27. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 28. Звуковая система из пяти звуков различной высоты в пределах октавы. 29. Героиня поэмы С. Есенина.

По вертикали: 1. Разноцветные бумажные кружочки. 2. Сорт яблок. 4. Врач, создатель научной системы физического воспитания. 5. Знойный ветер. 7. Переложение музыкального произведения. 8. Наука, изучающая ускорение силы тяжести на земной поверхности. 9. Созвездие северного полушария неба. 11. Тригонометрическая функция. 14. Цветочный горшок. 15. Часть электрической машины. 19. Маленькая птица. 21. Раздел кибернетики. 23. Озеро в Швеции. 24. Угломерный инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали: 5. Макаренко. 6. Камея. 7. «Тоска». 9. Сопка. 12. Регби. 14. Тропа. 15. Иматра. 17. Привал. 18. «Гайдамаки». 21. Уганда. 22. Верста. 23. Шрифт. 25. Фляга. 26. Марка. 27. Рояль. 29. Точка. 31. Третьяков.

По вертикали: 1. Лемма. 2. «Стоик». 3. Акцент. 4. Ингода. 6. Карта. 8. Архив. 10. Помология. 11. Посланник. 13. Гладиатор. 16. Агама. 17. Псков. 19. «Анчар». 20. Прима. 23. Шалфей. 24. «Тройка». 28. Остап. 30. Кивер.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 11/III—1974 г. А 00541. Подписано к печ. 26/III—1974 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 700. Тираж 2 130 000 экз. Заказ № 1931.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: 10 000 километров по странам СЭВа.

ПНР. «Я живу в Кракове».

ВНР. Огни Будапешта.

СССР. Еще одна машина сошла с конвейера Волжского автомобильного завода.

ЧССР. Демонстрируются моды сезона.

СРР. Элине Якоб, швея Бухарестской трикотажной фабрики.

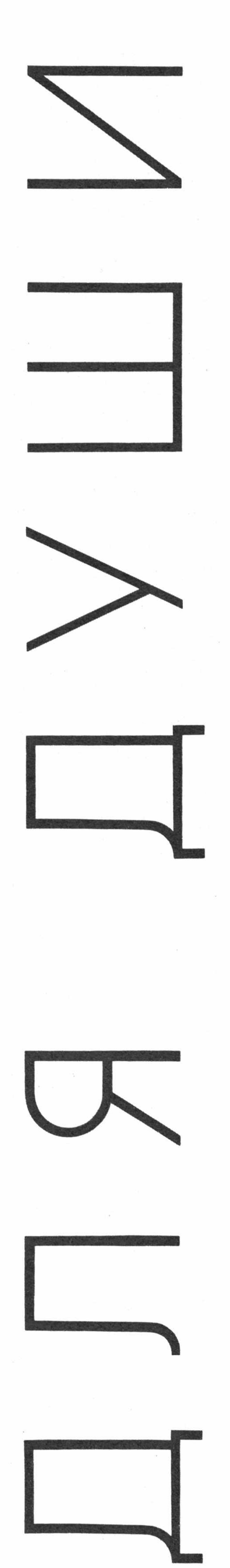
НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

СФРЮ. Крагуевацкий мемориал.

НРБ. Бургас. Прибыли новые «Жигули».

ГДР. В детском саду города Зоннеберга.

Фото Дм. Бальтерманца, Ю. Кривоносова, Ю. Лушина.

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Почти девяносто человек собираются вечерами в огромной институтской аудитории. Никто не норовит сесть подальше, как это нередко случается днем, на занятиях. Сейчас, наоборот, все садятся в первые ряды, и притом в определенном порядке. Да и педагогу отвечают куда более дружно, чем на лекциях. Отвечают хором...

Но довольно загадок. Дело в том, что в руках у студентов не обычные тетради, а нотные. Я на репетиции народного самодеятельного хора студентов ЛПИ — Львовского политехнического института.

Руководит певческим коллективом преподаватель консерватории Александр Федорович Грицак.

— Мы принимаем в хор всех,— поясняет Александр Федорович,— даже если у студента нет необходимых данных для пения. Потом, после нескольких занятий, он, может, и уйдет, но... «отведав» самодеятельного творчества, увлеченный им, наверняка захочет попробовать силы в других самодеятельных коллективах и, наконец, найдет себя в одном из них...

И педагогу и певцам по сердцу совместная работа: разучивание новых песен, занятия музыкальной грамотой, поездки с концертами по колхозам и окрестным городам.

...«Дивчина моя люба...» — поют студенты, поют легко, свободно. «Венецианская ночь» Глинки, «Родина» Туликова... Кажется, аудитория становится тесной для молодых и звонких голосов...

НЕМНОГО ИНФОРМАЦИИ

В самодеятельности Львовского политехнического института участвуют почти **две тысячи** человек. Симфонический и духовой оркестры, вокалисты, капелла «Акколада», бандуристы, танцевальный ансамбль... Каждый коллектив имеет свои «ответвления», или «филиалы», на факультетах.

Но вот парадокс: у клуба ЛПИ пока нет своего помещения. Танцоры репетируют в небольшой комнате со сдвинутыми в угол столами и стульями. Симфонический оркестр, кстати сказать, самый большой в области, собирается в актовом зале. У духовиков есть... подвал, но довольно-таки сырой, инструменты портятся... Так что руководителям клуба Александру Марьяновичу Белькевичу и Игорю Николаевичу Иванову нелегко живется.

Справляться с трудностями помогает художественный совет, куда входят руководители всех самодеятельных коллективов. Костюмы, поездки, репертуар, встречи студентов с поэтами и профессиональными артистами — все это их забота, как, впрочем, и поиск аудиторий почти для каждой репетиции. И еще одна, главная, пожалуй, забота заключается в том, чтобы привлекать вновь поступивших в ЛПИ ребят к самодеятельности.

Привлекать... Но как?

КЛЮЧ К ТАЙНЕ

— Можно мне записаться к вам в оркестр? — спрашивает новичок.

— Не «можно», а нужно!.. Нужно!..— быстро и весело отвечают супруги Носовы, руководители народного духового оркестра.

Как мы позже узнали, парнишка из далекого украинского поселка, ныне первокурсник геодезического факультета ЛПИ, уже несколько раз заходил на репетиции. Смотрел. Слушал. Наконец решился: будет учиться музыке!

Но разве он пришел в оркестр просто от нечего делать?.. В институтском духовом оркестре играют в основном сельские парни, потому что не во всех деревнях и селах есть симфонические оркестры или хоровые ансамбли, но духовой оркестр существует почти везде: никакое торжество, никакой праздник без него не обходятся. Так вот, студентам-новичкам, впервые попавшим из деревень в большой красивый город, наверняка есть чем заняться вечерами. Пройтись по Львову — и то интересно, я уж не говорю о многочисленных театрах, музеях, парках...

Значит, в оркестр влечет любовь к искусству, к творчеству? Да. Но это уже следствие. Первопричиной же оказываются тут супруги Носовы — подлинные энтузиасты своего дела, люди, умеющие пробудить высокую любовь к искусству.

Владимир Николаевич работает в консерватории, Ляля Григорьевна — преподаватель в культпросветучилище. Их душа — это именно самодеятельный духовой оркестр. О нем Носовы говорят с необыкновенным увлечением, и вот кусочек диалога.

АЖУРНАЯ МУЗЫКА

Он. Заметьте, в консерватории студентов порой заставляешь играть. А в самодеятельности — сами рвутся!..

Она. Духовой оркестр — не только походные марши, как привыкли считать многие. Мы играем Моцарта, Бетховена, Верди, Шостаковича... Нашим оркестрантам должна быть подвластна тонкая, я бы сказала, ажурная музыка...

Он. Когда дирижирует Ляля, наши самодеятельные артисты, и правда, играют мягче! На Всесоюзном смотре самодеятельных духовых оркестров, где мы стали лауреатами, Ляля Григорьевна была единственной женщиной — дирижером духового оркестра...

Она. Хорошо бы играть где-нибудь в парке, для всех... Люди слушали бы нас и отдыхали...

Он. А я мечтаю о том, чтобы наш оркестр выступал возле мемориального комплекса — Холма Славы. Это должна быть тихая и прекрасная музыка!

Она. Между прочим, наши бывшие студенты не забывают нас: Анатолий Шемчук руководит оркестром на заводе, но до сих пор приходит к нам репетировать... А Сопелюк Богдан, ведущий инженер объединения «Электрон», так и остался с нами. Мы сейчас разучиваем «Аиду» в его инструментовке...

* * *

Таковы супруги Носовы. В их присутствии оркестранты забывают о времени, готовы играть чуть ли не до утра и слушать рассказы Владимира Николаевича о композиторах, о. музыке, о творчестве...

Молдавский танец.

Дирижер Ляля Носова.

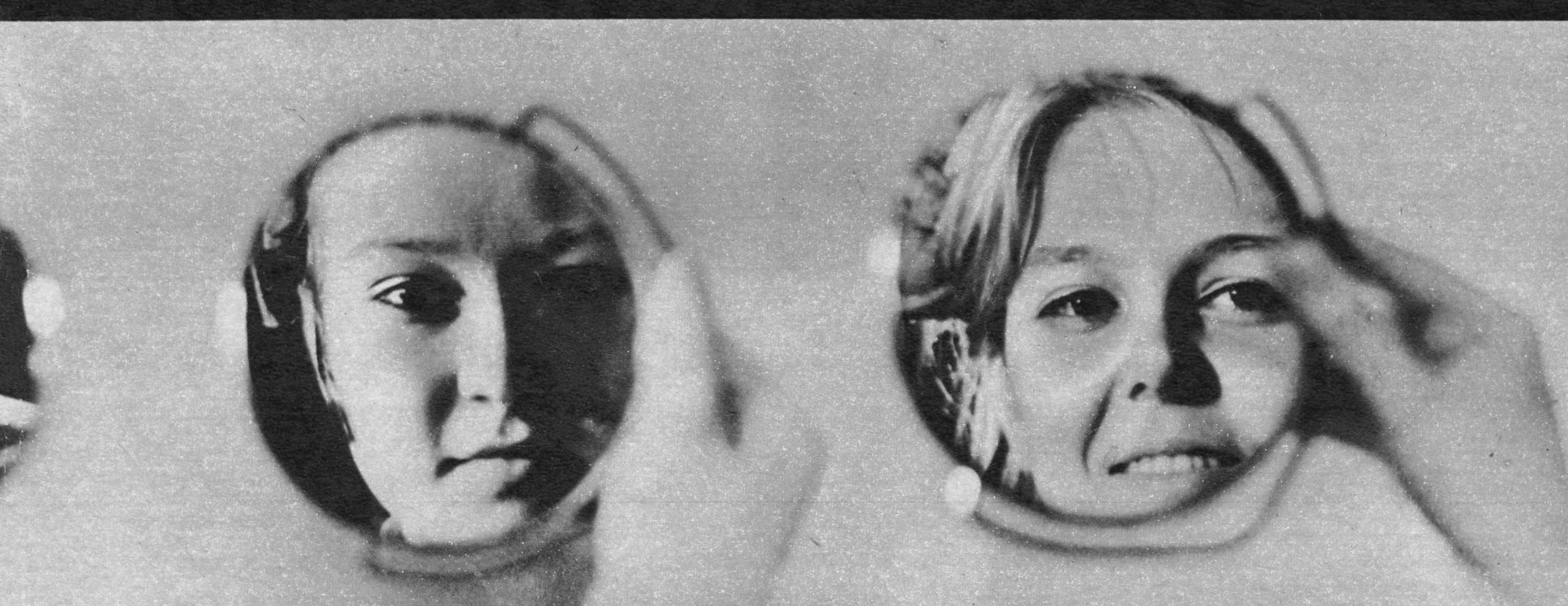
Марианна Маркевич.

Репетирует духовой оркестр.

Студентки ЛПИ Наташа Волкова, Людмила Куляпина и Татьяна Генералова.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663